

СЕМЬЯ И ШКОЛА

журнал для родителей 10. 1973

в номере:
домашняя часть учения

Семья и школа

Ежемесячный журнал
для родителей
Академия
педагогических наук СССР
№ 10, октябрь 1973 года
Издается с 1946 года

Главный редактор
Л. М. Иванова

Редакционная коллегия:

М. В. Гоголева,
В. В. Давыдов,
М. В. Жилинская,
О. М. Иванова,
И. И. Карпец,
Н. П. Кузин,
Р. А. Курбатова,
Т. В. Матвеева,
И. П. Руденко,
В. А. Рыбаков,
Э. С. Соколова,
А. Г. Хрипкова,
О. Э. Чкалова

В этом номере:

Отчетливое понимание прекрасных прав и благородных обязанностей, записанных в новом Законе о школе, будет способствовать хорошему воспитанию строителей коммунистического общества

— страница 2

Задача пополнения рабочего класса и его образовательного роста становится сегодня особенно актуальной. Секретарь магнитогорского горкома КПСС А. Па-

укин рассказывает о том, как в городе, вошедшем в историю индустриализации страны, заботятся о воспитании юной смены
— страницы 4—9

Что сами старшеклассники думают о необходимости среднего образования для каждого человека?
— страница 10

Об учительском труде, о видимом и невидимом в сложной и тонкой педагогической работе...
— страницы 12—17

Почта журнала: родители благодарят педагогов, откликаются на журнальную публикацию, вносят предложения, задают вопросы
— страницы 18—22

И снова «журнал в журнале». Сегодня мы поговорим о домашних заданиях. Знаем, что многих родителей эта тема очень занимает. Действительно, домашняя часть учения — вещь важная
— страницы 23—42

Что такое умственная одаренность? Могут ли все дети быть одаренными? И как воспитать одаренного ребенка?
— страница 43

Растет в семье мальчишка...
— страница 46

У врача: полный ребенок — не здоровый ребенок
— страница 48

Фото Б. Раскина

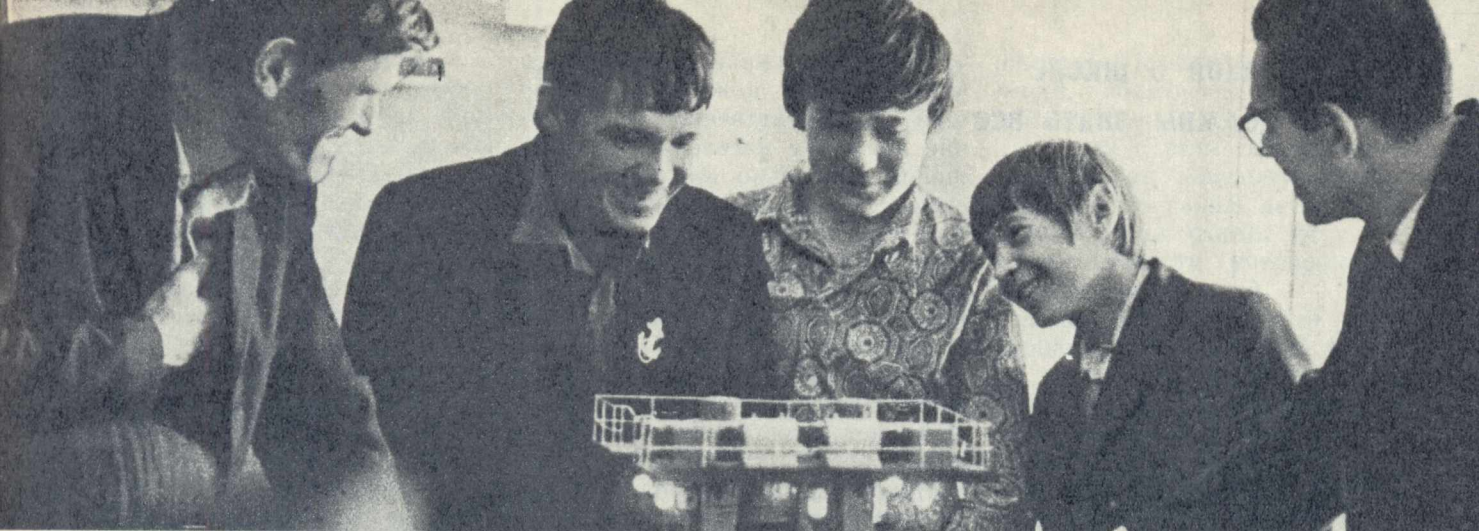
Книги: издательству «Детская литература» сорок лет; книга воспоминаний о Михаиле Светлове; новинки
— страницы 49—53

На международном фестивале детских фильмов в Москве
— страницы 54—57

Фото Н. Рахманови

В свободное время вместе с детьми

— страница 62

Домашний музей: натюрморт Ивана Хруцкого

— страница 64

См. 14—17-ю страницы

См. 23—42-ю страницы

О хоккейных страстях мальчишек и о том, могут ли эти страсти быть нашими союзниками в воспитании

— страница 58

Как ходить по дорогам

— страница 59

Прочитайте детям стихи известного американского поэта Огдена Нэша

— страница 60

Хорошие манеры: не опаздывайте в театр!

— страница 61

Навстречу международной выставке школьного оборудования в Сокольниках

— страница 61

Новые товары: домашняя парта

— страница 62

См. 4—9-ю страницы

На 1-й странице обложки фото И. Ципина

Художник М. Верхованцев
Художественный редактор Т. Мухина
Технический редактор Л. Упатина

Рукописи и фотоснимки не возвращаются.
Литературных консультаций редакция не дает

Издательство «Педагогика»

Адрес редакции:
129278 Москва, И—278,
улица Павла Корчагина, 7
Телефоны редакции:
283-85-16, 283-80-09

Подписано к печати
31 августа 1973 года А10637
Тираж 1 200 000 экземпляров
Заказ 1602 Бумага 84×108 1/16
Условных печатных листов 7,14

Чеховский полиграфический комбинат
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
город Чехов Московской области
Набор этого номера произведен
на фотонаборном автомате 2НФА
с перфоленты, изготовленной
на устройстве «Север-2»

Закон о школе должны знать все

Прекрасные права — благородные обязанности

«Целью народного образования в СССР является подготовка высокообразованных, всесторонне развитых активных строителей коммунистического общества, воспитанных на идеях марксизма-ленинизма, в духе уважения к советским законам и социалистическому правопорядку, коммунистического отношения к труду, физически здоровых, способных успешно трудиться в различных областях хозяйственного и социально-культурного строительства, активно участвовать в общественной и государственной деятельности, готовых беззаветно защищать социалистическую Родину, хранить и умножать ее материальные и духовные богатства, беречь и охранять природу».

«Основы Законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании»

«Мы рассматриваем вопрос исключительной важности, имеющий непосредственное отношение ко всему населению, касающийся буквально каждой советской семьи, каждого советского человека, гражданина СССР. Речь идет о самом повседневном и в то же время о самом существенном в нашем быту и жизненных устремлениях, о том, что составляет одну из неусыпных и неустанных забот государства, — речь идет о состоянии и дальнейшем совершенствовании всей гигантской системы народного образования великой Страны Советов».

Это слова из речи депутата, писателя Чингиза Айтматова на шестой сессии Верховного Совета СССР, которая утвердила Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании. Именно с таким чувством, с чувством личной причастности ко всему, о чем говорится в важнейшем государственном документе, читается новый Закон о школе.

Значение его прежде всего в том, что он отражает богатейший опыт нашей партии и государства в деле обучения и коммунистического воспитания молодежи, законодательно закрепляет основные принципы советской системы образования, ее подлинно демократический характер.

Знаменательно, что право на образование, которое внесено в нашу Конституцию наравне с другими священными правами гражданина, теперь вменяется в обязанность каждому члену общества. Такое возможно лишь в государстве, где для получения образования всем обеспечены необходимые условия.

Люди старшего поколения представляют себе невиданную по глубине и размаху культурную революцию, которая свершилась в стране за годы Советской власти. В короткий исторический срок было осуществлено сначала всеобщее начальное, затем семилетнее и восьмилетнее обучение, а теперь взят курс на завершение перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи.

От нас, от старших, в первую очередь от учителей и родителей, зависит, чтобы, знакомясь с новым Законом о школе, молодежь прониклась гражданской гордостью, чтобы каждый молодой человек сознавал себя не просто учеником или студентом, но и участником общего коммунистического движения за овладение богатством знаний.

Строительство коммунизма, бурный рост производительных сил страны, научно-технический прогресс требуют непрерывного повышения культурного и образовательного уровня народа, подготовки людей, способных по своим идейным и моральным качествам, степени культуры и профессиональным знаниям успешно трудиться, активно участвовать в общественной и государственной жизни. Сейчас у нас различными видами обучения охвачено около 81 миллиона человек; 72 процента населения, занятого в народном хозяйстве, имеет высшее и среднее образование. Во всех союзных республиках действует широкая сеть общеобразовательных школ, в том числе 46,7 тысячи средних. Более 2,6 миллиона юношей и девушек занимаются в профессионально-технических училищах, значительная часть которых готовит квалифицированных рабочих со средним образованием. Численность студентов 825 вузов и учащихся 4270 техникумов составляет 9 миллионов человек. Эти достижения — результат постоянной заботы нашей партии о росте культуры и образованности советского народа.

Культурное строительство в условиях социализма — планомерный процесс. Центральный Комитет партии и правительство после XXIV съезда КПСС, наметившего пути дальнейшего развития народного просвещения, приняли ряд постановлений: «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы», «О дальнейшем совершенствовании системы профессионально-технического образования», «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране». Недавно по инициативе товарища Л. И. Брежнева ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы». Новым важным шагом в осуществлении решений XXIV съезда КПСС явились Основы законодательства о народном образовании. Они закрепляют важнейшие принципы народного образования в СССР: равенство всех граждан в получении образования, свобода выбора языка обучения, единство обучения и коммунистического воспитания; сотрудничество семьи, школы и общественности в воспитании юношества; связь обучения и воспитания с жизнью, с практикой коммунистического строительства; научный характер образования и его постоянное совершенствование на основе новейших достижений науки и техники, культуры и искусства; гуманистический и высоконравственный характер образования.

Система народного образования СССР включает в себя ряд звеньев — от детских садов до вузов. И в Основях законодательства определены задачи каждого из них.

Успешное решение этих задач, указывается в Основях, зависит в первую очередь от педагогических работников, которым доверено обучение и воспитание детей — самого ценного достояния народа. Учителя должны быть вооружены прочными знаниями марксистско-ленинского учения, иметь высокую квалификацию по

избранной специальности, владеть наукой о развитии детей и молодежи, методами их обучения и коммунистического воспитания, постоянно повышать свои знания и педагогическое мастерство. Для выполнения своих обязанностей педагогическим работникам создаются соответствующие условия. Но в Основях отражены не только их обязанности, там записано также, что профессиональные права, честь и достоинство учителей и других педагогических работников охраняются законом.

Установленные в законодательном порядке требования к обучению и воспитанию подрастающего поколения существенно повышают ответственность родителей. В статье 57-й Основ сказано, что родители и лица, их заменяющие, обязаны:

воспитывать детей в духе высокой коммунистической нравственности, бережного отношения к социалистической собственности, прививать им трудовые навыки и подготавливать их к общественно полезной деятельности, заботиться о физическом развитии и укреплении здоровья детей; определять детей в школу по достижении ими школьного возраста, обеспечивать посещение учащимися учебных заведений, не допуская пропусков ими занятий без уважительных причин;

создавать необходимые условия для своевременного получения детьми среднего образования и профессиональной подготовки.

Воспитание в семье органически сочетается с воспитательной работой учебных заведений, до-

школьных и внешкольных учреждений, общественных организаций.

Наряду с этим обеспечивается охрана прав родителей по обучению и воспитанию детей, предусматриваются формы их участия в деятельности учебно-воспитательных учреждений.

Закон указывает, что органы народного образования совместно с органами и учреждениями науки и культуры, педагогическими обществами и другими общественными организациями обеспечивают распространение педагогических знаний среди населения, оказывают педагогическую помощь родителям в воспитании детей и подростков.

Силу закона приобретают теперь положения о совместной работе школы, семьи и общественности, о необходимости активного участия государственных предприятий и учреждений, колхозов и совхозов в укреплении материальной базы учебно-воспитательных учреждений.

Дело образования в нашей стране — поистине всенародное дело. Поэтому так заинтересованно обсуждается новый Закон о школе в просвещенческой среде и в трудовых коллективах, в партийных, профсоюзных и комсомольских организациях, на родительских собраниях. Знакомясь с ним старшеклассники, учащиеся техникумов и профессионально-технических училищ, студенты. И всюду поставленные в Законе задачи государственной важности рассматриваются как личные задачи. Отчетливое понимание прекрасных прав и благородных обязанностей, записанных в Законе о школе, будет способствовать хорошему воспитанию строителей коммунистического общества.

Имя нашего города вошло в историю индустриализации СССР. Как сказал в свое время Г. Орджоникидзе: «Магнитка стала знаменем страны...».

Сегодня Магнитогорск крупный центр. Ежегодно он дает продукции на 2,2 миллиарда рублей. Выплавляет 12 процентов стали и выпускает 24 процента металлоизделий, производимых в СССР. В городе 387 тысяч жителей. Два института, 8 средних специальных учебных заведений, 80 различных школ. Два театра, Государственная хоровая капелла и другие учреждения культуры и искусства.

Своими успехами город обязан трудовому героизму магнитогорцев, восходящему к традициям первостроителей Магнитки. Забыть их значило бы утратить весомость самого имени города с его заслуженным авторитетом в стране, а по ряду показателей — например, производительности доменных печей — и в мире. Вот почему мы придаем особое значение воспитанию нашей юной смены.

Заботу об этом диктуют и насущные нужды времени. Задача пополнения рабочего класса и его образовательного роста становится сегодня особенно актуальной.

Вот свежий факт. В канун Первомая на Магнитогорском металлургическом комбинате вступил в строй новый цех покрытий. Он один на 26 процентов увеличит выпуск в стране высококачественной белой жести для пищевой промышленности. Здесь действуют новейшие технологические агрегаты, требующие рабочих только со средним образованием. И таких производств, где рабочему без среднего образования делать нечего, становится в городе все больше.

Так родилась потребность привлечь внимание школьной молодежи к рабочим профессиям, особенно к профессиям металлурга и строителя — основным в нашем городе.

Первейшую задачу мы видим в том, чтобы воспитывать у каждого школьника любовь к труду и к людям труда. Естественно, здесь нужны не общие призывы, а прежде всего живые связи школы с производством.

Возьмем наше крупнейшее производство — Металлургический комбинат имени В. И. Ленина. Он шефствует над 34 общеобразовательными школами города. Коллектив комбината обязался в течение двух лет оборудовать в них 127 учебных кабинетов, лабораторий, мастерских — половина уже готова. Школам передано 5000 комплектов ученической мебели, а в целом на укрепление их материально-технической базы израсходовано в прошлом году 503 тысячи рублей. Но это лишь одна сторона дела. Другая, и главная, заключается в том, чтобы включить рабочие коллективы комбината в вос-

Наследники Магнитки

А. Паукин.

*секретарь магнитогорского
горкома КПСС*

Газоэлектросварщик Василий Петрович Готов заботливо выполняет свои шефские обязанности. Ветерану труда, ветерану войны есть о чем рассказать ребятам

питание учащихся. А в самих школах настойчивее прививать детям любовь к труду, гордость за отцов, вносящих весомый вклад в строительство коммунизма.

В круг детского чтения включают художественные произведения о первооткрывателях Магнитки, о сегодняшнем героическом труде магнитогорцев. Трудовые мотивы ясно звучат в сочинениях школьников на такие темы, как «Я — гражданин Советского Союза», «Магнитка глазами поэтов и писателей», «Мы Родину славим трудом».

На уроках физики, химии, математики учащиеся знакомятся с научными основами современного производства, в том числе металлургического. Овладевают разнообразными навыками — измерительными, вычислительными, лабораторными, — нужными сегодняшнему рабочему и специалисту. На уроках обществоведения широко используются социально-экономические данные о жизни и деятельности комбината и других предприятий Магнитогорска. Любят школьники тематические экскурсии на комбинат. Здесь они наблюдают, как выплавляется чугун и сталь, производится прокат, изучают оборудование, знакомятся с работой горновых, сталеваров, вальцовщиков. Все это поднимает у учащихся интерес к современному производству, помогает выбору профессии.

Кстати сказать, интересно организуют экскурсии и наши строительные предприятия. Так, работники треста «Магнитострой» не только знакомят учащихся — с помощью бесед и кинофильмов — с историей строительства Магнитки, но и ведут их на строительные площадки города. В ходе экскурсии «Завод — квартира» школьники последовательно изучают весь цикл строительства. Начинают они с завода крупнопанельного домостроения, где следят за изготовлением панелей и блоков. На строительных площадках «Оргжилстроя» наблюдают за нулевым земляным циклом работ. Далее идут на площадки «Жилстроя», где изучают процесс монтажа зданий. Наконец, на площадках «Отделстроя» знакомятся с отделочными работами. Так у школьников складывается целостное и наглядное представление о масштабности и четкой организованности труда строителей.

Вместе с металлургическим комбинатом его подшефные школы ведут большую работу по профориентации. Проводится анкетирование, составляются карты интересов, практикуются беседы с родителями. Так выявляют направленность интересов и реальные данные учеников. На этой основе намечаются групповые и индивидуальные формы работы с ними.

В младших классах у детей формируют яркие представления о труде, о передовых тружениках предприятий города. В 7—8-м классах за-

Александр Федорович Янбахтов — ветеран Магнитки, работает старшим мистером смены. Увидеть работу отца пришла в цех Оля Янбахтова...

бота направлена на то, чтобы помочь учащимся определить путь дальнейшего образования (9-й класс, профессионально-техническое училище, техникум). Школьники знакомятся с массовыми профессиями на предприятиях Магнитогорска. В 9—10-м классах особое внимание уделяется развитию у школьников вкуса к опытничеству и рационализаторству, способности самостоятельно решать трудные задачи.

Формы работы по профориентации самые разнообразные: лекции и экскурсии, клубы «Кем быть?» и просмотр фильмов, участие в конкурсах «Кто больше знает о профессиях?» и включение в общественно полезный труд. Традиционной на комбинате является неделя «Моя будущая профессия». В дни весенних каникул школьники посещают цеха и лаборатории нашего металлургического гиганта, знакомятся с его передовиками и ветеранами труда, являются гостями профессионально-технических училищ.

Широкое «опытное поле» для работы своих сил открывает учащимся большая сеть технических кружков, клубов, станций. Один лишь ДЮТ — Дом юного техника Металлургического комбината объединяет 7 детских технических станций, 43 лаборатории, 168 кружков, 9 филиалов станций по месту жительства. Уже несколько лет в ДЮТ работают три металлургических лаборатории — моделирования агрегатов доменного, сталеплавильного и прокатного производств. В них ежегодно занимаются 150 школьников. Планируется создание еще трех профильных лабораторий — по горнорудному делу, коксохимическому производству и железнодорожному транспорту. Старшие кружковцы разрабатывают отдельные рационализаторские темы по программе ВОИР комбината. О плодотворной работе Дома юного техника говорят выразительные цифры. За 25 лет он выпустил 11 тысяч умельцев, из них 5 тысяч успешно работают на комбинате.

Шефы стремятся не только приохотить школьников к технике; они пекутся и о том, чтобы дети развивались всесторонне, чтобы каждый имел возможность испытать себя в различных видах творчества. Этому служат 45 детских клубов, находящихся на бюджете комбината. При каждом — своя библиотека, игротка, спортивная площадка. В 318 кружках и секциях занимается более 13 тысяч ребят. При дворцах культуры металлургов и по месту жительства имеются и «специализированные» клубы: «Юного атеиста», «Клуб интересных встреч», «Юных друзей здоровья», «Клуб РПР» («Расти патриотом Родины»), «Юного политика», «Интернациональной дружбы», «Клуб занимательной химии», «Клуб любознательных» и другие.

Разнообразны конкретные формы шефской работы. Шефство произ-

Наследники

Галина Бондаренко — токарь и пионервожатая

водственной бригады над школьным классом. Индивидуальное шефство над «трудными» подростками. Участие в пионерской работе вожатых-производственников. Шефство над отдельными неблагополучными семьями.

Наиболее распространено коллективное шефство «бригада — класс». В нем участвуют 250 производственных бригад, участков, отделов, лабораторий комбината. Самое приятное — видеть, как участие в этом деле пробуждает педагогические способности у многих рабочих и инженерно-технических работников, становится для них источником больших человеческих радостей. Хорошо сказал горновой доменной печи В. С. Коростелев на одном из слетов: «От общения с ребятами своего класса я как бы получаю очередную заряд ласки и подтянутости. Приходится подтягиваться, чтобы быть интересным для ребят». Примерно так же могут сказать все 15 шефов-наставников доменного цеха. Это партийное поручение выполняют люди, которые любят детей и относятся к своей обязанности неформально.

Уже 7 лет работает пионервожатым в школе № 4 лудильщик листопрокатного цеха № 3 Борис Акимов. Все эти годы его класс лучший по успеваемости. Вот что рассказывает сам Борис: «Иногда я слышу: «Ты опять в школу? И не надоело тебе возиться с ребятами уже столько лет? Чем вы там только занимаетесь?» Да, семь лет дружим мы с ребятами нашего, теперь уже 8-го класса «А». А началась дружба во 2-м «А». При первом же знакомстве ребята задали мне столько вопросов, что я понял: придется постоянно пополнять свой запас знаний. Мы быстро привязались друг к другу. Встречались чаще вне школы: на катке или в лесопарке. Я сам был активным участником спортивных баталий, при этом всегда поощрял смелость, ловкость, выносливость, рассказывал, как важны эти качества в жизни. На 23 Февраля и 9 Мая мы приглашали в класс участников войны. После их рассказов я обязательно говорил о трудовых успехах этих людей, об их авторитете, и это производило на ребят большое впечатление. С годами наши беседы усложнялись, и все чаще себе на помощь я приглашал компетентных людей. Старался, чтобы ребята больше узнавали о профессиях, и не только металлургических. Кроме нашего комбината ребята побывали на метизно-металлургическом заводе, на городском молочном заводе, в ателье мод. И всюду они видели: больших знаний требует любая профессия».

За 7 лет в классе, где работает Борис, сложилось немало хороших традиций. Совместные с бригадой утренники. Ежегодные спортивные праздники. Чаепитие — в честь классной руководительницы и девочек в

Наследники Магнитки

Этот и другие (действующие!) макеты металлургического оборудования делают ребята из кружка Дома юных техников. Готовы прийти им на помощь Анатолий Николаевич Мамаев, руководитель кружка (на снимке слева) и Иван Степанович Мелешко, работник отдела изобретательства и патентования

день 8 Марта. Поздравления мальчикам — будущим защитникам Родины. Первосентябрьский урок — «Знания нужны, как винтовка в бою»; «Урок мужества» — в День Победы. Походы-экскурсии после окончания учебного года — сначала в пригородные места, потом все дальше и с ночевкой. В этом году класс собирается в Ильменский заповедник. Последние два года ребята «открывали сезон» на цеховой загородной турбазе: очищали территорию, расставляли мебель, разбирали оборудование — готовили рабочим условия для полноценного отдыха. И сами хорошо отдыхали в дружном, сплоченном коллективе.

«Что же такая работа с детьми

дает мне самому? — спрашивает Борис. И отвечает: — Во-первых, дисциплинирует, делает строже к собственным недостаткам. Ведь шеф в глазах ребят — некий эталон, и естественно, стараешься, чтобы в тебе не ошиблись. Во-вторых, сам получаешь неоценимый жизненный опыт. Через два года пойдет в школу моя дочь, а затем и сын. К тому времени мы с классом окончим среднюю школу, и я получу наглядное представление, как с годами растут ребята, меняются их интересы, привычки, запросы. Это поможет мне в воспитании своих детей. Ну и, конечно, общение с чистой и искренней ребятней приносит большое моральное удовлетворение».

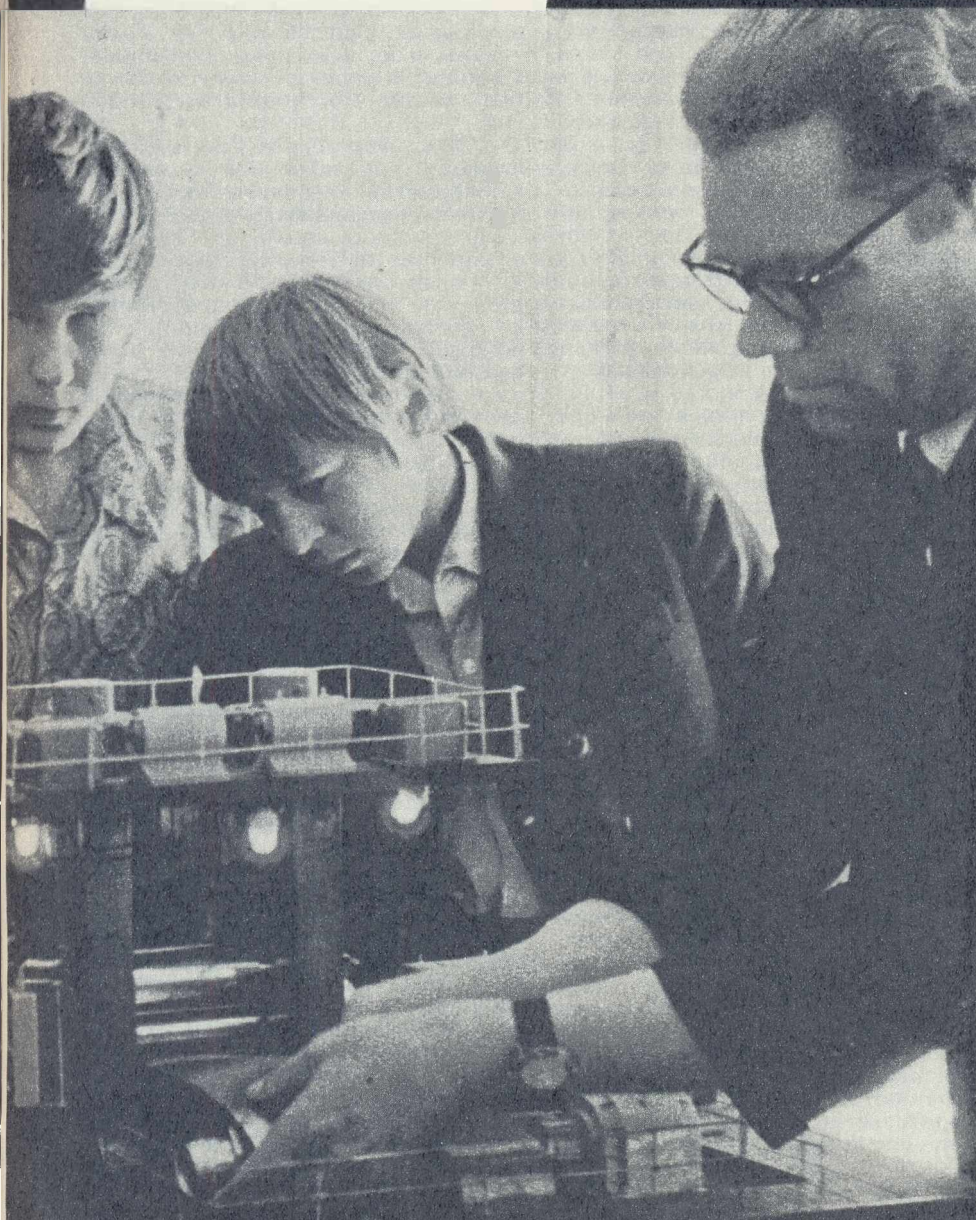
Опыт Бориса Акимова — убедительный пример того, как много может дать школе, детям душевная работа шефа. И как много он сам от этого приобретает! Успешно работают в школе вожатыми слесарь цеха ремонтно-металлургического оборудования Виктор Курцид, токарь Л. Ставицкая, слесарь Николай Максимов и многие другие.

Важно всячески расширять и умножать связи между школьниками и рабочими. В передаче и усвоении молодым поколением трудовых и революционных традиций Магнитки существенная роль принадлежит массовым праздникам — школы готовят их совместно с рабочими коллективами комбината. В сентябре это праздники «Здравствуй, школа!» и «Уроки трудовой славы». В октябре, январе — «День молодого рабочего» и «День рождения Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина». В апреле, мае — «Слет трех поколений» и «Уроки мужества». В июне, июле — «Последний звонок» и «Приумножай трудовую славу отцов» и другие. Их очень любят и школьники, и работники комбината.

Всячески крепим мы связь школы, общественности и семьи. Этому способствуют активная деятельность школьных родительских комитетов, родительских комиссий профсоюзов, пропаганда педагогических знаний. Особое значение придаем укреплению авторитета семьи. На предприятиях города выявляются трудовые династии и разворачивается пропаганда их семейного опыта. Только на Металлургическом комбинате насчитывается 200 династий, соединяющих три поколения рабочих. А династия Саталкиных существует уже 150 лет!

Работа со школьниками — лишь часть общего фронта коммунистического воспитания юной смены. Она продолжается на предприятиях и направлена на то, чтобы помочь молодому рабочему утвердиться в новом звании, органически войти в большой рабочий коллектив и стать продолжателем его славных традиций.

Фото В. Белковского

Зачем молодежи среднее образование

Отвечают

500 старшеклассников

Переход к всеобщему среднему образованию молодежи невозможен без внутренней убежденности и учителей, и родителей, и особенно самих учеников в важности и необходимости такого объема образования. Само собой разумеется, что эту убежденность надо воспитывать.

«Зачем молодежи среднее образование?» — спросили мы (я и мои коллеги-учителя) своих учеников на факультативных занятиях по литературе. При этом мы объяснили, что речь идет о каждом из завтрашних тружеников. Выросши, школьники могут стать и учеными, и заводскими рабочими, врачами и трактористами, учителями и продавцами. Так непременно ли всем нужно среднее образование?

На вопрос отвечали (письменно) 500 человек: 264 восьмиклассника и 236 десятиклассников. Обратимся к их ответам.

Прежде всего и больше всего и те и другие ссылаются на требования научно-технического прогресса.

Восьмиклассники:

— В наше время, век техники и машин, каждый рабочий должен быть технически грамотен и интеллектуален.

— Наша жизнь движется вперед. Техника на заводах и фабриках становится сложнее. Для того чтобы овладеть этой техникой, рабочий должен иметь среднее образование. Мы пока учимся в школе, но когда пойдем работать, техника станет еще сложнее.

Десятиклассники:

— С развитием техники появляются новые, более усовершенствованные станки, машины. Заводы все более нуждаются в квалифицированных рабочих, которые получили знания в объеме средней школы.

— Чтобы руки людей могли создавать сложнейшие аппараты, нужно иметь хорошую голову, нужно быть человеком далеко видящим, глубоко думающим, много знающим.

— Чем выше уровень образования в стране, тем быстрее в ее промышленности и сельском хозяйстве внедряются последние достижения науки и техники и более прогрессивные методы производства.

— Юношам, которые будут служить в армии, нужно иметь много знаний, чтобы работать со сложнейшей автоматикой, имеющейся на вооружении в Советской Армии.

— Большое значение имеет всеобщее среднее образование в деле защиты Родины. «Служба в Вооруженных Силах есть почетная обязанность каждого гражданина СССР», — записано в Конституции СССР. Поэтому каждый юноша будет служить в Советской Армии. В мире сложнейших электронных приборов и ракет не может служить и выполнять свои задачи человек, не имеющий среднего образования.

Эти соображения привели 59 процентов восьмиклассников и 71 процент десятиклассников. Но в ответах 34 процентов восьмиклассников и 18 процентов десятиклассников этот аргумент был единственным.

На шестой сессии Верховного Совета СССР, обсуждавшей пути дальнейшего развития народного образования, подчеркивалось возрастание роли всей системы народного образования «в подготовке кадров, способных по своим идейным и моральным качествам, уровню культуры, профессиональной подготовке успешно решать поставленную партией задачу — органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социализма». Участие всех трудящихся в управлении производством, народным хозяйством, в общественной, политической жизни — таков курс нашей партии. В. И. Ленин постоянно возвращался к этой мысли: «Чтобы разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции, надо учиться». «...Чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении, — кроме закона, есть еще культурный уровень». Все эти ленинские мысли сохраняют свое значение и сегодня. Строительство коммунизма, сама наша социальная система требуют высокой образованности всех и каждого. Понимают ли это наши ученики? Часть из них понимает, и очень хорошо.

Восьмиклассники:

— В наш век, когда во всем мире происходят политические события

большой важности, трудно во всем правильно и до конца разобраться, не получив среднего образования.

— ...прежде всего чтобы быть полноценным членом общества, чтобы не отставать от жизни, быть в курсе основных событий и свершений.

— ...чтобы смотреть на мир глазами человека понимающего.

Десятиклассники:

— Чтобы правильно понимать обстановку в мире, во всем хорошо разбираться, нужно знать очень много, иметь среднее образование да еще дальше учиться.

— Советский человек должен разбираться в окружающих событиях. Десятый класс знакомит его с основами марксизма-ленинизма, помогает разобраться в этих событиях.

— ...для того чтобы разбираться в политике, во внутренней жизни страны и во всех событиях, происходящих в мире, для того чтобы не быть пассивным созерцателем событий.

— В нашей стране нет граждан, стоящих вне политики. Советское гражданство и аполитичность — понятия взаимоисключающие. Поэтому и сегодняшние школьники должны, независимо от того, кем они станут, какую выберут профессию, разбираться в международной обстановке, должны понимать направление политики партии. Но для того чтобы они могли быть такими, им нужно изучать историю, обществоведение и другие дисциплины, знания по которым они могут приобрести в школе.

— Знания, полученные во время учебы, помогут людям шире мыслить, мыслить в масштабе нашего огромного государства, дальше глядеть в будущее.

— Вступая в самостоятельную жизнь, молодые люди серьезно задумываются, как ее прожить, стремятся понять смысл происходящих событий, найти свое место в обществе. И чтобы не блуждать в потемках, идти в жизнь с уверенностью в своих силах, с ясной целью, надо прежде всего знать, в чем состоит смысл эпохи, в которой им предстоит жить.

Прекрасные ответы! И надо добиваться, чтобы вся школьная молодежь так создала прямую связь между выполнением гражданских обязанностей советского человека и уровнем его знаний. Наши ученики, сыновья и дочери должны стать убежденными ленинцами, идейными борцами, глубоко понимающими единство личных интересов с интересами и делами всего народа. Об этой задаче исключительной важности должны помнить все воспитатели.

По нашему опросу хорошо видно, что подростки, особенно юноши, понимают значение среднего образования для всестороннего развития личности. Об этом писали 46,6% восьмиклассников и 65,2% десятиклассников.

Вот несколько высказываний восьмиклассников:

— Образование нужно каждому человеку, чтобы интересно жить... По телевизору показывали художественный фильм, поставленный по трагедии Шекспира «Король Лир». Мы все смотрели его, и когда дело дошло до раздела государства королем между своими дочерьми, мой брат Андрей сказал: «И какую только муть не показывают по телику!» Мы с мамой выгнали его, и он ушел. Вот что значит не понимать человеческой души, не знать жизни, а без образования не будет ни того, ни другого.

— И что же это получится: если будут летать на Луну, создавать живой белок искусственным путем, а другие даже не будут знать, что такое белок или реактивный двигатель? Человеку полагается знать больше, чем ему нужно в повседневной жизни.

— Человек, не получивший среднего образования, будет духовно беден, так как неразвитому мозгу нет доступа к духовному богатству, накопленному человечеством. Он будет лишен самого интересного в жизни, самого нужного человеку — духовной жизни.

Приблизительно в этих же словах писали и десятиклассники. Они говорили еще и о том, что изучение наук в школе не только подготавливает к будущей жизни, но и само по себе несет радость открытия, постижения.

— Когда много знаешь, легче и интереснее жить. Вот даже я сужу по себе: когда я прочитаю новое и интересное, радостно как-то делается и в то же время грустно; даже порой стыдно становится, что еще много, очень много я не знаю. А ведь вокруг столько интересного!

Десятиклассники отмечали, что образование оказывает благотворное влияние на нравственный облик человека.

— Чтобы после окончания школы человек вошел в жизнь с твердыми убеждениями и принципами, чтобы он умел ценить красоту, чтобы не проходил с равнодушным видом мимо чьего-то несчастья.

— Главная и основная причина заключается прежде всего в том, что именно в 9-м и 10-м классах формируется моральный облик человека, моральное сознание. Ученику дается более глубокое понимание жизни, его учат думать, ему прививают лучшие качества, присущие человеку.

1 процент восьмиклассников и 3 процента десятиклассников задумываются и над тем, что сегодняшние школьники будут родителями.

Восьмиклассники:

— Я представляю, как будет выглядеть взрослый человек, если он не найдет ответа на детские «почему?». А эти «почему?» будут совершенно неожиданными. Какой пример будет тогда для маленького человека, перед глазами которого только начнет открываться мир?

— Десять классов очей пригодятся в будущем. Даже когда у сегодняшнего ученика будут дети, он будет делать жизнь своего ребенка более интересной и насыщенной.

Десятиклассники:

— Мы когда-нибудь станем отцами или матерями, а для того чтобы воспитать культурного, высокообразованного ребенка, нужно быть самими высокообразованными и культурными.

— Те, кто сегодня за партой, будут родителями. У них будут дети, которые будут учиться в школе. И сейчас программа в школах очень сложная, а дальше, наверное, будет еще сложнее. Родители должны будут помогать детям, что-то, может, объяснить. А как же объяснять, если сами не знают?

Особо хочется остановиться на аргументе, который был для нас неожиданным. Больше всего его приводили ученики 8-го класса — 18 процентов, а среди десятиклассников — 10 процентов. Потому восьмиклассников и послушаем:

— Например, человек будет шофером, и к нему в машину сядет журналист или другой какой человек. Ему скучно ехать молча, и он начинает разговор, например, об истории какой-нибудь страны или еще о чем-нибудь. И если шофер имеет среднее образование, он знает историю, и человеку с ним приятно поговорить, он не скучает.

— Разве приятно попасть впросак при каком-нибудь разговоре или споре, видеть, как все удивленно смотрят на тебя, ощущать свое ничтожество, не знать, как объяснить то или иное событие?

— Приходится встречаться с разными людьми. И при встречах, конечно, не хочется молчать, а хочется говорить о чем-то интересном.

— При общении с людьми он не должен чувствовать себя хуже других, это будет сказываться на его поведении, характере.

— Если не иметь образования, очень трудно сходить с людьми, боясь показаться им неучем, поэтому человек будет избегать других.

— Допустим, кто-то кончил восемь

классов. Когда он подросток, то стал дружить с девушкой. Эта девушка окончила десять классов. И этой девушке не очень-то будет интересно с каким-то малограмотным парнем, с которым не о чем поговорить.

Можно по-разному отнестись к этой настойчиво повторяемой мысли: если молодой человек не получил среднего образования, то «с ним неинтересно разговаривать другим людям», он должен учиться, «чтобы смог разговаривать на любую тему». Мы-то понимаем, что само по себе умение «с ученым видом знатока коснуться до всего слегка» еще не свидетельствует о духовном богатстве личности. Конечно, некоторые из приведенных высказываний невольно вызывают улыбку. Однако, когда читаешь слова ученика восьмого класса: «Да хотя бы затем, чтобы не потерять своего достоинства в своих же глазах в дальнейшем», — когда находишь в ответе десятиклассника: «Каждый уважающий себя человек не допустит того, чтобы он был предметом разговоров как о человеке ограниченном и неинтересном, не допустит того, чтобы он смог выглядеть смешно в разговоре с окружающими его людьми», то думаешь: в принципе это хорошо, что образование приобретает престижный характер, что наши ученики ценят роль образования в общении между людьми.

Я далек от каких бы то ни было категорических обобщений. 500 ответов — это немало, но и не очень много. К тому же писали не все ученики, а лишь те, кто ходит на факультативные занятия по литературе. Большинство из них — девушки. И все-таки материал для размышлений ответы эти дают.

Перечитав 500 ответов, лучше представляешь значение задачи, которая сформулирована в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы»: «...ярко и убедительно раскрывать политическую, экономическую и социальную важность получения молодежью среднего образования».

Л. Айзерман,
учитель

Обыкновенный школьный день

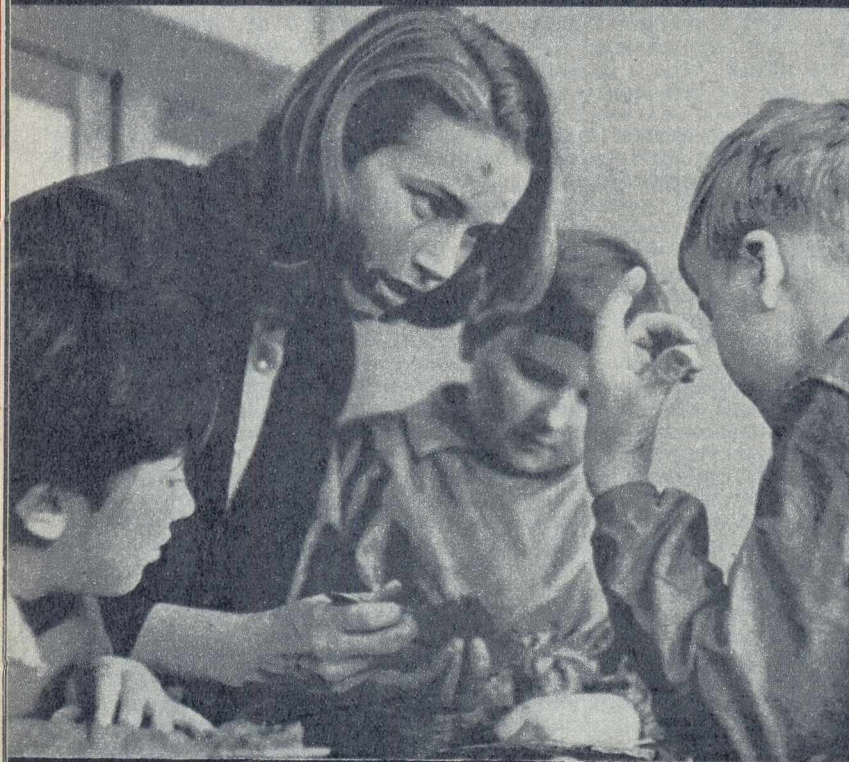
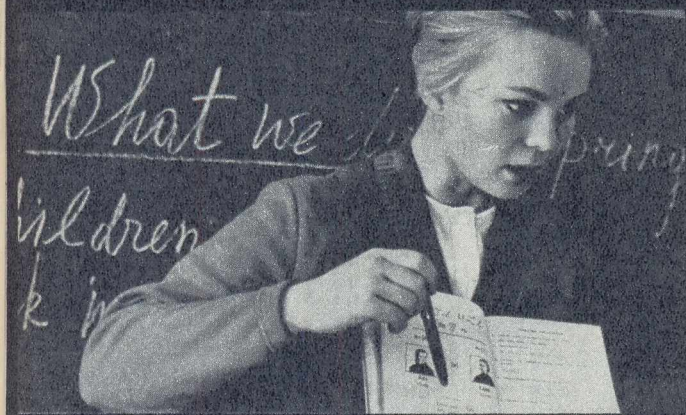

Фото Н. Свиридовой,
Д. Воздвиженского,
С. Курсова, М. Сваина,
А. Становова, В. Титова
И. Ципина

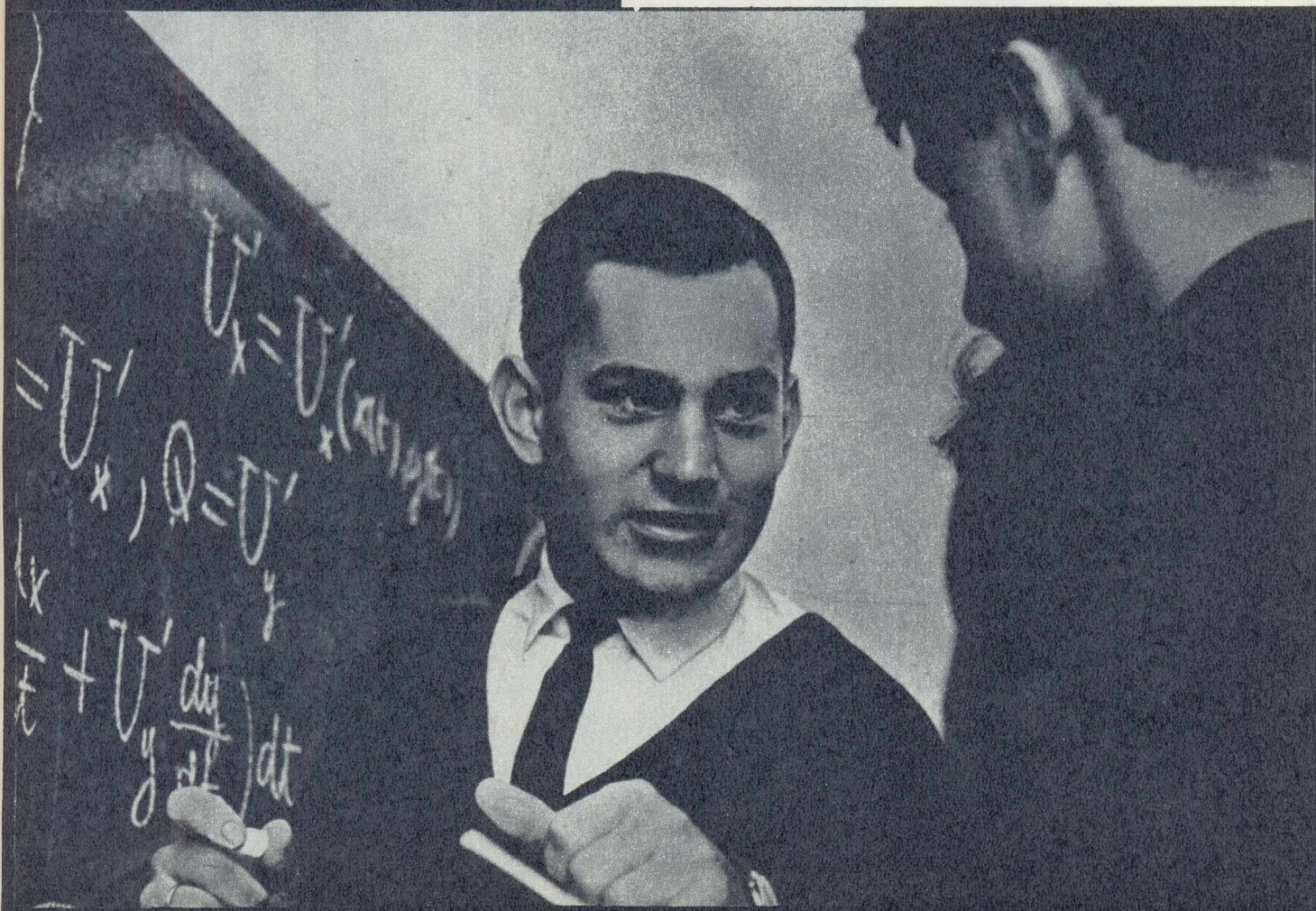

работа учителя

Матерью профессии называют учительскую работу. Первые знания и первый осмысленный взгляд на мир у всех нас — от учителя. Настолько сложен его труд, что оценить его в полной мере люди могут лишь став взрослыми. И тогда к естественной признательности прибавляется восхищенное удивление: как же много удается успеть учителю! Ведь обучать, воспитывать — значит думать, творить, искать, заботливо склеивать прекрасный

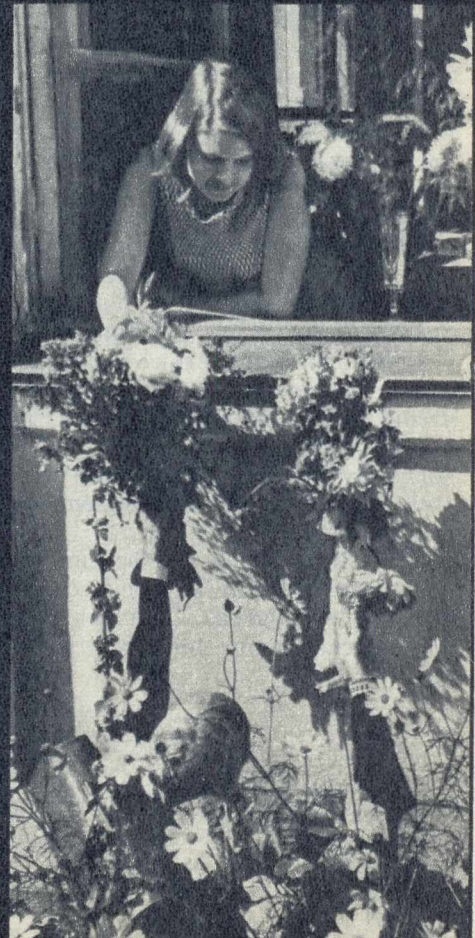
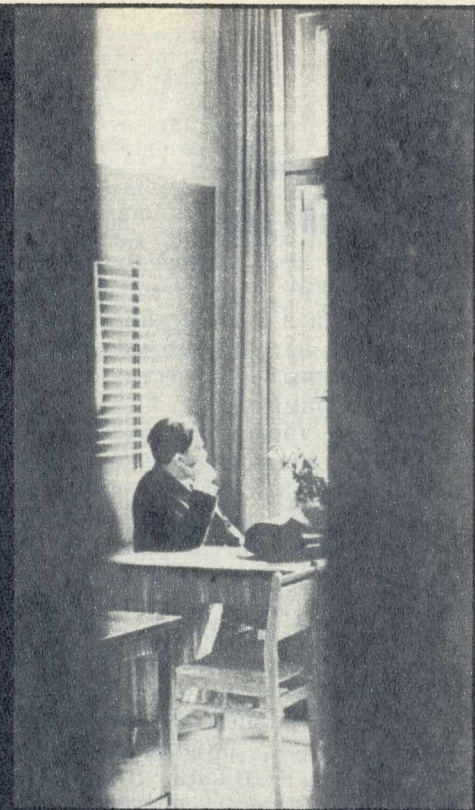
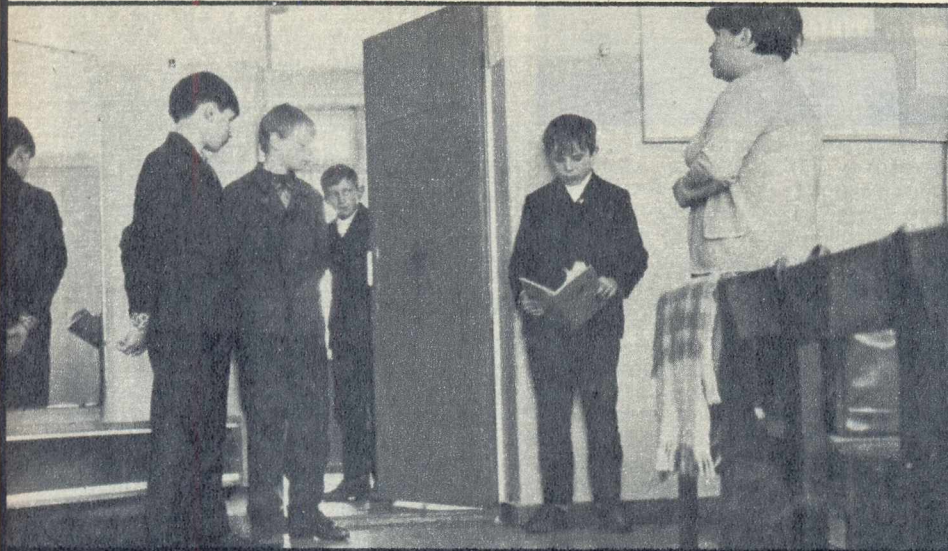
Обыкновенный школьный день

облик завтрашнего гражданина. Каждый учитель стремится к этому.

До предела насыщен его день, каждая минута требует умственного, душевного напряжения. Можно заворожить класс чтением звучных стихов, но, посмотре-

Обыкновенный школьный день

те, такое же вдохновение вкладывается и в математические формулы, и в английский, и в кусок глины, из которого маленькие руки должны произвести какую-нибудь керамику.

А кроме уроков еще экскурсии, прогулки, занятие кружка, репетиция. Еще надо кого-то приструнить, а о ком-то посоветоваться с коллегой в учительской.

Дети не всегда с учителями, но учитель всегда с детьми — умом и сердцем. Даже когда «окно» в расписании и он будто бы рад просто побыть в одиночестве...

Из двух равных по значению частей состоит работа учителя: накопление и отдача. Нам виднее всего отдача — время, которое учитель проводит с детьми. Но она прямо зависит от того, что удалось накопить. Это скрытая от нас часть учительского труда, но она также многообразна, как вся его хлопотливая деятельность. Здесь не только штудирование книг и периодики — в кино, в театре, на художественной или технической выставке он не просто читатель или зритель — он аккумулятор знаний и духовной культуры. Особая внутренняя деятельность — сложнее, чем у других, наслаждающихся чтением, зрелищем или музыкой, — совершается в нем: как, когда лучше передать своим питомцам все узанное, увиденное, пережитое?

Учитель — это и профессия, и должность. И еще внутреннее состояние человека, призванного быть наставником детства и юности.

Часы труда, минуты открытий

— Семнадцать больше неизвестного числа на пятнадцать. Известное число? К двадцати шести прибавить сумму чисел четырнадцати и тридцати...

Тянется лес нетерпеливых рук.

— У кого другой ответ? От пятидесяти двух вычесть сумму девятнадцати и двадцати двух...

Дима, маленький, худенький мальчик, предлагает решать удобнее: от пятидесяти двух вычесть двадцать два и от тридцати девятнадцать. Все соглашаются. Учительница продиктовала следующий пример, а потом подошла к двум мальчикам, шепчет: «А это вам, математики. Уверена, что справитесь».

Да, да. Не смотрите, что учительница обращается ко всему классу разом — видит она каждого и чувствует, что одному сейчас следует дать задание посложнее, а другому — попроще. Это вовсе не значит, что тот, кто справился с несложным заданием, не получит желаемой пятерки, и делается это просто, без унижения одного и возвышения другого.

Малышам здесь двоек не ставят. Зачем? Только огорчить, вселить неверие в свои силы. Если же первоклассник затрудняется ответить или не умеет сосредоточиться — это уже сигнал учительнице: что-то она упустила. И она незамедлительно приходит на помощь.

Ругать, наказывать, вызывать родителей — делу не поможет: лучше от этого школьник не будет, а конфликтная ситуация может повлиять на дальнейшие отношения с учеником.

Увлекать ребят и раскрывать их собственные возможности — так понимают свою задачу учителя 28-й школы Новосибирска.

Вот другой урок. Класс залит солнцем. Причудливые растения свисают со стен. Корни деревьев торчат в углу. В аквариуме множество рыб. Коллекция камней. Это — кабинет биологии — царство Людмилы Павловны Ермоленко. Сейчас здесь смотрят кино, фрагменты из фильма «Удивительное рядом». Однажды с группой итальян-

ских учителей я была у автора этого фильма С. В. Образцова. Мне запомнились его слова: «Эстетическое воспитание начинается не на лекции по эстетике, не в картинной галерее, не в концертном зале и не в театре, оно начинается в лесу, в поле, около речки, около птиц и рыб, там, где возникают ассоциации, там, где ребенку начинает казаться, что облако похоже на слона, а корень — на черта».

Еще один урок, урок музыки. Слушают отрывки из оперы Римского-Корсакова «Снегурочка». Когда смолкли звуки вступления, учительница просит:

— Расскажите мне, что вы почувствовали в этой музыке.

— Будто наступило красивое утро, проиграл пастушок, запели птицы...

— Ручеек журчит, деревья шуршат. Природа как живая. Я даже дыхание каждого листика слышу...

— А узнали, какие инструменты передают тот или иной звук, настроение?

— Петушиное пение передает гобой. Рожок — голос курицы. А скрипка — радость пробуждения природы.

— А какие инструменты вы еще различили?

— Фортепьяно, виолончель, трубы, ударные...

В этот день я была на шести уроках. У математика Людмилы Васильевны Астровой, где старшеклассники доискивались до более рационального решения задачи. На географии у Марины Ивановны Самойловой, где путешествовали от мыса Челюскина до острова Цейлон, от Мадрида до Сан-Франциско (точку на карте находили по координатам), проводили границы климатических поясов. На уроке природоведения у Ларисы Александровны Кулик, где школьники выступали с докладами (регламент 5–8 минут) о природе и труде людей родного края. А над доской в этом кабинете я читала слова В. И. Ленина: «Ум человеческого открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая этим свою власть над ней».

Все эти уроки — часы напряженного труда и минуты радостных открытий — были мне особенно интересны тем, что во всех классах дети активно работали. Не просто внимательно слушали, не просто старательно запоминали, а именно работали. Вместе с учителем. Как бы шли за ним. Я видела самое важное учительское умение — разбудить мыслительную энергию учеников. Говорят, что учитель дает знания. Но надо прибавить, что хороший учитель в постоянной заботе о том, чтобы ученики сумели знания взять. Вот этой заботой и отличались уроки, которые я видела в тот день.

А еще я видела, как в 28-й школе незаметно и тонко преподносятся детям уроки добра и нравственности.

Первоклассник поднял руку и жалуются учительнице на боль в паль-

це. Она приласкала мальчика, погладила его, постояла рядом. А потом я узнала, что у Павлика палец вовсе не болен, ему дома не хватает тепла. Учительница знает, как сложно сейчас в этой семье. К взрослым она обращает строгую требовательность, ребенку старается возместить недостаток нежности.

В перемену она зовет пятиклассницу Таню, свою бывшую ученицу, и просит прийти Вере пуговицу на платье (я тоже заметила, что оно сзади застегнуто булавкой). В столовой я видела, как она уговаривала Игоря допить молоко, как учила Сережу пользоваться ножом и вилкой, как посоветовала Васе уступить место Леночке. Потом я встретила ее в библиотеке, где она смотрела, какие книги читают ее ученики.

Это маленькие. Они, понятно, все время требуют внимания. Но вот вижу юноши-десятиклассники обсуждают план выпускного вечера. Слышу голос учителя: «Каждой маме надо подарить цветы. Это ее праздник, торжество ее забот, ее надежды. Купите хорошие цветы. Деньги у вас есть, вы заработали в лагере труда. И хорошо, если с этого дня с каждой стипендии, с каждой полочки вы будете приносить мамам цветы. А потом женам: женщины так ценят внимание»...

Была еще перемена, когда шестиклассники вместе с учителем играли в футбол...

А после школы ребята идут... в школу. Здесь такой обычай. Но идут уже не по звонку, а кто за чем. В этот день в зале слушали современную музыку, во дворе мальчишки соревновались с сержантом в быстроте свертывания скатки, в тире учили стрелять девчонок, из окна класса доносились стихи К. Симонова — готовились к вечеру поэзии, в кабинете директора актив комсомольцев и пионеров готовил традиционный слет отличников.

Тут по большей части обходились без учителей. Также важное свидетельство педагогической квалификации: развить у ребят интересы, увлечения и способность организовываться.

Столько хороших учителей оказалось в школе не вдруг.

Школа открылась 1 сентября 1971 года. Директор, Зоя Абрамовна Гацко, шутит: «Новая школа — радость для района: всех лентяев, ершистых, трудных передали нам в двадцать восьмую». И уже серьезно: «Из 834 вновь принятых 90 процентов имели тройки. Многие двойки».

Зоя Абрамовна сама для себя установила: на эти объективные условия не ссылаться. То же говорила учителям, которых принимала на работу. К ней шли охотно, в городе ее знали. Гацко семнадцать лет ушла добровольцем на фронт. Стала военным радистом. После войны окончила институт, учительствовала много лет руководила 23-й школой

Новосибирска, которая и сейчас одна из лучших.

А учителей Зоя Абрамовна принимала только таких, которые удовлетворяли ее требованиям: глубоко владеть своим предметом, уважать и любить детей, знать о ребенке все — о его семье и здоровье, о характере и склонностях, уметь устанавливать доверительные отношения с родителями. Зоя Абрамовна знала секрет: кто этим требованиям удовлетворяет, тот их грузом не тяготится. Они — его органические качества, это человек увлеченный, преданный делу. Таких она собрала и воспитала в своей новой школе. Это коллектив творческий. Вот показатели его работы: сейчас в школе отсева нет, второгодников нет и нет ни одного правонарушения.

Среди педагогов 13 коммунистов. От них интересная инициатива и товарищеская помощь.

В учительской рядом с полкой, где лежат классные журналы, такое обращение: «Учитель! Ты идешь на урок... Пусть твои питомцы будут настоящим увлечены твоим предметом. Пусть учатся с интересом и радостью! Но для этого нужно, чтобы дети постоянно, на каждом уроке, видели результаты своего труда. Оцени и сегодня работу каждого».

И оценивают работу каждого каждый день.

Да, учителя после долгого обсуждения решили испробовать такой метод приучения учеников к регулярной работе. Только так, считают они, может возникнуть интерес к учению, привычка к самостоятельному умственному труду.

Каждый ученик знает, что его спросит через урок. Одному дадут задание попроще и поменьше, другому — посложнее и побольше. Каждому — свое. Но работать необходимо всем. И необходимо отметить успех каждого, пусть самый скромный, для бодрости, без которой не осилить дорогу знаний.

Учителю нелегко. Попробуй опроси за урок человек пятнадцать. Да чтобы интересно было всем.

Надо ли говорить, насколько сложнее стало учителям готовиться к уроку. Ведь опрос не всегда идет поiard: ответить ты, Петя, а потом ты, Галя... Иногда среди объяснения нового приходится возвращаться к старому: напомни нам, Света... Все, значит, надо предусмотреть заранее и обо всех помнить. Но зато, когда учитель не выполнит «план по опросу», после звонка ребята сами подходят: «Почему меня не спросили?» Так укрепляется хорошее ученическое честолюбие. Оно меряется не отметками (их теперь так много и так часто есть возможность исправить плохую на хорошую), а желанием показаться: я знаю, я понял, я догадался, я умею, я прочел... Это награда, ради которой стоит часами готовиться к сорока пяти минутам. По давней своей привычке, всякий

раз, бывая в школе, просматриваю я дневники: по ним виден стиль взаимоотношений учителей, учеников, родителей. И сколько приходится встречать записей, которые, увы, часто свидетельствуют о воспитательском бессилии: «Ленив, недобросовестен. Заставляйте делать все, что задано. Не знает приставок. Ежедневно пишите их. Разговоры». «Безобразно ведет себя на уроках геометрии, алгебры, черчения, физкультуры». «Вымойте хорошенько голову Сергею».

В этой школе таких замечаний не найдешь, хотя есть и лентяи, и небрежники, и озорники. О них не переписываются с родителями на страницах дневника, о них с родителями подробно разговаривают, обсуждают, какие к кому применить меры воздействия, какая кому нужна помощь. Наверное, поэтому здесь не «пропадают», не «теряются» дневники. Наверное, поэтому здесь реже вызывают родителей в школу, чаще родители приходят сами. А родительские собрания похожи на педагогические советы: на них советуют и советуются. Этим решается и «проблема явки родителей» — такая острая в иных школах...

Принципы воспитания детей, стиль общения с родителями не могут устанавливаться сразу по директорскому приказу. За этим огромная и непрерывная общая работа всего учительского коллектива. Здесь царит, можно сказать, культ педагогической культуры. Здесь «гоняются» за специальной литературой, интересуются вопросами психологии и медицины. Учителя создали свой клуб интересных встреч. Они приглашают к себе ученых и поэтов, передовиков производства и кинорежиссеров, модельеров и архитекторов. Работа и духовные потребности сливаются у них в одно.

...К военным наградам Зои Абрамовны Гацко недавно прибавился орден Трудового Красного Знамени. «За то, что сплотила хорошую школу», — объяснил мне один из членов родительского комитета. Так и сказал «сплотила». Мне понравилось.

Г. Лабковская,
методист
Министерства просвещения РСФСР

Отличные ребята

В девятом классе после тяжелой болезни сын оглох, с трудом передвигался. Было отчего впасть в отчаяние. И тогда на помощь пришла школа.

Пока Андрей лежал в больнице, ребята навещали его и дома тоже не оставляли одного. Ходили с ним гулять, вначале минут на десять, потом на более длительное время. И вот Андрей начал ходить самостоятельно. Однажды я ему предложил прогуляться до школы. В классе он сел за свою парту. Поговорил с ребятами, те (письменно) рассказали ему про все школьные новости. Классная руководительница Эра Михайловна дала Андрею небольшое задание, он с ним справился. Ребята стали заниматься с Андреем дома, постоянно подбадривали его, внушали, что он молодец, и все будет хорошо. Сын расстался со своими грустными мыслями. С успехом закончил десять классов.

Выражаю свою признательность и огромное уважение директору школы № 401 Ждановского района Раисе Сергеевне Сергеевой, учительнице Эре Михайловне Аванец, которые вырастили таких отличных ребят,— верных товарищей, настоящих друзей. В трудную минуту коллектив не оставил сына.

Н. Абакумова
Москва

Спасибо от всей души!

У Олега был сложный школьный путь. Он с самого начала трудно привыкал к новым порядкам. Учился плохо. Его без конца выставляли из класса, делали замечания. В пятом классе остался на второй год. Дело зашло так далеко, что он вообще отказался ходить в школу.

Что делать? Кому нужен такой ученик? К нашей беде внимательно отнеслись в Московском областном отделе народного образования. Так Олег оказался в школе № 2, которой руководит Василий Семенович Сороковой. И началась наша совместная кропотливая работа с классной руководительницей сына. Мы поддерживали с ней постоянную связь, знали от нее, какое дано домашнее задание. Я и муж были в курсе всех дел и по совету учительницы проверяли сына, помогали ему.

Но дело было не только в успеваемости; перевоспитание заключалось в том, что педагоги сумели пробудить у мальчика любовь и тягу к знаниям. Олег оказался в кругу прекрасных людей. Занятия с преподавателями походили на добрую беседу, а внимание и мастерство педагогов сделали просто чудо. Олег успешно перешел в шестой класс. Это была настоящая победа! Ее одержали директор Василий Семенович Сороковой, завуч Любовь Георгиевна, учителя Надежда Сергеевна, Галина Николаевна, Полина Александровна, Елена Эммануиловна. От всей души им спасибо!

Семья Кожуховых
г. Шелково

Исправить неточности

Редакция получила письмо. В нем шла речь о школьном дневнике, куда ученики записывают домашние задания, где учитель выставляет отметки, а родители ставят свою подпись, подтверждая осведомленность в школьных делах. Читатель из города Рыбинска А. Почтарь указал на ряд погрешностей, допущенных в печатном тексте дневника:

«Указания к ведению дневника» обязывают вести записи «грамотно, четко и опрятно». Но, к сожалению, этим требованием печатный текст не отвечает. Можно указать, как вести дневник или дать указания по ведению дневника, но не «к ведению», как напечатано в заголовке. Слово «опрятно» тоже не годится. Так можно характеризовать одежду, вещи, но не записи в дневнике. Здесь больше подходит слово «аккуратно»...

Названия граф, которые надо заполнять, даются почему-то не в единственном, а во множественном числе: «Дни и числа», «Предметы», «Фамилии, имена и отчества преподавателей», «Уроки и часы».

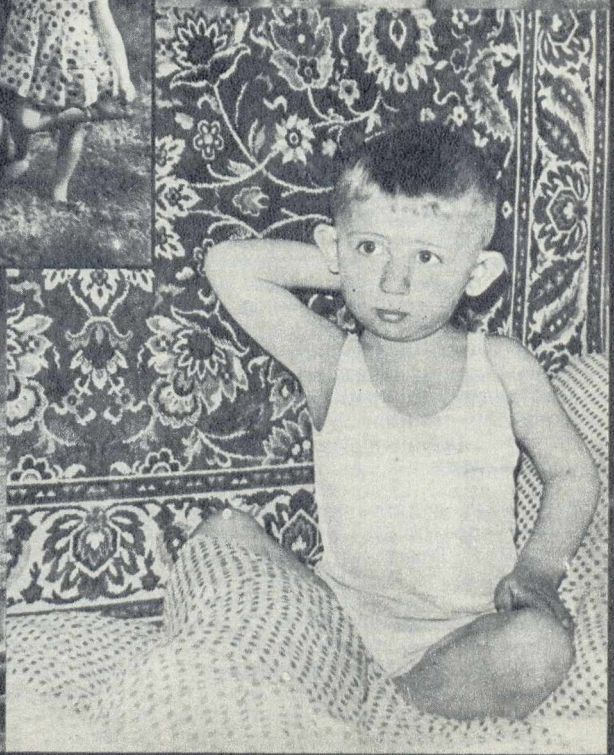
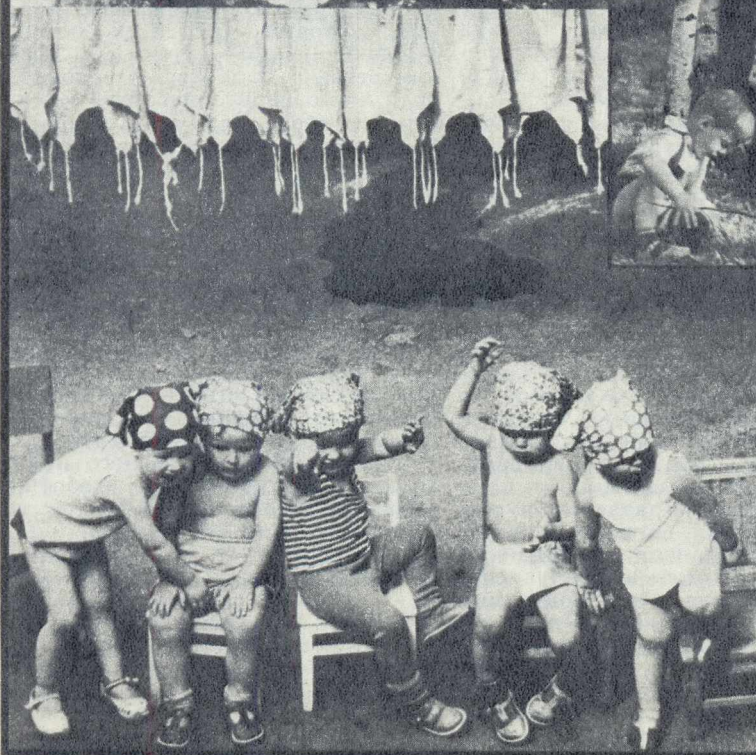
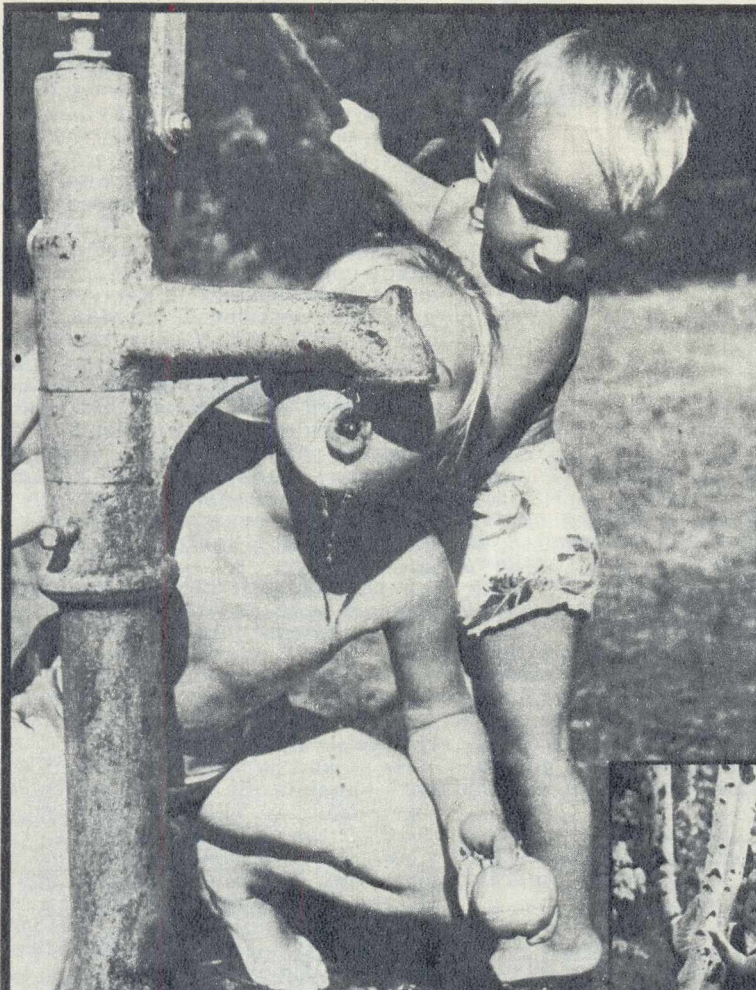
Очевидно, следует отказаться и от повторений: экзамен (испытание), отметка (оценка), так как слово в скобках не поясняет, а просто дублирует первое.

Читатель высказал и ряд других замечаний. Его письмо редакция направила в Министерство просвещения.

В связи с запросами, поступающими в редакцию, напоминаем, что подписки на «Семью и школу» принимаются повсеместно без всяких ограничений

Фото прислали читатели:
В. Карнаухов
(г. Шелхов),
В. Втюрин
(г. Гулистан),
О. Аврущенко
(г. Барановичи),
Ю. Васильев
(г. Киев),
К. Трембицкий
(г. Тамбов)

ния РСФСР. Нам ответили, что при подготовке к переизданию дневника в него будут внесены необходимые поправки.

И вот перед нами дневник. Действительно, работники министерства не прошли мимо высказанных замечаний. И все-таки очень многое осталось без изменений. Верность позиции нашего читателя мы решили проверить у авторитетного специалиста в вопросах культуры речи и обратились к заведующему кафедрой стилистики факультета журналистики МГУ Дитмару Эляшевичу Розенталю. Вот что он ответил нам:

— Само собой разумеется, что печатный текст школьного дневника должен быть образцовым с точки зрения норм языка. К сожалению, это не так. В дневнике немало нарушений языково-стилистических норм.

Начнем с вводной части — указаний, которыми должны руководствоваться ученики при заполнении дневника. Читатель верно заметил, что уже в заглавии раздела — «Указания к ведению дневника» — имеется грамматическая неточность: «указания к...» вместо «указаний по...». В самом тексте «Указаний» есть неловкости. Так пункт первый гласит: «Ученик заполняет личную сторону обложки и расписание уроков». Получается лексическая несочетаемость: «...заполняет расписание уроков».

В названии раздела «Учебно-производственная практика и общественно-полезный труд» допущена ошибка: общественно полезный — не сложное прилагательное, а словосочетание и пишется без дефиса. Вторая графа имеет заголовок: «Виды работ, выполненные учащимися». Но выполняются не виды работ, а работа, поэтому участие следовало согласовать с последним словом («...работ, выполненных...»). Непонятно, почему употреблена форма множественного числа («учащимися») — ведь дневник предназначен для каждого ученика в отдельности.

Школьный дневник относится к числу документов официально-делового стиля. В графах таблиц заголовки принято давать в форме единственного числа, а не множественного. Однако на странице 2 читаем: «Предметы. Фамилии, имена и отчества преподавателей». На странице 4: «Дни и числа». То же и в других местах...

Речь идет отнюдь не о мелочах. Дневник постоянно перед глазами ученика. Текст его действительно должен быть безупречным.

Редакция надеется, что Министерство просвещения РСФСР прислушается к мнению специалистов и с их участием внесет необходимые поправки в очередное издание школьного дневника. Сделать все это совсем не сложно, а польза будет большая.

ОТВЕТЫ

Школьный зачет

Моя дочь учится в шестом классе. По истории у них практикуются зачеты. Выглядит это так: в субботу учитель объявляет, что в понедельник будет зачет по пройденному материалу — за четверть.

Я понимаю, что повторение необходимо. Но ведь ребятам задают повторять не один — два параграфа, а довольно большую часть учебника. И еще они должны к понедельнику выучить уроки по другим предметам. Вот вам и нагрузка.

Объясните, пожалуйста, практикуется ли зачетная система в других школах. С какого класса? И как проводится?

*Е. Гончарова
г. Старобельск
Ворошиловградской области*

Разъяснение дает автор учебника «История средних веков» для шестого класса учительница Екатерина Васильевна Агибалова.

— Зачеты рекомендуются проводить только в старших классах. В программе указаны примерные темы их: «Международное рабочее движение и международные отношения в конце XIX — начале XX веков» (в 9-м классе), «Образование и развитие мировой системы социализма», «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма в СССР» (в 10-м классе).

Что касается 5 — 7-го классов, то программа и школьные учебники предусматривают для них только специальные повторительно-обобщающие уроки по самым сложным, большим темам и разделам курса. Это иная форма проверки знаний. Ученики повторяют пройденное, осмысливают исторические закономерности, устанавливают причинные связи между явлениями. Такие занятия развивают историческое мышление, формируют научные понятия. (Думаю, что о подобном уроке и идет речь в письме читательницы, хотя она и называет его зачетом).

В последнее время в школах

практикуется так называемый тематический учет знаний. Раньше ученик мог и не готовиться к уроку, если знал, что его не вызовут. В худшем случае будет двойка. Потом он получал четверку или пятерку, и считалось, что он «исправил» плохую отметку. Но если ученик 6-го класса не усвоил тему «Западная и Центральная Европа в V—X веках», а выучил тему «Византийская империя в VI—XI веках», то все равно пробел в знаниях остается. Не зная существенных признаков феодальных отношений, нельзя правильно осмыслить последующий материал. Вот почему учителя стремятся аттестовать каждого ученика по каждой теме. Основа для такой аттестации — текущие оценки. Но ведь не всегда удается опросить всех, или оценка может быть неудовлетворительной, потому проводится итоговый повторный опрос. Тогда тоже приходится учить больше обычного.

У шестиклассников два урока истории в неделю, они идут с разрывом в несколько дней, поэтому времени, чтобы подготовиться, достаточно. Если не откладывать подготовку на крайний срок, а заниматься в несколько приемов, перегрузки не будет.

Не нужно пугаться объема итогового задания. Во-первых, материал уже ребятам знаком. Во-вторых, учитель постепенно подводит — готовит класс к повторительно-обобщающему уроку и итоговому опросу. На предшествующих уроках обращается внимание на выводы, обобщения, называются обязательные для запоминания даты и основные факты. Кроме того, задания, которые даются к повторно-обобщающим урокам, носят конкретный характер. Преподаватель четко определяет круг ключевых, наиболее важных вопросов. При этом дает необходимые указания, советы, как лучше выполнить работу.

Наконец, хочется напомнить, что залог успешной подготовки учащихся к всевозможным итоговым занятиям — добросовестное отношение к каждому уроку и плодотворная работа в классе. У добросовестного, старательного ученика есть такой запас знаний, что он всегда готов к ответу. Чем прочнее запас таких знаний, тем свободнее ориентируется ученик в материале, тем легче проходит у него подготовка к повторительным и обобщающим занятиям.

Чужой ребенок?

В № 6 нашего журнала был опубликован очерк члена-корреспондента Академии педагогических наук СССР А. Кондратенкова «Кукла». В очерке рассказывалось о случае легкомысленного отношения к усыновлению девочки. Случай этот взволновал читателей. Многие из них написали в редакцию. Мы публикуем несколько откликов.

Я — тетя Оля

Два с половиной года назад наша семья — моя сестра, ее муж и я — решили усыновить ребенка, безразлично мальчика или девочку, в зависимости от того, кто нам встретится. Будущий член нашей семьи, конечно, не должен был знать, что мы ему совершенно посторонние люди. Моя сестра официально становилась мамой, ее муж — папой, а мне, по-видимому, предстояло с тех пор называться тетей Олей. Никого из нас троих никто никогда так не называл. Мы — самые обыкновенные люди — живем в Ленинграде, в коммунальной квартире. К решению взять малыша пришли довольно дружно.

Раньше все представлялось примерно так. Мы покупаем игрушек, едем в любой детский дом, где нас тут же окружает толпа ребятшек, остается только выбрать одного из них, затем оформить документы и приехать второй раз, чтобы забрать ребенка к себе домой.

«Но у нас нет сирот, — слышали мы одно и то же во всех отделах народного образования. — А не сироту мы вам отдать не можем».

Сказать по-честному, мы с недоверием отнеслись к таким заявлениям. Считали, что отказывают нам несправедливо. И решили доказать, как настойчивы и тверды мы в своем намерении.

Я и сестра побывали в нескольких детских домах. Обычно, прежде чем войти в дом, мы останавливались в саду и подолгу смотрели на играющих там мальчиков и девочек. Наше появление вызывало

оживление: к кому-то приехала мама. В одном детском доме запомнился худенький шестилетний Сережа. Нам сказали, что мы можем его усыновить, если получим на это письменное согласие матери.

Мать Сережи жила недалеко от Ленинграда, и моя сестра выехала к ней пригородным поездом. Выяснилось, что эта мать не знает, в каком детском доме находится ее сын; она его ни разу не навестила и не наводила о нем никаких справок. Но едва сестра заговорила об усыновлении, как женщина энергично замотала головой: «Как можно, как можно, — повторила она несколько раз, — ведь он как вырастет, то сразу должен стать мне подмогой. Да разве я его кому отдам? И не подумаю!»

Вопрос об усыновлении Сережи отпал.

Нам показали несколько личных дел воспитанников, и у каждого была своя драма. Можно понять работников детских учреждений, которым государство доверило заботу о судьбе детей. Это сложные, необычные судьбы. Поэтому воспитатели и стараются сохранить покой детей, сделать все возможное, чтобы оградить их от волнений и потрясений, которые могут принести ребенку страдание и горе. Теперь становилось понятным, почему не выдают из детских домов ребенка каждому, кто только высказал желание об усыновлении.

В детских домах к нам с самого начала отнеслись очень сочувственно, предлагали то пообедать, то переночевать, то воспользоваться лошадью. До этого у меня не было собственного представления о том, как протекает работа в детском доме. Сказать откровеннее, оно было, но теперь изменилось. Теперь я имела возможность наблюдать и понять, какой труд здесь во все вложен и какая ответственность лежит на каждом, даже маленьком работнике детдома. В некоторых коллективах чувствовалось, что не только воспитательницы и няни, а и уборщицы, и персонал кухни работают с душой — всех объединяет любовь к детям.

Иначе, очевидно, в таких учреждениях работать и нельзя.

Однажды, в очень жаркий день, к воротам пригородного детдома, где мы были, подкатила грузовая машина. Из кузова проворно соскочил пассажир, который снял затем большую корзину. Сквозь прозрачную пленочную крышку можно было разглядеть, что корзина доверху наполнена клубникой. Великолепный клубничный аромат быстро заглушил перегар бензина. Из кабины вышла женщина. Шофер отъехал, а они вдвоем потащили корзину в переднюю. Из обрывков доносившегося разговора я узнала, что супруги, садоводы, привезли ребятам дары своего урожая. Как были рады дети! Но мне показалось, что одарить ребят было необходимо и самим этим щедрым, добрым людям. Они радовались ребячьей радости.

Усыновление — очень трудная процедура. Но в этих трудностях есть свой смысл. И все-таки мы наконец встретились с тем, с кем так упорно искали встречи. Я получила ответ на мой запрос в один из детских домов Псковской области. В нем было написано: «У нас есть девочка, Леночка, пяти лет, сирота, беленькая, курносенькая, глазки темные, приезжайте, взгляните на нее сами».

И вот настал день, когда в нашей комнате водворилась эта беленькая, курносенькая. Тогда очень было трудно сказать, правилен ли по отношению к этому существу совершенный нами поступок. Леночка сидела на диване вся нахохлившаяся, похожая на пичужку. Я помню, как впервые наклонилась к личику девочки. Личико сморщилось, и Лена отвернулась...

Но уже через несколько дней по всей нашей квартире громко зазвенел голос, в котором нельзя было не уловить ноты самого настоящего торжества, осознанного или не осознанного: «Папа, папа, сиди же смирно, я тебя сейчас поцелую!» Это была не просто радость, это было именно торжество!

У меня было такое ощущение, что в нашу жизнь ворвался солнечный луч. Мы окунулись в новый для нас мир и помолодели. Нет, я не оговорила, это именно так.

Я не имею права сказать за Лenu, что она счастлива. Слишком это было бы ответственно. Пусть она скажет когда-нибудь это сама.

...Они выходят на Литейный проспект втроем: папа, мама и посередине Лена. Что касается меня, то, если не называть счастьем детскую привязанность, с которой все время соприкасаешься, каким же еще может быть оно, это счастье?

Прошло несколько месяцев с тех пор. Может быть, кому-нибудь интересно узнать первые наши итоги? Воспитывать Лenu трудно. Она жизнерадостна, шумна, всегда весела, даже сразу после громкого рёва. Но

нельзя сказать, чтобы она у нас отличалась воспитанностью. Я взялась обучить ее иностранному языку, но пока не сумела отучить ее качаться на стуле или выхватывать у меня из рук карандаш и книгу во время наших занятий.

Рано утром Лена пьет какао и поглядывает в мою сторону с вызывающим задором:

— Тетя Оля, можно?.. Тетя Оля, можно?.. Тетя Олечка, ну можно пойти сейчас к Наташе?

— Нет, нельзя идти к Наташе. Сейчас утро, а так рано в гости никто не ходит. Ты помешаешь Наташиной бабушке.

Лена делает недовольный жест и проливает какао на скатерть.

— Лена, что ты наделала?!

— Э-мэ-мэ-мэ!..

— Это что такое? Ты еще и дразнишься? А где в этой комнате угол?

Да, бывает теперь у нас и так.

*О. Покровская
Ленинград*

И трудно и радостно

Я работаю учительницей начальных классов. Сереже было три года и три месяца, когда он стал моим сыном. Ему исполнилось семь лет, когда трагически погиб мой муж. Я осталась с Сережей одна.

Пошли со стороны всякие советы: «Отвези, сдай обратно в детский дом. Одной легче». Но у меня и в мыслях не было расстаться с Сережей.

Не думайте, что он рос паинькой, это ведь ребенок, детская душа, пытливая, любопытная и меняющаяся из года в год.

Сейчас есть у нас квартира, живу со вторым мужем. Но сын у меня на первом месте. Опишу один случай из нашей с ним жизни. Сережа учится в музыкальной школе. Школа от нас за двадцать пять километров. Сергей возвращается обычно часов в десять. А тут ночь уже, а его нет. Сколько мы пережили! Была поднята на ноги вся милиция, школа объявила тревогу. А мы с мужем, и сестрой осматривали каждую шпалу на той ветке, где ездит Сережа, прошли ночью до самой станции. Я посидела в один день.

Сергей приехал сам на следующий день утром. Оказалось, уснул в дороге, проехал мимо. Было уже поздно, и он заночевал у товарища.

А ведь мог позвонить дежурному и сообщить о себе. Так что мне теперь: за этот поступок отвезти его, сдать обратно в детский дом?!

У меня два брата, сестра и старенькая мама. Вся наша семья любит Сергея и заботится о нем, не смотря на то, что он приносит нам и огорчения. Но ведь на то мы и родители, чтобы воспитывать детей. А это и трудно, и радостно!

*А. В.
Воронежская область*

Награда

Мы с мужем взяли на воспитание Сережу, когда ему было один год и четыре месяца. Был он хилым, болезненным мальчиком, но глаза очень живые. Не скрою, привыкать было трудно. Бессонные ночи, кормление, прогулки. А тут еще нависла беда. У Сережи обнаружили камни в почках. Сделали операцию, потом ездили пять лет подряд в Железноводск. Сейчас мальчик здоров. Очень подвижный, непоседа, оттого и замечаний в школе больше, чем у других. Как и в каждой семье, бывает всякое. Сережа учился в третьем классе. Однажды он взял из кармана у отца деньги — восемьдесят копеек. Муж сказал мне об этом, когда Сережа ушел в школу. Я пришла в ужас. Первое желание было наказать ремнем, чтобы запомнил надолго. Второе — бежать в школу, отчитать перед всеми. Но я сдержалась. И вот приходит Сережа, заглядывает мне в глаза и спрашивает: «Мама, почему ты невеселая?»

Я говорю, что очень расстроена. И тут Сережа признался, что взял деньги, и протянул их мне. Я спросила: «Почему не потратил?» Он ответил: «Я не мог, я все утро думал, что поступил плохо». Я заплакала, а он заревел еще больше оттого, что отец может ему перестать верить».

Был еще случай. Сережи долго не было. Я обегала всех товарищей, звонила в милицию. Наконец явился — грязный, мокрый, портфель еле волочит. Когда зашли в комнату, я ахнула — под глазом синяк и огромная шишка. Стоит голову повесил, слезы ручьем. — Где был? — На озере, около аэропорта, в аэропорту. — С кем? — С Хазановым и Зайцевым (это — одноклассники). Выясняю: хотели улететь, но потом, когда в самолет без билета не пустили, остались на озере в сторожке. Как только стемнело, Сережа забеспокоился: «Я как подумал, что ты будешь искать меня, расстраиваться, сразу стал уговаривать ребят ехать домой. Но они не согласились, сказали, что их дома бьют». И в этот раз я поговорила с сыном по-хорошему, повела его к родителям тех мальчиков, ведь за них тоже волновались.

Мне не всегда бывает легко. Но разве можно растоптать веру человека в мать, в отца?

Недавно я лежала в больнице, перенесла операцию. Сережа был в пионерлагере. Его навестили мои друзья. Они рассказали, как сын расспрашивал обо мне. «Пусть, — говорит, — бережет себя. А я приеду домой буду мыть полы, помогать, ходить в магазин. Я не позволю маме ничего делать».

Это ли не награда за мое терпение и любовь!

*Л. Ульянова
г. Алма-Ата*

Еду домой

Прочла статью «Кукла» и увидела себя в прошлом. Мне было три года, когда меня привезли в детприемник. Я там дралась и плакала (не от обиды, а от одиночества). Почему-то другие дети были одеты гораздо лучше и чище меня. Даже во сне я видела красивые ботиночки и красивые платья.

Говорят, в трехлетнем возрасте ребенок ничего не запоминает надолго. Неправда! Тот день я запомнила на всю жизнь. К нам в игровую комнату вошла молодая женщина. Она с улыбкой смотрела на всех. Потом женщина стала угощать нас шоколадными конфетами. Не знаю, что со мной вдруг стало: я подбежала, уцепилась за руку и закричала: «Мамочка!»

Позже мама рассказывала: когда мы ехали в трамвае люди плакали, глядя на меня — заморыша, в ссадинах, намазанных зеленкой. Тут же в Краснодаре мне купили красивые ботиночки (!)...

Какой же я была «беспокойный ребенок»? Обувь на мне буквально горела, я не пропускала ни одного забора, и на каждом оставался лоскуток от моих платьиц. Я была как мальчишка, мама сейчас смеется «хуже даже».

Но вот я пошла в школу. До третьего класса все было хорошо. А в третьем... Я услышала от соседки, что это не моя мама, что она «чужая женщина» мне. Я не поверила, но... Я стала обижаться на мамыны замечания. Пыталась даже уходить из дома: уж очень много было во мне сердитой гордости. Как больно обижала я своих родителей, которые перенесли столько горя! В годы войны маму угнали фашисты в Германию. Сколько унижений и оскорблений испытала она в неволе! А потом папа освободил их лагерь и полюбил маму. Но детей у них уже не могло быть. Папа был несколько раз ранен. У мамы тоже сильно подорвано здоровье. Теперь я понимаю, как трудно было родителям со мной. А мне было всегда хорошо.

Я уже сама мама. Растет сын Женька. С огромной благодарностью я отношусь к людям, которые дали мне самое дорогое — родительскую любовь. Сейчас я еду домой в отпуск и знаю, что там меня ждут. У меня есть дом. У меня есть мама, есть отец. А это большое счастье! Постараюсь сделать все, чтобы родители могли гордиться своей дочерью.

*Л. Королева
Челябинская область*

журнал в журнале

Домашняя часть учения

Как ваши дети
готовят уроки?

Как вы
помогаете им?

К следующему уроку, к последующей жизни

*Домашние задания:
можно ли без них?*

«Пора за уроки!» Кому из взрослых не приходилось говорить это своим ребятам? Наш трудовой день кончается за заводской проходной, за воротами цеха, а детей и дома ждет работа: отдохнут после школы — и начинается их «вторая смена» — домашняя часть ученья. Мы тревожимся: не много ли задают? По силам ли работа? Не переутомляются ли дети? И не столь уж редко в суждениях родителей, приглядывающих к переменам в жизни школы, звучит вопрос: а нельзя ли обойтись без этой «второй смены»? Может, в классе заниматься побольше и подольше, а зато уж дома детям — полная свобода?

Возможно ли обучение без домашних уроков? Такие опыты были в начальную пору советской школы, нечто подобное есть в современной педагогической практике некоторых зарубежных стран. И если задания

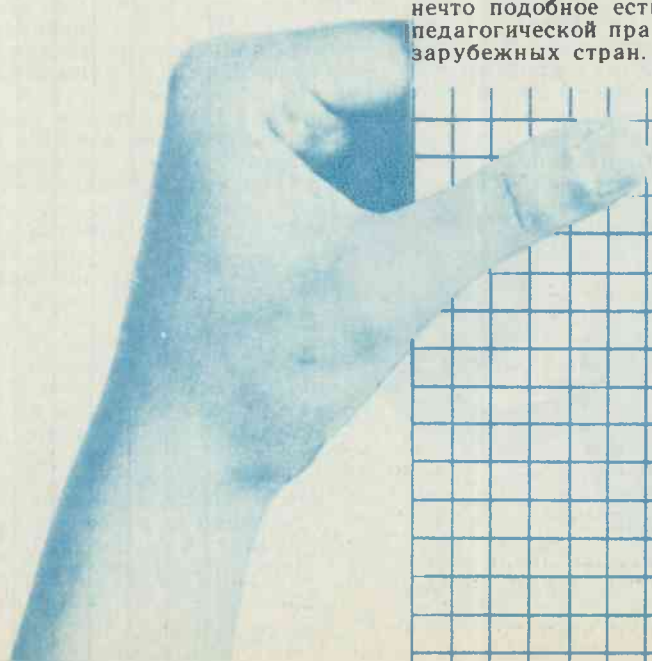
на дом прочно вошли в обиход нашей сегодняшней школы, то это потому, что долгий опыт проб и поисков неоспоримо доказал: она необходима часть учебной работы. И дело не только в том, чтобы сделать процесс усвоения знаний более интенсивным и насыщенным. Работа дома не буквальное повторение того, что делает ученик в классе, — она необходимое дополнение к прошлому уроку, условие готовности к новому. И особенность ее прежде всего в том, что это работа самостоятельная. А ведь только то, что самостоятельно продумано и усвоено, что прошло через собственные умственные усилия школьника, может быть основой подлинно прочных знаний. Усвоенное на уроке воспроизводится и закрепляется дома, а затем эти «домашние приобретения» служат опорой для дальнейшего продвижения в классе.

Дополнительное чтение книг, индивидуальные наблюдения и экспериментирование, самостоятельное продумывание, практическая проверка — все это расширяет рамки познаний учеников, значительно углубляет те сведения, которые были получены в классе.

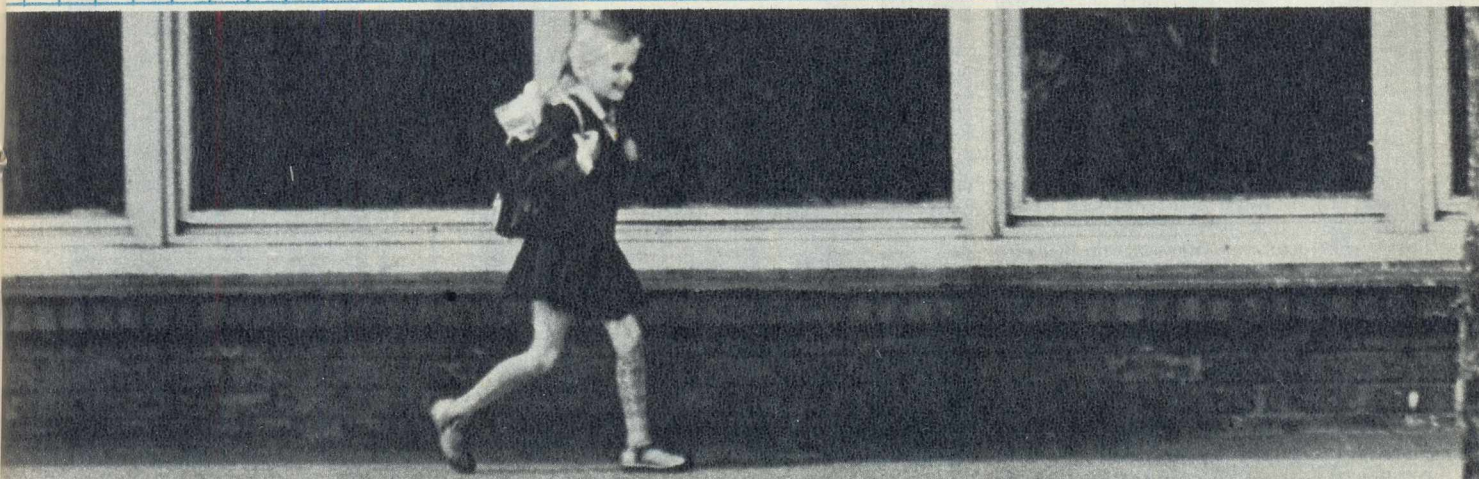
Домашние занятия необычайно важны и тем, что именно здесь в значительной степени школьник «учится учиться», приобретает и развивает навыки самостоятельного умственного труда. Умение планировать и дозировать свою работу, собирать и обрабатывать необходимые материалы, приемы самоконтроля, умение работать с книгой, самостоятельно готовиться к выступлению, докладу — все это во многом складывается именно в те часы, которые школьник проводит за своим рабочим столом. Он может применять разнообразные методы и добиваться успеха, идя своими путями и используя собственный опыт и темп работы. Наконец, не забудем и о том, что именно в самостоятельном труде (и в учебном — не в последней степени) крепнут воля и характер подрастающего человека. «Задавание уроков на дом, — писала Н. К. Крупская, — имеет еще и то значение, что оно может и должно служить средством воспитания сознательной дисциплины, может и должно воспитывать чувство ответственности».

Виды домашних заданий

Может показаться, что разбираться в этом — дело учителя. Ведь именно он дает и задания, и необходимые указания, как их выполнять, он их и проверяет. Это верно. Но бесспорно и другое: если родители действительно хотят по-деловому помочь детям, знать о том, какие задания даются в школе, какую цель они имеют, будет далеко не лишне.

Конечно, характер заданий, их объем, сложность зависят и от возраста ребят и от содержания учебного предмета. Но вместе с тем можно выделить несколько основных типов домашних работ, которые в тех или иных вариантах применяются на всех этапах обучения. Каковы же они по своим целям?

1. Закрепление знаний. Такого рода задания самые распространенные в школьной практике, и это понятно — они являются естественным продолжением урока и дают возможность школьнику применить полученные там знания и навыки. По характеру они весьма различны: это могут быть и письменные упражнения, и решение задач, и проведение опытов и работа над текстом учебника. И вот в этом последнем случае школьники нередко считают домашнюю часть работы не столь уж нужной, заявляя: «А зачем еще раз читать? Я так в классе все понял!» Между тем подобному ощущению «понятности» доверяться нужно с осторожностью. Вновь усвоенные знания и навыки непрочны, неустойчивы, поэтому могут легко утратиться, забыться. Домашняя работа и необходима для того, чтобы закрепить приобретенное в классе; иначе бодрое «все понял» может смениться неуверенным «кажется, мы это проходили...»

2. Накопление материала для работы в классе. Подобные задания чаще всего применяются в связи с вводными уроками. Они требуют от школьника достаточно высокой самостоятельности и умственной активности, так как в данном случае он имеет дело не с тем, что уже объяснено на уроке, а с тем, что ему еще неизвестно и в чем предстоит разобраться самому.

Так, готовясь к изучению темы «Ископаемые богатства Урала», учитель географии на вводном уроке дает общую характеристику ре-

сурсов этого района, напоминает о таблице Д. И. Менделеева и раскрывает перед учащимися закономерности географического распределения на Урале отдельных элементов менделеевской таблицы, а на дом дает задание: познакомиться по учебнику с месторождениями полезных ископаемых Урала и нанести их на карту.

Так по каждому предмету предлагаются разнообразные по своей форме, но объединенные общей целью задания — накопить сведения для дальнейшей работы на уроке. Эти задания позволяют учителю экономить время, обеспечить учащимся более активный контакт с материалом и, следовательно, более прочное его усвоение.

3. «Обобщающие» задания. Этим условным названием можно объединить такие виды заданий, где школьнику предстоит проанализировать материал, установить связи между описываемыми явлениями и сделать обобщающие выводы. Такие задания, как правило, требуют самостоятельной работы школьника с учебником и дополнительной литературой.

4. Контрольные задания. Вообще говоря, почти что любое домашнее задание является в какой-то степени контрольным — ведь все они так или иначе проверяются учителем, за многие становится отметка. Но есть задания, специально предназначенные для того, чтобы проверить, насколько школьник усвоил и умеет применять те или иные правила, законы, учебные навыки. Такого рода «домашние контрольные» часто предваряют проверочные работы в классе. Но если на уроке во время контрольной уже поздно браться за учебник, то дома школьник вполне имеет возможность предварительно повторить необходимый материал. Не помешает, если вы напомним им об этом, а то зачастую ребята бе-

гутся за работу, не осмыслив как следует, какую цель она имеет, что именно является предметом проверки.

5. Практические работы: изготовление моделей, собирание коллекций, домашние опыты, работа на пришкольном участке или в учебных мастерских. Чаще всего они завершают собой изучение того или иного теоретического материала (правила, законы), который надлежит затем применить на практике. Но эту связь с пройденным в классе школьники далеко не всегда ясно улавливают, оттого порой эти задания и кажутся им излишней обузой, да и выполняют ребята их кое-как. Вот тут взрослым и есть смысл вмешаться и показать школьнику связь науки и практики. Это тем более нужно, что воспитательное влияние таких заданий может быть очень сильным: ведь они дают ребятам возможность проверить и умелость своих рук, и настойчивость, и изобретательность.

Сколько кому задают

Каждый учитель сам определяет ежедневный объем заданий по своему предмету, сам решает, какую часть материала проработать в классе, а что дать ребятам на дом. Но общий объем заданий нормирован; эти нормы отражены в «Уставе средней общеобразовательной школы». Так, в 1-м классе общее время ежедневной домашней работы не должно превышать одного часа, во 2-м — полутора часов, в 3—4-м — двух, в 5—6-м — двух с половиной, в 7-м — трех, в 8—10-м — четырех часов. Исходя из этого, в 1—3-м классах на один день домашних заданий (устных и письменных) обычно дается не более трех, в 4—5-м — не более четырех, в 7—8-м — не более пяти, в 9—10-м — не более

шести. Конечно, из того, что ваш сын или дочь засиживаются за уроками дольше положенного, не следует непременно делать вывод, что в школе им задают сверх меры. Нормы эти имеют в виду активную и рациональную работу; вялое же сидение над тетрадкой или учебником, с поминутными отвлечениями и перерывами, конечно, потребует неизмеримо больше времени.

Учитель должен объяснить школьникам способы и методы работы над заданием, дать образец его выполнения, проверить, правильно ли ученики поняли его. А школьники обязательно должны ясно и четко записать задание в дневник. И родителям следует последить за этим; неоряшлывые, небрежные записи не только приучают ребенка к неаккуратности, но и оказываются нередко источником недоразумения и двоек.

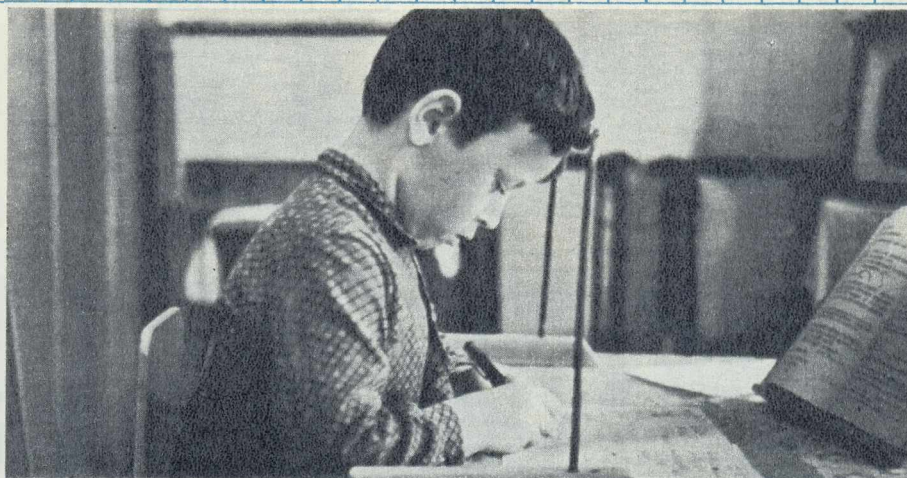
Об одном виде домашних заданий хочется поговорить более подробно—это о заданиях по чтению. Овладение умением читать, любовь к чтению являются первой основой школьных успехов. Если же у ребенка здесь не все ладится, то каждый учебный предмет оказывается для него вдвое труднее—ведь все они так или иначе требуют работы с книгой.

Учитывая особое значение навыков чтения, учителя начальных классов так организуют домашние задания, чтобы чтение было ежедневным. Разумеется, школьник должен регулярно обращаться не только к учебникам, но и к той литературе, которая рекомендована для внеклассного чтения. Списки книг для внеклассного чтения, которые дает учитель в начале учебного года и уточняет в начале каждой учебной четверти, должны находиться в домашнем уголке школьника. Эти списки—незаменимое средство для родительского контроля за детским чтением, в особенности если родители сами знакомы с рекомендованной литературой и могут быть компетентными советчиками детям.

Кроме, так сказать, «чистого» чтения в начальной школе применяются и иные формы заданий, требующие работы с книгой.

Во 2-м классе это—составление рассказа по картинкам, которые разбирались на уроке, чтение диалога, подготовка развернутых ответов на вопросы по прочитанному тексту, деление статьи или рассказа на части, работа над словами, заучивание наизусть стихотворений.

В 3-м классе по сравнению со 2-м большее место занимает самостоятельное чтение с последующим анализом прочитанного материала в классе. Задания по чтению спрово-

вождаются письменными упражнениями (выписывание слов, словосочетаний и предложений, ответы на вопросы, составление плана, частичное изложение, описание картины и т. д.). Такая подготовка делает работу в классе более эффективной и интересной.

Родителям, контролирующим задание по чтению, следует учесть одно обстоятельство. Нередко учитель дает задание дифференцированно: тем, кто уже хорошо читает,—больше по объему, кто еще «спотыкается»,—меньше. Поэтому недоумевать, почему это ребенку задали читать «больше других», не стоит.

Как учить уроки

Прежде всего—как ни банален этот совет—не «зубрить». Зубрежка, механическое заучивание, отнимает массу времени, а результаты дает нулевые, если не хуже: с торжествующим ощущением «выучил!» школьник закрывает книгу, а в классе, сбившись на второй фразе, вдруг обнаруживает, что «все забыл», и получает (заслуженно!) двойку.

Полное, ясное, исчерпывающее понимание материала—текста учебника, смысла задачи, цели упражнения—вот первейшее условие успешности домашней работы. Но как узнать, достаточно ли оно? Ведь заявление школьника «я все понял», увы, часто оказывается лишь самообольщением.

Наиболее верный и точный способ—воспроизвести выученное. Но не буквально, слово в слово, а сжато, концептивно, выделяя суть, основные мысли. Конспект может быть устным, может быть и письменным. Вот тут и легко будет увидеть, сколь сознательно школьник ориентируется в тексте, запомнил ли он, уловил ли, что в нем главное.

Воспроизведение еще тем ценно, что оно не только способ контроля,

но одновременно и способ запоминания.

Ушинский писал:

«Это активное повторение гораздо действительнее пассивного, и способные дети инстинктивно предпочитают его первому: прочитав урок, они закрывают книгу и стараются проговорить его на память».

А между тем есть немало школьников, которые при подготовке домашних заданий ограничиваются только двух-трехкратным (иногда и больше) прочтыванием урока по книге. Такая работа, особенно при большом объеме текста, занимает много времени, а от пробелов не гарантирует: именно при чтении «сплошняком» школьнику труднее различить, что в материале главное, а что—пояснения, примеры, комментарии.

Чтобы убедить учащихся в преимуществе воспроизведения как способе запоминания, предложите им провести несложный эксперимент. Пусть поработают над какими-то заданиями двумя способами: просто перечитывая его два-три раза и пытаясь воспроизвести после каждого прочтения. Потом вы можете провести «экзамен» и вместе сравнить результаты. В убедительности их не придется сомневаться.

При этом очень важно еще раз отделить мысль о том, что заучивание—процесс творческий. «Воспоминанию нужен ум, чтобы сравнивать и различать»,—указывал К. Д. Ушинский.

Творческий, осознанный подход к запоминанию способствует, как известно, не только более прочному усвоению, но и предупреждает от ошибочных, неправильных, искаженных представлений.

Существенное значение имеет разнообразие способов запоминания. Очень часто, к сожалению (если говорить об устных заданиях), школьники знают только один способ ра-

боты: чтение про себя. Между тем чем разнообразнее каналы восприятия, по которым проходит материал, тем успешнее запоминание, тем продуктивнее умственная работа. Будет очень полезно какую-то особенно важную часть текста прочесть и пересказать вслух; выслушать в пересказе товарища (что дает возможность заодно проконтролировать его и себя); написать план ответа или сделать его конспект.

При запоминании иностранных слов их следует не только прочитывать по словарю или повторять про себя, но и несколько раз переписывать, а написанное прочитывать вслух. Эти же приемы следует рекомендовать при заучивании точных формулировок, стихотворений, новых терминов и т. д. Схемы, чертежи, зарисовки могут быть спорным в работе по математике, физике, биологии, географии.

В каком порядке учить уроки? И сам школьник, и его родители обычно знают, какие предметы трудны для него. Их не надо откладывать на последнюю очередь; эти задания лучше всего делать в первую половину «домашней смены», когда внимание и работоспособность ученика оптимальны. Выполнение устных заданий по предмету должно предшествовать выполнению письменных. Такой порядок легко объяснить: устные задания обычно включают усвоение теории, правил, законов. Письменные же задания направлены на их применение, на практическое использование законов и правил. Чтобы усвоение учебного материала было сознательным и прочным, сначала нужно изучить его теоретическую суть, усвоить правило, понять теорему, а уж затем применять их в упражнениях.

Для современного человека процесс образования фактически становится непрерывным. Напомним слова Л. И. Брежневa на XXIV съезде партии: «В наше время происходит настолько быстрое развитие во всех областях, что полученное в молодости образование — это лишь база, которая требует постоянного пополнения знаний». Так что, сидя дома за книгами, наш школьник готовится не только к следующему уроку, но и к последующей жизни, в которой ему будет необходимо уметь учиться, культура умственного труда.

*П. Макаров,
кандидат педагогических наук*

Какой помощи мы ждём от родителей

«Родители должны помогать школе». Эта формула стала общепризнанной, и, пожалуй, сегодня мало кто сомневается в ее справедливости. Но, к сожалению, многие еще считают (или на деле так выходит), что помощь эта необходима, если можно так сказать, лишь в случае «пожара». Не ладится с дисциплиной или ученик что-то натворил — школа зовет на помощь семью. И вот, кажется, самый случай проявить родительскую власть: сделать внушение, наказать, «ввести в рамки». Или наметилось устойчивое отставание, необходимы дополнительные занятия. Значит, дома должны подумать, как их организовать. Конечно, и такая помощь бывает нужна, но все-таки, думается, не следует считать ее основной. Вспомним еще одну известную формулу: «Совместная работа семьи и школы». А работа, по самому смыслу своему, должна быть постоянной, повседневной. Станет она такой — и о «пожарных» случаях говорить не придется: их просто не будет.

Первое, с чего должна начинаться помощь родителей школе, — это подержать требование школы: ученик должен ответственно относиться к работе в классе. То, что упущено, не понято на уроке, далеко не всегда может быть восполнено дома, даже и при вашей помощи. Поэтому родители должны узнать, как школьник занимается в классе. Пассивность, невнимательность, простое «отсиживание» урока, даже если они (пока!) не сопровождаются двойками, должны вызывать серьезную тревогу. Правда, непосредственно вмешаться тут родители не могут, но попытаться выяснить причины пассивности, помочь учителю «расшевелить» школьника — вполне в их силах.

Вторая существенная обязанность родителей — создание дома условий, необходимых для успешной работы

школьника, забота о режиме дня, о разумном сочетании труда и отдыха. Здесь не лишне будет заметить: если на труд родители обычно обращают внимание, то отдых нередко представляется на собственное усмотрение школьника. В результате иные ребята мало времени проводят на улице, зато много — перед телевизором, не отдыхают как следует, и их домашняя работа оказывается малопродуктивной и чрезвычайно продолжительной.

Длительность домашней работы регламентирована «Уставом средней общеобразовательной школы». В добавление следует сказать, что в школах РСФСР не дают ученикам домашние задания по труду, физкультуре, рисованию, музыке. Если ученик посещает группу продленного дня, то все, что ему задано, выполняется в группе под наблюдением воспитателей; сверх этого никаких заданий для выполнения дома даваться не должно.

Наблюдения показывают, что многие школьники сидят за уроками гораздо дольше, чем это предусмотрено гигиеническими нормами. Как правило, в этих случаях винят или школу за то, что «слишком много задают», или новые программы за то, что сложны. Между тем, как установлено специальными исследованиями, существенная часть времени, которую школьники проводят за рабочим столом, тратится нерационально. Многие, прежде чем приступить к работе, «раскачиваются» 10–15 минут. В конце работы около 15 минут они не отдыхают и не работают, так как не умеют четко завершить начатую работу. Отвлечение от работы при выполнении домашних заданий составляют у первоклассников от 7 до 30 минут, а во вторых и третьих классах — примерно 10 минут. Схожие недостатки, хотя и в меньшей степени, характерны и для учеников 4–7-го классов,

и даже для старшеклассников. Поэтому контроль за рациональным расходованием времени бесспорно необходим, но здесь важно, чтобы взрослые не просто одергивали ребят, а помогали им в выработке рациональных приемов учебного труда.

Об успешности домашней работы родители, как правило, судят по отметкам, с которыми ребенок возвращается из школы. И им, естественно, хочется, чтобы эти отметки всегда были хорошими. Это понятное, законное желание. Но плохо, когда в погоне за отметками взрослые при первых же затруднениях школьников берут их «на себя».

Не забудем: неперенная цель домашних заданий — воспитание у школьника навыков самостоятельной работы. Разобраться в существе каждого учебного вопроса ученик сможет лишь тогда, когда сам обдумает содержание учебника, проведет наблюдения, выполнит предложенные учителем упражнения. Если же родители, руководствуясь самыми благими пожеланиями, чрезмерно активно вмешиваются в подготовку домашних заданий, не дав ученику как следует подумать, подсказывают решение задачи, а иногда просто сами выполняют всю работу, то школьнику остается единственная «самостоятельная» обязанность — переписать сделанное мамой или папой в тетрадь.

Недопустимость такого рода «помощи» стала еще более ощутимой при новых программах.

Поэтому хотелось бы рекомендовать родителям проявлять большую осторожность в руководстве домашней работой детей. Нельзя брать на себя смелость поучать тому, в чем взрослый сам досконально не разбирается. Конечно, если родители основательно знакомы с требованиями современных программ и содержанием учебного материала, их заня-

тия с детьми вполне оправданны. Ну, а как быть, если у них нет такой подготовки? Очевидно, следует обратиться за советом и помощью к учителю.

Учитель подскажет, как помогать ребенку (это особенно относится к младшим школьникам) работать правильно и продуктивно. Например, полезно при анализе задачи руководствоваться специальными памятками. Такие памятки теперь помещаются в учебниках или составляются учителями. Иногда нужно вместе с учеником вспомнить нужную последовательность грамматического разбора. Родители могут посоветовать детям приемы запоминания учебного материала (выделение главного, выборочное повторное чтение, воспроизведение по вопросам и т. д.). Разумеется, и такие рекомендации надо давать ученикам после консультаций с учителями.

И безусловно, каждому взрослому, независимо от уровня образования, полезно проверить, все ли уроки выучил ученик: просмотреть тетрадь и удостовериться, насколько чисто сделана работа; выяснить, понимает ли ученик то, что он читает в учебнике, запомнил ли стихотворение и т. д. Вряд ли целесообразен такой способ проверки, когда ученик полностью воспроизводит прочитанное или заученное, а взрослый следит за полнотой и последовательностью рассказа по учебнику. Это нацеливает на механическую зубрежку, а не на осознанное усвоение материала. Лучше задать школьнику вопросы по существу материала, чтобы определить, понял ли он самое главное, осознанно ли он усвоил. Метод простого воспроизведения в какой-то мере допустим лишь по отношению к тому материалу, который требует дословного заучивания — текстам стихотворений, правилам, определениям понятий, хронологии и т. п.

*В. Стрезкозин,
начальник
программно-методического
управления
Министерства просвещения РСФСР*

Самостоятельность — с первого класса

Нередко, расспрашивая учителя об успехах ребят, родители слышат в ответ: «Все, кажется, не так плохо, но вот не умеет заниматься сам. Надо развивать самостоятельность». Но что такое самостоятельность в применении к учебному труду? Как ее развивать? Когда начинать?

Об этом стоит поговорить подробно.

Самостоятельность учебной работы — это сочетание самых разнообразных умений школьника: вовремя и без напоминаний приступить к выполнению заданий, продумать порядок работы и приготовить все необходимое для ее выполнения, чтобы больше уже не отвлекаться. И конечно же, ученик должен знать, как выполнять то, что задано. Не зная способов выполнения, ребенок вряд ли решится вообще приступить к урокам. Он чувствует неуверенность, боится ошибок и ждет, пока кто-то из взрослых, освободившись, сможет сесть с ним рядом и направлять, поправлять его в нужный момент. Многие ребята, особенно младшие, без такого взрослого «помощника» просто не умеют делать уроки.

Но разве самым маленьким — первоклассникам, второклассникам — по силам самостоятельно справиться с заданием? Уж если и можно представить, чтобы уроки мог сам, без подсказки, готовить пятиклассник, то как же совсем малыши? Ведь напортачат, перепутают — все равно переписывать придется... Понятно, надо приучать ребят к самостоятельности, но пусть сначала станут хоть немного постарше...

А все-таки начинать нужно именно с первых дней, с первого класса. Самостоятельность нужна ребенку с первых школьных шагов, и именно в начальную пору открываются наилучшие перспективы для ее развития. Больше того, в младших же классах необходимо и завершить формирование этого важного качества.

К концу обучения в начальной школе у ребенка должны сложиться все основные приемы самостоятельной учебной деятельности.

Если начальная школа не выполняла этой задачи, то в средних и старших классах это будет вызывать несравненно большие трудности. Почему же так происходит? Ведь ребенок, подрастая, вроде становится развитее и «умнее»?

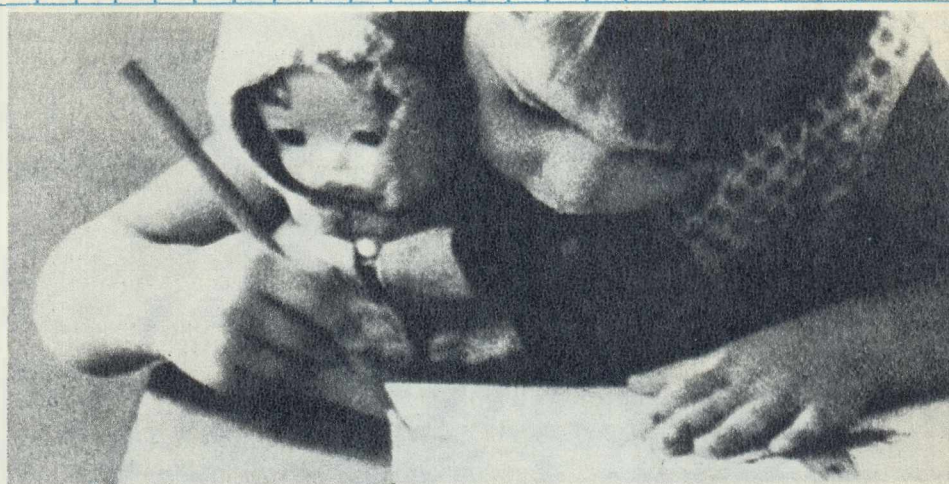
Все дело в том, что у младшего школьника учебная деятельность является ведущей. В эту пору она определяет все психическое развитие ребенка, формирование его восприятия, внимания, памяти, мышления. Все интересы ребенка, все его усилия связаны теперь со школой. Ведь именно школа, учебные занятия меняют социальную позицию ребенка, дают ему новое «положение» в обществе: из «малыша» он превращается в школьника.

В жизни подростка значительное место занимает общение: установление контактов со сверстниками, перемены в отношениях со взрослыми и т. д. Но ведь школьная жизнь продолжается — остаются и уроки, и учебники, и задания. И если ребенок в младших классах не овладел навыками самостоятельной работы, если он не умеет заниматься продуктивно, экономно, целенаправленно, то в подростковые годы учеба часто просто отходит на второй план — в лучшем случае школьник занимается столько, сколько надо, чтобы избежать упреков дома и нареканий в школе.

Но как же формировать эту самостоятельность с первых дней? Что могут сделать родители? Исследования психологов, наблюдения педагогов сегодня еще не дают здесь исчерпывающих, окончательных ответов, но позволяют тем не менее наметить некоторые пути, некоторые направления действий.

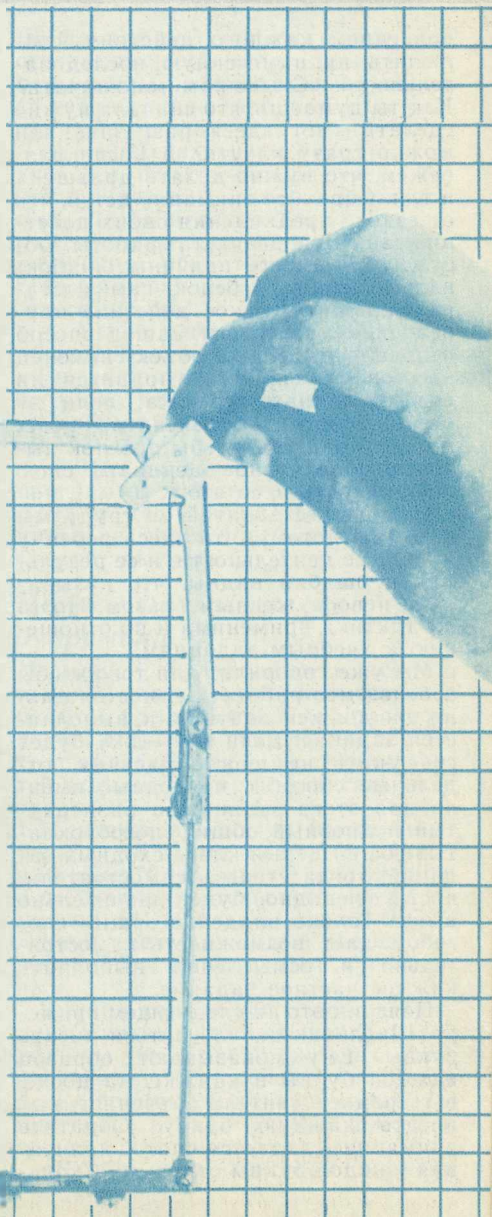
Исследователи установили, что формирование самостоятельности существенно зависит от умения ребенка правильно контролировать и оценивать собственную деятельность, или, как говорят психологи, связано с механизмами самоконтроля и самооценки. Здесь имеются в виду такие виды самоконтроля, как, например, развернутый контроль «слежения», который протекает по ходу деятельности, и даже контроль, который как бы «забегает» вперед, предвосхищает какое-то действие, планирует его.

Эти качества нужны уже для такого «простого» дела, как организация домашней работы. Ведь чтобы она проходила рационально, нужно уметь заранее спланировать время, определить последовательность выполнения заданий, приготовить все необходимое, обдумать само содержание работы.

Умение организовать и планировать работу воочию выступает перед ребенком в таких занятиях, как конструирование, изготовление поделок из различных материалов (пластилин, бумага, ткань) и т. п. Приступая к выполнению подобного задания, ребенок должен очень многое заранее учесть и продумать, чтоб его деятельность была успешной. Скажем, чтобы слепить из пластилина елочку и грибок под ней, ребенок должен выбрать пластилин определенных цветов, подготовить фанерку, на которой будет лепить, картонку, из которой будет сделана подставка, ножницы, тряпочку, чтобы вытирать руки, и т. д. Начиная делать игрушку, он должен представить себе облик и форму предметов, соотношение их размеров и т. д. То есть от ребенка требуется умение учесть свойства будущего объекта при выборе исходных материалов и предвидеть собственную деятельность по его изготовлению. А это и есть навыки самоконтроля в его самой сложной функции — планирующей. Конечно, чтобы формировать эти качества, на первых порах необходима совместная деятельность ребенка и взрослого. И вообще приучать к самостоятельности — это вовсе не значит предоставить ребенку полную свободу в домашней работе. Руководить им, направлять его, но не делать работу за него — вот в кратком виде программа действий взрослого.

Вообще не нужно, чтобы вы помогали ребенку аккуратно клеить и вырезать нужную игрушку. Нет, задача взрослого иная — подвести ребенка к мысли: прежде чем приступить к любой работе, нужно ее хорошо продумать, представить себе результат и, уже руководствуясь этими соображениями, подготовить все необходимое. Покажите ребенку, что во время работы тоже нужно очень внимательно следить за вы-

полнением каждого действия, соблюдать их намеченную последовательность: «С чего нам надо начать? Как ты думаешь, что сначала нужно сделать — вот здесь разрезать или можно сразу клеить? А когда разрежем, что нужно делать дальше?» и т. п. Обратите внимание детей, что от такого предвидения своих действий зависит и результат работы. Обсуждайте вместе причины ошибок: важно, чтобы ребенок сам поставился понять, какое действие привело к неудаче, сам нашел способ исправления. Когда объект наконец изготовлен, спросите, нравится ли ему сделанная игрушка; если не очень, попросите объяснить — почему. Добивайтесь, чтобы ребенок пытался объективно оценивать свою деятельность и ее итог.

Начинать с занятий по труду мы советуем потому, что здесь ребенку и процесс деятельности, и ее результат, и ошибки видны, что называется, вооруженным глазом. Но та же тактика применима и по отношению к учебным заданиям.

Мы уже говорили: для того чтобы ребенок мог работать самостоятельно, он должен знать, как выполняется задание. Если это «как» будет содержать не просто частные, отдельные способы, пригодные именно для этого задания, а развернутый, подробный, общий способ, охватывающий целый класс сходных заданий, тогда степень самостоятельности, очевидно, будет значительно выше. Только владение общим способом дает возможность самостоятельно и осмысленно выполнять каждое частное задание.

Поясним это на следующем примере. Школьник начал учиться писать буквы. Ему показывают образец каждой буквы в книжке, на доске, в тетрадке; учитель объясняет, как писать каждую букву. Обратите внимание — задается способ написания каждой буквы отдельно. Сколь-

ко букв — столько ребенку задано способов их изображения! И вот школьник, посмотрев, как пишет букву учитель, сам начинает старательно копировать образец — и поначалу, как правило, неудачно. Только после некоторой тренировки нужная буква наконец начинает получаться. Но как только появляется новая буква, все повторяется сначала. А если еще ребенок продлевает эту работу дома, под присмотром бдительных родителей, которые то и дело одергивают его: «Ну что же ты — опять не туда ведешь!..» и т. п., то успех вызывает сильные сомнения. Ребенок не всегда и понимает, почему он «ведет не туда»; оторвав взгляд от образца, он забывает, куда нужно вести линию, плохо ориентируется в особенностях графического изображения буквы, помнит только общей ее вид. Он видит только результат деятельности, может сравнить и оценить только готовые буквы. А вот свои действия он проконтролировать не может, потому что не знает, с чем их сравнить, соотносить.

Чтобы дать ребенку средства эффективного контроля за самими его действиями, нужно установить вместе с ним общий способ выполнения этих действий — в данном случае написания букв.

Как это можно сделать? Перед началом работы обсудите вместе с ребенком полученное задание, спросите, как он сам предполагает учиться писать буквы, что кажется ребенку самым трудным в предстоящей работе. Наверно, самое трудное — воспроизвести точно конфигурацию буквы. Предложите ребенку сначала проследить, из каких линий состоит буква, как они идут, образуя контур. Обратите внимание, что линии в букве в определенных местах меняют свое направление. Подведите ребенка к мысли, что если выделить эти важные «опорные» точки,

то любую букву можно написать очень легко. Научите ребенка правильно выделять эти точки, точно соблюдая их отношение друг к другу и к линейкам в тетради. Когда ребенок легко сможет выделять опорные точки и научится переносить их правильно в свою тетрадь, ему останется только соединять их, и он получит готовую букву. Освоение этого способа написания букв дает возможность ребенку практически сразу, без длительной тренировки, правильно написать любую букву.

Исследования показали, что, применяя этот способ, дети легко могут изобразить буквы латинского, грузинского алфавита и вообще любой достаточно сложный контур.

Что особенно важно — школьник получил теперь средства контроля за собственной деятельностью: он знает, что может проверить каждое свое действие, знает, каким образом найти и исправить ошибку, пользуясь методом выделения опорных точек контура. Следовательно, он уже может теперь работать самостоятельно, и больше не нуждается в помощи взрослого. И еще на одно обстоятельство мы хотели бы обратить внимание. Не старайтесь сами показать и рассказать ребенку способ выполнения какой-либо деятельности, например, тот же способ написания букв, думая, что «так будет быстрее». Ребенок, чтобы усвоить способ, должен сам его установить, «найти», открыть для себя — конечно, не без помощи наводящих вопросов взрослого, его предложений и указаний.

Еще один пример. Как правило, много трудностей возникает у детей при переходе к действиям с дробными числами. Трудностей этих можно избежать, если вы в совместных занятиях с ребенком сможете показать ему происхождение дробей. Важно, чтобы он понял: дробь — это результат действия измерения (как, кстати, и любое целое число). Предложите ребенку измерить длину стола или спинки стула или дивана (или любого другого предмета); можно предложить измерить объем какого-то предмета, кувшина например, и т. п. Покажите ребенку, что при измерении можно пользоваться самыми различными мерками: длину можно измерять куском веревочки, карандашом, полоской бумаги, боковой стороной спичечного коробка и т. п. Измерьте длину какого-либо предмета различными мерками — вы можете показать, что в зависимости от мерки получаются разные числа, выражающие длину предмета (ребенок получает представление о происхождении числа). Измерьте длину спинки стула боковой стороной спичечного коробка, а длину стола — стороной тетрадного листка. Проделав такую

Наблюдения учителя

Петя и время

Диалог

До начала родительского собрания оставалось еще минут двадцать, и папы и мамы, с трудом втиснувшись за ученические парты, коротали время в разговорах.

— Мой Петя, поверите ли, сидит за уроками по три-четыре часа. Такой прилежный, такой трудолюбивый. Даже неловко об этом говорить — словно хвалишься. Но приходите, сами убедитесь. Если бы это старание сохранилось у него до десятого класса!

— А в Уставе школы сказано, что во втором классе на домашние уроки надо тратить не больше полутора часов. Но как же за это время управиться? Задания такие сложные...

— Что ни говорите, а нынешние программы действительно не те, что были в нашу пору. Нашим детям вечно не хватает времени все как следует выучить...

Первое размышление о времени

Мерилом продуктивности всякого труда было и неизбежно остается рабочее время. Умелое его расходование, борьба за сокращение его затрат является одним из главных путей повышения производительности труда.

И школа здесь — не исключение: борьба за время идет и в классе, на уроке. И перемены в программах, в методике учительского труда во многом обусловлены именно стремлением сделать каждый час школьной работы максимально насыщенным.

Умению хорошо использовать каждую минуту, каждую секунду мы должны учить ребят уже на школьной скамье. Основоположник внедрения принципов научной организации труда в СССР П. М. Керженцев еще в тридцатые годы писал:

«Работа над чувством времени

операцию, ребенок убеждается, что в подобных случаях нельзя сравнивать длину предметов; нужно ведь измерять одинаковыми мерками.

Произведя с ребенком измерения, обратите его внимание на то, что иногда при измерении остается «кусочек» длины, для которого выбранная мерка слишком велика. Для того чтобы результат измерений был точным, нужно как-то умудриться измерить и оставшийся кусочек. Наверно, нужно воспользоваться какой-то новой меркой, поменьше. Но это опять рождает проблему, которую ребенок должен осознать и решить: ведь это очень неудобно — измерять одну длину разными мерками, нужно, значит, попытаться выразить одну мерку через другую. Нужно измерить теперь новой, маленькой меркой и прежнюю, большую, и остаток, который получился. Таким образом, пользуясь новой меркой, можно установить, что остаток — это определенная часть первой мерки. Поэтому вся измеряемая длина может быть выражена в единицах первой мерки, например: длина содержит три и еще одну четверть принятой мерки.

Когда дети усвоят, что мерка может выбираться произвольно, познакомьте их с общепринятыми измерительными эталонами, научите ими пользоваться.

Кстати, в итоге такой работы для ребенка становится более осмысленным и понятным и сравнение дробей с разными знаменателями. Теперь он легко осознает, что сравнивать такие дроби можно, только приведя их к общему знаменателю, то есть выразив величины как бы одной меркой. Действия с дробями тоже становятся более понятными: ведь чтобы складывать и вычитать дроби, их тоже нужно приводить к общему знаменателю, то есть опять сделать так, чтобы величины были выражены одинаковой меркой. Понятие об измере-

нии и мерке позволило детям овладеть общим способом действий с дробными числами, дало возможность контролировать собственные действия и, следовательно, самостоятельно и успешно выполнять математические операции с дробями.

Когда у ребенка удается сформировать самоконтроль и умение оценивать свою деятельность, можно считать, что он уже готов к тому, чтобы без помощи взрослых готовить домашние задания. Однако, проверяя приготовленные домашние задания, вы можете еще раз проследить, точен ли, верен ли детский контроль, насколько самостоятелен школьник в данном виде деятельности. Но не спешите заглядывать в тетради: поинтересуйтесь сначала у ребенка, что за задания он выполнял, чему они должны были научить его, каким способом он их делал, какие возникали трудности, проверил ли он сам свою работу, все ли хорошо, какие недочеты он заметил, как их исправил. Приучите детей не бояться ошибок, не старайтесь сразу же сами исправлять их или указывать на них ребенку. Вместе с ним проверьте работу еще раз и подведите его к тому, чтоб он сам нашел свою ошибку и установил путь ее исправления.

И последний совет — в повторение сказанного вначале — не упускайте времени! Не думайте про первоклассника, второклассника: «Куда ему быть самостоятельным, даже и со своими тетрадками! Еще мал!» Нет, именно в первую школьную пору и самое время развивать это качество, здесь это особенно легко. А позже будет труднее.

*Е. Адлер,
научный сотрудник
Института
общей и педагогической
психологии
АПН СССР*

должна войти как необходимый элемент во все наши школы. Так же, как мы должны приучать к развиту глазомера, быстроты, наблюдательности, мы должны приучать к чувству времени... Чувство времени может быть более всего воспитано как раз при определении минут и даже секунд».

Комментарии, наблюдения и монолог

А теперь мы в гостях у Пети (помните о приглашении его мамы?).

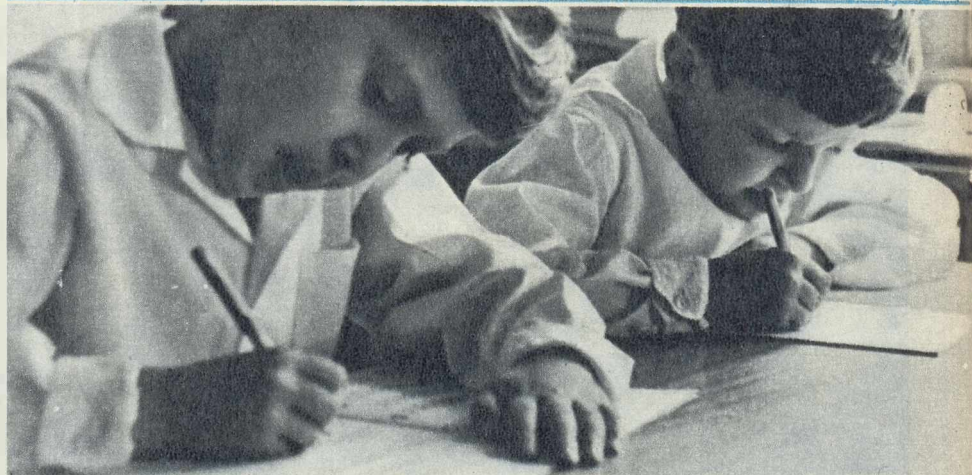
Стрелка часов приблизилась к отметке «четыре».

Комментарии Петиней мамы: «Вот хлопнула входная дверь, это сын возвратился. Он у нас молодец, он уже знает, раз «четыре» — прогулке конец!»

Давайте понаблюдаем, как пойдет дело, тем более что Петя уже занял свое рабочее место...

Наши наблюдения: и действительно, ученик сидит за столом, он уже работает... Хотя, пожалуй, еще нет.

Вот ему понадобилась промокашка, потом оказалось, что куда-то «спрятались» циркуль и карандаш, а тут, одно к одному, обнаружилось, что нужной записи в дневнике нет, пришлось по телефону уточнить у приятеля, что же к завтрашнему дню сделать по математике, да и сам учебник математики вдруг оказался

не в портфеле, а в нижнем ящике стола...

А секунды бегут, уже не секунды, а минуты — две, пять, семь...

Но вот, кажется, все найдено, точно, приготовлено, ученик углубился в работу...

Монолог Пети: «Итак, что же там в условии задачи говорится?.. Хотя, минуточку, нужно попить воды, да и, если говорить откровенно, что-то уже расхотелось заниматься математикой. Но нужно, нужно. Вот листик бумаги для черновика найду и начну...»

А секундная стрелка все кружит и кружит по циферблату, отсчитывая минуту за минутой — семь, десять, тринадцать...

Немного статистики

Мы занимались хронометрированием времени домашней работы учащихся.

Как показал хронометраж, в 1971—1972 учебном году учащиеся выполняли домашнее задание за (данные приводятся в процентах):

	1-й класс	2-й класс	3-й класс
3 часа	1	—	5
2,5 часа	9	7	16
2 часа	18	33	42
1,5 часа	42	42	33
1 час	24	16	4
45 минут	6	2	—

В одном из официальных документов Министерства просвещения констатируется тот же факт: «Первоклассники... нередко затрачивают на подготовку уроков от 1,5 до 3 часов в день».

Что же, правы родители, жалующиеся на перегрузку и сложность новых программ?

Но помнится, и во времена прежних программ эти жалобы звучали не так уж редко. В том ли причи-

на, что «много задают»? Не найдем ли мы ответ в наблюдениях за Петей?

Сколько на раскачку?

Вот теперь он, кажется, уже настояющему приступит к работе. Смотрим на часы — 21 минута пятого... Исключение?

В том-то и дело, что не исключение, а самое что ни на есть правило.

Хронометраж утверждает: фактически включаются в работу через 5 минут после ее начала 26 процентов второклассников, через 10 минут — 41 процент, через 15 минут — 26 процентов, через 20 минут — 7 процентов.

А ведь здесь учтены только средние, наиболее типичные случаи.

Еще древние мудрецы утверждали: «Начало — половина целого».

Рациональная организация начала всякой работы — важный элемент ее успеха. И здесь, как и во всяком деле, недопустимы крайности.

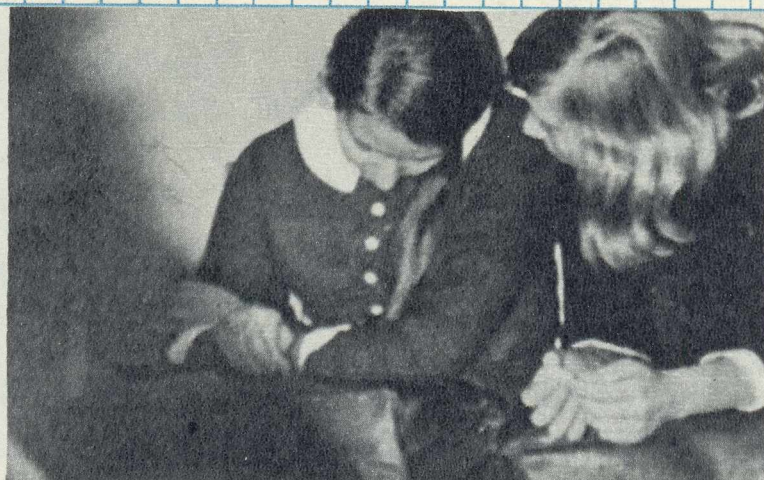
Начиная работу, ученику следует входить в нее постепенно, без излишней скоропалительности и торопливости. «Галоп с места» может лишь привести к ошибкам и быстрому утомлению.

В то же время слишком долгая «раскачка» грозит не только прямой потерей времени, но и своеобразной внутренней демобилизацией; первоначальная готовность к работе за эти минуты растрачивается. Как этого избежать?

Нужно показать школьнику наиболее рациональную последовательность действий в начале работы. Вот как она определена в «Памятке», которую мы предлагаем ребятам:

- 1) Садись за выполнение уроков строго в одно и то же время.
- 2) Проветри комнату.
- 3) Выключи радио или телевизор. В твоей комнате должно быть тихо.
- 4) Сотри со стола пыль. Смени, ес-

ли необходимо, загрязненный лист бумаги.

5) Проверь, на своем ли месте настольная лампа (дальний левый угол).

6) Уточни расписание уроков на завтра. Проверь, все ли задания записаны в дневнике.

7) Приготовь ручку и чернила, карандаши, линейку, циркуль и другие предметы, необходимые для выполнения уроков.

8) Учебники, тетради и все необходимые для работы принадлежности разложи на их постоянные места (ближний левый угол и центр стола).

9) А теперь убери все лишнее.

10) Пришло время приняться за уроки. Сядь удобно на стуле, расстегни воротничок, если он давит шею. Открой учебник...

Конечно, задача не в том, чтобы дети запомнили эту «Памятку», затвердили ее в готовом виде.

Нужно постепенно — в школе и дома — показать им, что целесообразна именно такая последовательность действий, добиваясь того, чтобы каждый из обозначенных пунктов стал приобретением собственного опыта ученика. Только на этой основе знание этих правил превратится в умение.

Наблюдения (продолжение)

Итак, Петя открыл учебник, углубился в его содержание...

Продолжим наши наблюдения.

Чем в течение двух с лишним часов был занят Петя, кроме приготовления уроков?

Петя

— дважды вставал из-за стола и ходил на кухню пить воду;

— один раз включал телевизор, чтобы узнать, не началась ли передача мультфильма «Ну, погоди!..»;

— дважды, отрываясь от работы, прислушивался к разговорам взрос-

лых в соседней комнате;

— один раз доставал из ящика стола альбом с марками и листал его.

А секундная стрелка все кружит по циферблату, бесстрастно фиксируя всевозможные «отвлечения» — десять минут, пятнадцать, двадцать.

Наблюдения показали: у школьников первого класса «отвлечения» при домашней работе составляют от 7 (15 процентов от числа обследованных) до 30 минут (45 процентов от общего числа детей).

Во вторых и третьих классах продолжительность «отвлечений» несколько снижается, но и здесь у большинства (до 90 процентов!) школьников она еще составляет не менее 10 минут.

Но ведь дело не только в очевидных «отвлечениях», когда ученик прерывает работу; сама работа его может протекать с большей или меньшей пользой. А большей она будет, если школьнику указать, что и как надо делать.

Вот как сформулированы эти указания в «Памятке» для домашней работы по русскому языку:

1) Проверь, на месте ли орфографический словарь (дальний правый угол стола). Возможно, словарь будет нужен тебе сегодня.

2) Открой учебник. Найди и внимательно прочитай нужное грамматическое правило.

3) Как только хорошо усвоишь правило, начинай выполнять упражнение.

4) Напиши на странице тетради дату и номер упражнения.

5) Внимательно прочитай указания к выполнению упражнения (перед началом текста и в конце его). Изучи образец выполнения упражнения (если он дается), обрати внимание на слова для справок.

6) Вспомни советы учителя, как нужно выполнять это упражнение.

7) Учись, переписывая в тетрадь

текст из учебника, не заглядывая в учебник каждую секунду. Сначала внимательно прочитай предложение, потом, не глядя в книгу, повтори его. Посмотри, верно ли запомнил. Потом перепиши предложение в тетрадь.

8) Когда исполнишь все упражнение, перечитай его. Проверь, правильно ли выполнено упражнение, нет ли ошибок. Если нашел ошибку, не пиши на одной букве другую, но аккуратно зачеркни кривой линией неправильно написанную букву и вместо нее надпиши сверху нужную букву. Если тебе нужно заменить слово или часть предложения, то в таком случае написанное необходимо зачеркнуть тонкой линией.

9) Подчеркивай нужное слово или предложение хорошо заостренным карандашом, используя линейку...

Ни отдых, ни работа

Второй час на исходе, а Петя все еще за столом.

Вроде бы все уже сделано, а вставать из-за стола что-то не хочется. Бесцельно переключаются с места на место тетради и учебники, ученик зеваёт и потягивается... Спешить-то некуда, уроки сделаны...

И так более десяти минут — ни отдых, ни работа.

А Петина мама уверена — ее сын занимается, она прибавляет эти десять минут к общему времени его труда.

Хронометраж подтверждает: во втором классе нерационально тратят время в конце работы более 5 минут — 66 процентов учащихся, более 10 минут — 22 процента, более 15 минут — 5 процентов, более 20 минут — 7 процентов.

Итак, подведем итоги.

Всякая работа, в том числе и подготовка домашних заданий, состоит из определенных операций.

Мы рассмотрели только три опера-

ции и нашли в каждой из них серьезные источники утечки времени: в начале занятий ученики младших классов обычно теряют от 5 до 20 минут;

— из-за отвлечений во время работы — от 7 до 30 минут;

— в конце работы — от 5 до 20 минут.

Всего нерационально расходовано времени — от 17 до 70 минут.

Итак, около половины времени домашних занятий школьник, как оказалось, растрчивает впустую. В первом классе этот показатель немного больше, в третьем — меньше.

Петя — если верить хронометражу — сегодня работал 2 часа 10 минут. («...Это ли не доказательство реально существующей перегрузки! Если уж наш Петя — такой старательный...»).

Фактически же он был занят работой 87 минут, то есть чуть меньше нормы, определенной Уставом школы.

Заключение

Мы понимаем, что нельзя требовать от школьника ни одной секунды промедления. Какое-то время неизбежно уйдет и на то, чтобы «раскачаться», и на то, чтобы переключиться с одного вида занятий на другой, и на короткие передышки...

Но если каждый раз приготовление уроков превращать в долгое сидение и едва ли не половину времени при этом растрчивать попусту, конечно же, человеку некогда будет ни погулять, ни почитать...

*П. Мазур,
заместитель директора
18-й средней школы
г. Жданов*

Один на один с учебником

Качество подготовки домашних уроков во многом зависит от умения школьников работать с учебником. А что такое умение работать с учебником, с книгой? Из каких компонентов складывается это сложное умение?

Программа начальной школы предусматривает формирование следующих приемов работы с учебником: пересказ, выделение главной мысли, составление плана, ответы на вопросы.

Не обсуждая сейчас вопроса, исчерпывается ли этими приемами умение работать с книгой, мы решили проверить, владеют ли учащиеся средней школы этими приемами и используют ли их при подготовке домашних уроков.

Обследованием было охвачено 538 учащихся 4—10-го классов разных школ.

Специально составленное задание включало в себя следующие виды работ:

1. Выделение главной мысли параграфа учебника.
2. Составление к нему плана.
3. Ответы на вопросы к параграфу.
4. Краткий пересказ его содержания.

Из 538 школьников только 55 (11,2 процента) справились со всеми заданиями, 123 человека не справились ни с одним из заданий.

Полученные данные показали, что ребята явно недостаточно владеют предлагаемыми программой приемами работы с книгой. К сожалению, и учителя не всегда имеют точное представление о том, как здесь обстоит дело.

Мы сопоставили результаты анкетирования учителей с результатами контрольных работ, проведенных в их классах. Учителя должны были ответить, могут ли учащиеся:

1. Выделить главную мысль.
2. Ответить на вопросы.

3. Составить план.

4. Дать краткий пересказ своими словами.

Учащиеся должны были все это проделать на конкретном материале.

Вот результаты проверки по одному из четвертых классов.

Учителя ответили, что главную мысль дети могут выделить, но не всегда (в классе с этим заданием справилось 70 процентов учащихся); ответить на вопросы могут (справилось 70 процентов); план составить могут (справилось 56 процентов); дать краткий пересказ могут (справилось 29 процентов).

Этот класс не является каким-то досадным исключением среди других, принимавших участие в проверке (всего 19 классов разных московских школ). Уровень успеваемости в нем можно считать вполне благополучным; работа учителей в целом не может вызвать нареканий. Да и материал по другим классам дает основание сделать тот же вывод: учителя несколько переоценивают уровень развития этих учебных навыков. Видимо, дело в том, что сами ответы ребят в классе далеко не всегда дают возможность судить, как проходила работа дома.

Мы попытались далее проследить, используют ли интересующие нас приемы те учащиеся, которые ими владеют (те, кто справился с предложенным заданием). Мы попросили их написать самоотчет о том, как они готовят устные уроки по учебнику.

Результаты самоотчета показали, что только один учащийся использует все указанные приемы, а 32 не используют ни одного из них.

Как же эти дети учат уроки? Ответ на этот вопрос можно найти в самоотчетах: часть детей просто ограничивается чтением, другие многократно читают и пересказывают, причем этот пересказ представляет собой добросовестное текстовое выучивание — «зубрежку».

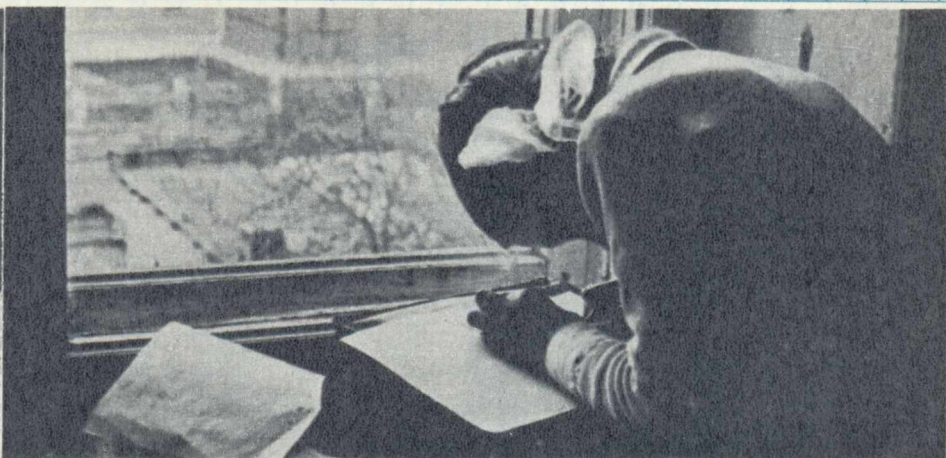
Приводим высказывания детей. «Я учу так параграф: сначала читаю 5 раз, потом закрываю учебник и что запомню, то и рассказываю себе и снова читаю 5 раз, потом меня проверяет папа» (Оля К., 4-й класс).

«Читаю весь параграф, затем рассказываю без папки, если не запомню, читаю еще раз и так до тех пор, пока не запомню» (Николай Ш., 5-й класс).

Итак, анализ самоотчетов показал, что большинство школьников или совсем не пользуются указанными приемами работы с книгой или пользуются только частью из них.

Почему же при подготовке домашних уроков школьники не использу-

ют даже те приемы работы с книгой, которыми они владеют?

Первая причина связана с тем, что некоторые дети, обладающие хорошей памятью, считают использование различных приемов работы с книгой обременительным для себя занятием, не приносящим никакой пользы.

Приводим выдержки из протокола беседы с учеником 4-го класса Максимом Б.

- Составь план этого отрывка.
- Как в изложении?
- Как в изложении или как умеешь.
- Нет, это слишком длинно для изложения.
- Я же прошу устно.
- Все равно... А зачем?
- Чтобы хорошо рассказать раз-дел.
- У-у-у... И так расскажу. Перебьюсь без плана.
- Но с планом лучше.
- Нет, работы лишней много.
- Как ты работаешь с учебником, чтобы выучить урок?
- Никак не работаю.
- Но ведь тебе надо ответить урок в школе?
- Я отвечаю.
- Если ты не работаешь с учебником, то откуда ты знаешь урок?
- Почему? Я читаю.
- Значит, работаешь.
- Да? Ну ладно.
- Как ты запоминаешь материал?
- Читаю.
- Как ты читаешь, чтобы запомнить?
- Просто читаю.
- Как ты припоминаешь текст, когда рассказываешь?
- Я все помню. Где что написано. Вообще все. Рассказываю и представляю себе. Прямо представляю строчки.
- Но пройдет время, и ты строчки забудешь.
- Не забываю, однако. Хотите

расскажу? Что рассказать? Могу про степь, могу про Кавказ, могу про грызунов, могу про человеческий организм. У меня такая память».

Сам школьник хорошо объяснил, почему он не пользуется никакими приемами, а просто читает: «У меня такая память».

Итак, первая причина в том, что школьники считают: для подготовки к уроку вполне достаточно только чтения учебника.

Особенно интересной представляется на наш взгляд, вторая причина. Выяснилось, что часть школьников не воспринимает те конкретные умения, которыми они владеют (пересказ, план, ответы на вопросы и т. д.), как способы работы с книгой.

Приводим выдержки из протоколов нескольких бесед.

«— Вас в школе учили когда-нибудь готовить уроки по книге?

— Никогда!

— А планы вы когда-нибудь составляли?

— Каждый день».

(Маша Ф., 5-й класс).

«— Скажи, Саша, вас учили когда-нибудь в школе готовить уроки по учебнику?

— Не помню. Наверное, нет.

— А планы вы составляете?

— К учебнику — нет.

— А не к учебнику?

— Иногда.

— А на вопросы отвечать вас учили?

— Да.

— Помогают тебе планы, вопросы к параграфу готовить уроки по учебнику?

— Не знаю.

— А ты пользуешься ими при подготовке уроков?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я никогда не думал, что это приемы работы с учебником, нам никогда не говорили, что это приемы работы с учебником».

(Саша П., 9-й класс).

Трудно себе представить такую ситуацию, при которой человек, держа в руках ножницы, ищет бы, чем ему разрезать бумагу, так как он не знает, что ножницы режут бумагу. Между тем нечто похожее происходит с некоторыми детьми при подготовке домашних уроков. Они усвоили и могут воспроизвести по требованию учителя те приемы работы с текстом, которым их обучают в школе. Воспроизвести, но не более. К домашней работе с книгой это словно бы не имеет отношения: здесь школьник сам ищет и выбирает разные способы подготовки уроков.

Естественно, напрашивается вывод: если ребенок не может объединить эти два вида работы в своем сознании, нужно ему помочь.

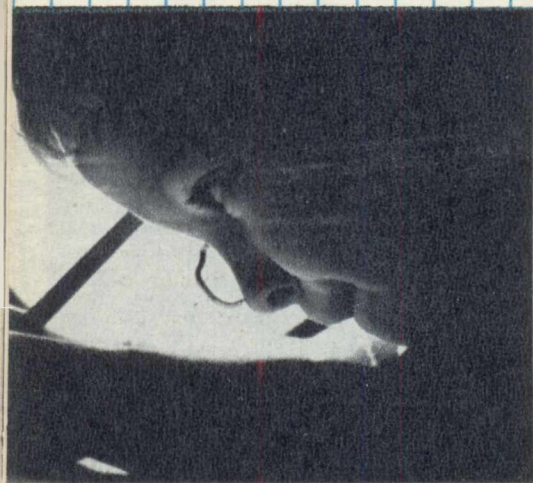
Ребенка нужно прежде всего научить сознавать те приемы работы с книгой, которыми он пользуется. Кстати, можно предположить, что в самоотчетах дети иногда не называли некоторые приемы не потому, что они ими не пользуются, а потому, что не осознают, как именно они работают и, тем более, не могут об этом рассказать.

Такая неосознанность учебной работы нередко ведет к тому, что и освоенными приемами школьник пользуется лишь в пределах одного учебного предмета.

Например, из бесед с учителями мы узнаем, что на уроке истории детей обучают составлению плана или ответов на вопросы, и этими приемами они пользуются при подготовке уроков по истории, но, работая с учебником географии, учащиеся игнорируют их.

В чем же может выражаться здесь конкретная помощь взрослых детям? Да хотя бы в способе контроля. Известно, что и родители, и учителя, проверяя работу ребенка, интересуются главным образом ее конечным продуктом: усвоенными знаниями,

иногда умениями. Если же мы хотим помочь ребенку осознать его деятельность, то нужно контролировать и те приемы работы, которые он применял. Здесь особенно важна помощь родителей. Ведь работа с учебником — это в основном работа дома; постоянное наблюдение за ней недоступно учителю и вполне доступно родителям.

Вопросы: «А как ты учил материал? Какими приемами работы с книгой пользовался?» — могут стать традиционными и в школе, и дома. Сам факт, что учитель оценивает не только знания, но и рациональность использованных приемов может стать стимулом к тому, чтобы школьник каждый раз задумывался, какой именно способ работы лучше всего подходит для данного материала.

Кроме того, при таком способе контроля ребенок видит конечный результат своего труда не только в оценке и даже не только в знаниях, но и в поиске путей к этим знаниям. Иными словами, предметом усвоения становится не только знание, но и умение учиться. А ведь именно в этом — в формировании у школьника рациональных навыков самостоятельного умственного труда — одна из важных, итоговых целей образования.

Мы обнаружили, что школьники, описывая свою работу с учебником, указывают, кроме перечисленных, еще целый ряд приемов, ими самостоятельно открытых.

«Читая дома параграф по историн, одновременно в уме пересказываю его. После этого я еще раз просматриваю параграф с тем, чтобы запомнить даты событий. Иногда я их выписываю и выучиваю» (Маша Ф., 5-й класс).

В беседе Маша объяснила, что она имеет в виду, говоря: «одновременно в уме пересказываю его». По словам Маши, это значит, что она в прочитанном «отжимает суть

и старается сразу представить себе то, что она читает». О работе воображения при подготовке уроков говорят и другие.

«Я долго сижу над учебником. Наверное, это потому, что я пытаюсь одухотворить правила и законы, представить их в виде образа» (Андрей О., 9-й класс).

«При первом чтении я подчеркиваю главные мысли, потом читаю подчеркнутые слова и предложения и по ним рассказываю параграф» (Оля Б., 9-й класс).

«Физику я учу очень серьезно. Читая, стараюсь глубоко проникнуть в суть вопроса (подчеркнуто ученицей), придираюсь к каждой фразе. После этого объясняю все сама» (Ира Ф., 8-й класс).

«Основное внимание обращаю на определения, выводы и формулы. Читаю не вслух, не пересказываю, но стараюсь все внимание сосредоточить на изучаемом, стараюсь понять и объяснить это себе по-иному. В основном читаю по одному разу, чтобы не сбивались мысли» (Женя С., 8-й класс).

Наиболее развернуто использование собственных приемов работы с книгой описано в отчете Саши Г. (8-й класс).

«Как я учу устные уроки по учебнику? Я их не учу. Я просто слушаю на уроке, а когда не слушаю, то просто читаю. Но когда меня грозятся спросить, я читаю внимательно, так, чтобы во время чтения вдумываться в то, о чем читаешь. Думаешь, как это потом рассказывать, представляешь себе тот или иной опыт, явление (физика), придумываешь примеры (русский), вспоминаешь о том, что уже знаешь. Затем снова просматриваю, выбирая главные пункты, вокруг которых можно распространяться. Я считаю, что каждый параграф в учебнике состоит как бы из секций, в каждой из которых есть ядро и всякие вы-

воды, объяснение и вообще всякие авторские словечки, делающие рассказ связным. Так вот я отыскиваю ядро, запоминаю их последовательность, а затем по ходу додумываю сам все остальное, припоминая о том, что читал в книге. Потом, глядя в книгу, намечаю примерный план рассказа и иду рассказывать папе или маме».

Самоотчет Саши показывает, что он старается включить новые знания в систему имеющихся («вспоминать о том, что уже знаешь об этом»), применять знания на практике («придумывать примеры самому»), составляет логическую схему рассказа («я отыскиваю ядро, запоминаю их последовательность»), подключает к работе воображение («представляет тот или иной опыт»), испытывает необходимость в контроле («иду рассказывать папе или маме»).

Мы останавливаемся лишь на основных описанных Сашей приемах. Его слова о том, что «читать внимательно, значит, вдумываться в то, о чем читаешь, думать, как это потом рассказать», говорят еще о целом ряде приемов, используемых им.

К сожалению, большинство ребят, как показывает исследование, все еще работают с книгой самым малоэффективным способом: просто многократно перечитывая текст. Это тем более огорчительно, что школьникам, по сути, знакомы и иные приемы работы (составление плана, выделение сути материала и т. д.); они пользуются ими при подготовке к сочинениям, на занятиях в классе. Следовательно, задача не только в том, чтобы сформировать у школьника рациональные приемы учебного труда, но и в том, чтобы показать ему, как наилучшим образом использовать то, что уже есть в его «умственном арсенале». Обе эти цели вполне достижимы, если мы будем последовательно, постоянно показывать школьнику: важно осознанно относиться не только к тому, что он учит, но и как он учится.

Л. Концевая,
научный сотрудник
Института
общей и педагогической психологии
АПН СССР

Не хочет учиться...

Конечно, прямо, в открытую это «не хочу учиться», пожалуй, не услышишь. Но оно проявляется в пассивности на уроках, в уклонении от домашней работы, едва контроль взрослых ослаб. Причин тому может быть много. Назовем наиболее типичные — с двумя оговорками: во-первых, не следует принимать порядок перечисления за порядок важности; во-вторых, не надо упускать из виду, что причины эти могут действовать не раздельно, не поодиночке, а в сочетании, в сплетении.

1. Плохие отношения с учителем. Школьник не любит учительницу, не надеется на справедливое отношение к себе. Чаще всего это бывает у энергичных и властных педагогов, склонных к приказам и строгостям. Не думайте, что такие педагоги плохи! Дело не столько в личности или стиле работы учителя, сколько в резком расхождении со стилем семьи: дома ребенка лелеяли, мирволили ему, в классе же — неукоснительная строгость и требовательность. Можно, как делают, увы, многие родители, начать войну против «несправедливого» отношения к ребенку. Но стоит ли? Как правило, первой жертвой такой «войны» оказывается сам ребенок, терзаемый противоречивыми требованиями и оценками. Как быть? Совет один: помогая в подготовке уроков, показывать не только мягкость и сочувствие, но и, когда надо, такую же неукоснительную требовательность, что и в классе. Если ни у папы, ни у мамы не хватает на это характера или умения, хорош иной путь: постоянно ободрять ребенка, поощрять его старания в работе дома. «Хорошо потрудился, все сделал! Молодец! Не столь уж важно, какую отметку поставят. Главное, что ты работал на совесть!» И, конечно, нужно добиваться взаимопонимания с учительницей.

2. Нередко бывает, что «не хо-

чет» в школьных делах рождается от «не может». И учительница внимательная, готовая поддержать каждый шаг вперед, и дома все условия для учения созданы, а не привык ребенок к усидчивому труду, не тверды навыки чтения, и вот — «не тянет». В школе ему редко достаются радости, а чаще — огорчения в виде двоек. Так и идет: нет успехов — нет усердия. Нет усердия — нет и успехов...

Здесь тактика, похожая на предвзвешенную, но поощрять надо не только старание и прилежание, а искать самые маленькие реальные успехи, продвижение вперед. Раньше делал по 10 ошибок в диктанте, сейчас по 6—7. Двойка все едино, но отметить шаг вперед необходимо и дома, и в классе. Учителя обычно не забывают это сделать, а вот в семье нередко смотрят проще: приноси хорошие отметки, и все тут. Не приносишь хороших — значит лодырь...

3. Самая заурядная лень — тоже причина. Просто человек любит играть, развлекаться и не любит трудиться. Долгий, сложный, но неизбежный путь этой борьбы — трудовое воспитание в семье. О многих тонкостях этого пути написано для родителей немало статей и брошюр, пока же напомним самую суть: сначала приучить ребенка к ручной домашней работе, а потом — к умственной учебной домашней работе.

Бывает и «частичная лень»: ребенок охотно принимается за уроки, но скоро устает. Обычно так получается с живыми, непоседливыми девочками и мальчиками (и в школе у них бывают нелады с дисциплиной). В таких случаях главная линия родителей — приучить делать перерывы в умственной работе через каждые 20—30 минут (лучше всего на 5—10 минут, и заполнять это время гимнастикой, либо любой ручной работой по дому). А уж постепенно прививать ребенку умение отдыхать,

меняя занятия. Кстати, и здесь немалую помощь может оказать ручной труд.

Бывает так, что ребенок не привык ничего делать сам, без поощрений и контроля старших. Верней бы сказать — ребенка старшие приучили к умственной пассивности.

Каждому ясно, что для старших остается единственный путь — исправлять свои же огрехи, приучать ребенка к самостоятельности и самоконтролю.

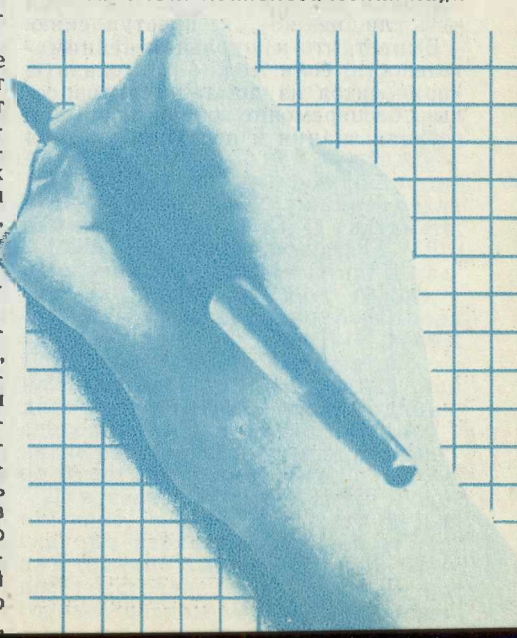
Тяжелая задача, как и всякое перевоспитание. Главные пути: давать всевозможные задания и проверять выполнение к положенному сроку, оставив ребенка полностью свободным на время выполнения. Не оставлять без порицания за невыполнение и поощрять за успехи!

Конечно, для начала надо прикинуть, посилено ли самостоятельное задание (дать то, что уже знакомо, что делал ребенок вместе со старшими). Конечно, надо подсказывать, как лучше сделать, как проверить себя, но... в промежуток между двумя заданиями, а не тогда, когда задание получено — тут вам надо «отойти в сторону».

Другой путь воспитания самостоятельности в умственном труде — корректурные задания (когда ребенку дают, например, неправильно решенные примеры вместе с правильно решенными, а он должен проверить, верно ли решение каждого примера). Это легче и интересней для ученика, но трудней для взрослых: ведь надо самим сочинить и написать все, что дадите для такого упражнения.

Ф. Ипполитов,

кандидат психологических наук

Отвлекается...

И в результате — либо подолгу сидит над заданием, не в силах сосредоточиться, и еле-еле доводит дело до конца, либо по невнимательности делает ошибки, которых, по его собственному признанию, могло и не быть.

Такого рода жалобы часто можно слышать от родителей, порою и от учителей. Все же в школе «отвлекаемость», как правило, реже. И не только потому, что педагог вовремя вернет замечтавшегося «к действительности». Коллективная работа помогает сосредоточиться. Существует определенное, единое для всех, время на работу, опасность отстать от других и оказаться в хвосте самоочевидна. Кроме того, школьник во многом самостоятелен: учитель вмешивается лишь в тех случаях, если видит, что ученик занят явно не тем или мешает другим. Дома нередко бывает иначе. Существуют две крайности в отношении родителей к занятиям ребенка. Это или чрезмерная опека, лишаящая ученика всякой самостоятельности, отупляющая и изнурительная, поскольку возможностями школьника, его умения и навыки, что работа оценивается лишь по результатам, а к ошибкам ребенка порою относятся чуть ли не как к преступлению.

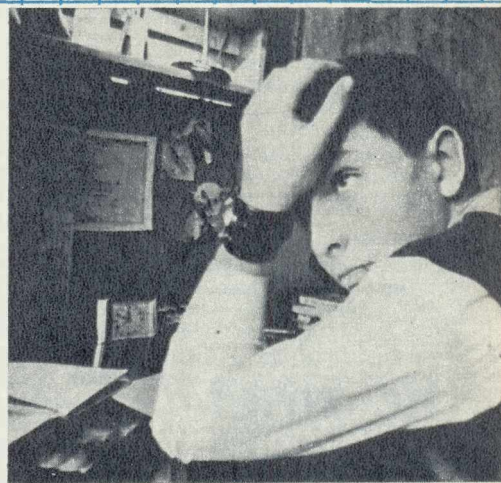
Бывает, что и школьная невнимательность, если можно так сказать, «приносится из дома». Если взрослые бесцеремонно обсуждают при ребенке знания и поступки учителя

или ненужность какого-либо предмета, вряд ли можно надеяться, что на этих уроках и у этого учителя он будет особенно внимателен. Если ребенок приходит в школу, взволнованный семейными неурядицами, если все его мысли заранее сосредоточены лишь на том, чтоб не получить двойку, за которую накажут дома, вряд ли можно надеяться снять эту напряженность дополнительным давлением извне. Спокойствие и уверенность в своих силах — вот непременное условие сосредоточенной работы.

«Отвлекается» и «невнимателен» — во многом однозначные слова. Точнее можно сказать так: и отвлекается школьник потому, что не умеет управлять своим вниманием, не умеет сосредоточить и удержать его. Для того чтобы развить у ребенка способность к управлению вниманием при выполнении предложенных ему задач, нужно упражняться с ним и в умении одновременно схватывать большое число предметов, скажем на картине или в витрине магазина (задачу «кто больше?» надо ставить заранее), и в умении сосредоточиться на чем-то одном (для этого ребенку подойдет такое задание — подчеркнуть какую-то букву в тексте; соревноваться здесь можно и на скорость, и на точность). Несколько разнообразив задачу и предложив ребенку вычеркивать букву «о» одним значком, а букву «к» другим, вы в том же задании потребуете распределение и переключаемость внимания. Задач такого типа можно придумать множество, важно лишь, чтобы они были занимательны, интересны для ребят. Со временем дети входят во вкус и начинают сами изобретать подобные задачи.

Такие игровые упражнения ценны тем, что здесь ребенка не приходится заставлять и понуждать. А приобретенные в них навыки и умения окажут неоценимую услугу при выполнении заданий в школе и дома. Привычное управление вниманием облегчит ребенку учебную задачу, сделает его более самостоятельным, устранив тем самым необходимость в неотрывном контроле взрослых.

Существенно важно, чтобы ребенок сидел за уроки в одно и то же время, чтобы его занятия не были непрерывным сидением, а включали в себя (опять-таки привычные для него) минуты отдыха. Во время перерыва ребенок освобождается от усталости, от утомления, вызванного однотипной работой.

При переходе от одних уроков к другим ребенку нужно время, чтобы переключить внимание. Иногда для этого достаточно 1–2 минут, которые уходят на то, чтобы убрать книжки и тетради, относящиеся к выполненному заданию, и приготовить все, что необходимо для нового, иногда перерыв должен быть более длительным (но это должен быть именно перерыв — для отдыха, а не «ни то, ни се»).

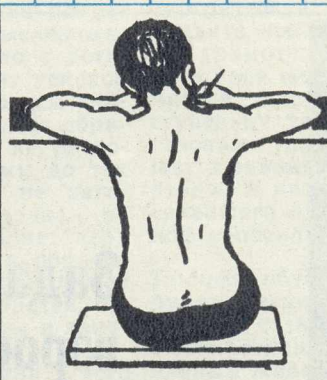
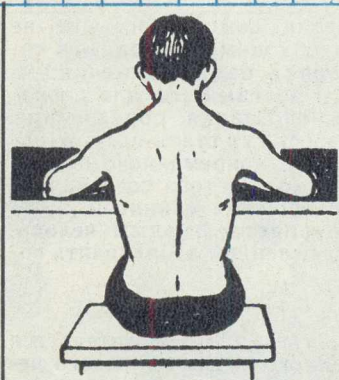
Надо еще помнить, что тем труднее удержать внимание на одном предмете или действии, чем сильнее и необычнее влияние других. Труднее сосредоточиться на книжной странице или на условии задачи, если в комнате освещение ярче, чем за письменным столом, если играют солнечные блики, звучит музыка, доносятся разговоры взрослых.

Контроль взрослых необходим, но он, безусловно, не должен быть непрерывным — иначе какой смысл школьнику следить за правильностью выполнения задания — ведь мама постоянно рядом. Да и невозможно контролировать себя, если внимание разывается между выполнением учебного задания и необходимостью следить за маминной реакцией. Что-то упустишь, сделаешь не так, как она сказала, — получишь нагоняй.

Проверить, умеет ли ребенок работать самостоятельно, нетрудно. Устройте маленький эксперимент: займитесь однажды каким-либо делом, не обращайтесь на него внимания, не заставляйте заниматься и посмотрите: что будет? Сможет сам сесть за уроки, сумеет их хорошо выполнить — значит, за него можно быть спокойным. Если же этого не произойдет, родители должны обдумать все дефекты поведения ребенка и собственные упущения в воспитании.

А. Осницкий,
кандидат психологических наук

Рабочее место

Условия труда школьника родители порою понимают слишком узко. Есть у школьника место за столом, в комнате тишина — чего же еще нужно? Между тем условия труда — это также и освещение, и окраска комнаты, микроклимат (температура, влажность), степень удобства рабочего места, его оборудование и рациональность рабочей позы. Все эти факторы могут либо благоприятствовать работоспособности, либо вызывать ее падение. Взаимосвязь их с уровнем работоспособности установлена точными многочисленными исследованиями физиологов и медиков.

Свет

Лучше всего, когда у школьника есть отдельная комната или свой уголок в общей комнате. В том и другом случае желательно, чтобы место его работы размещалось в той части комнаты, которая наилучшим образом освещена естественным светом.

От работы при плохом свете очень быстро устают глаза. Так, при освещенности, равной трети допустимой, острота зрения начинает снижаться уже после 45 минут чтения, письма или рисования. Если же света столько, сколько нужно, острота зрения у школьника и при более продолжительной работе остается на первоначальном уровне. Низкий уровень освещенности неудовлетворительно сказывается и на качестве труда. Так, по данным наших гигиенистов, количество безошибочных работ составило 74 процента при благоприятной освещенности и только 37 процентов при малой.

В комнате больше света, если стены оклеены светлыми обоями или покрашены красками светлых, теплых тонов и обставлена мебелью, при отделке которой сохранена естественная окраска дерева.

Кроме того, светлые стены и ме-

бель благоприятно влияют на общий эмоциональный настрой ребенка, создают предпосылки для высокой и устойчивой работоспособности.

Стол, за которым ребенок работает дома, следует поставить к окну, с тем чтобы свет падал слева от занимающегося. Если стол расположен параллельно окну, яркий солнечный свет, особенно в безоблачные дни, будет попадать в глаза ребенка, ослепляя его.

Не следует занавешивать окна сплошными занавесками и заставлять высокими цветами. Это загораживает свет, снижает освещенность рабочего места, препятствует проникновению солнечных лучей в глубину комнаты.

Со второй половины сентября и до конца апреля в утренние часы и во вторую половину дня, когда школьники обычно готовят уроки, естественная освещенность недостаточна — необходимо добавочное освещение рабочего места настольной лампой. Свет лампы также должен падать слева от работающего школьника. Электрическую лампочку в 40—60 ватт следует закрывать абажуром, чтобы не было теней и свет не бил в глаза.

Воздух

Работа в слишком теплой комнате влечет за собой быстрое утомление: это выражается в снижении внимания и памяти. Температура в комнате должна быть не выше 18—20°. Не забывайте о проветривании: ведь и работа, и отдых в душном помещении равно малоэффективны.

До начала занятий комната должна быть основательно проветрена — не менее 10—30 минут, в зависимости от температуры наружного воздуха. В перерывы, которые устраивает школьник при подготовке уроков, также проводится 2—10-минутное проветривание.

Оборудование

Правильная поза при домашних занятиях обеспечивается прежде всего подбором мебели по росту.

Но как бы ни была удобна мебель, длительное пребывание в одной и той же позе неизбежно оказывается более или менее утомительным (ведь и простое сохранение одного и того же положения тела само по себе является нагрузкой). Сидячая работа с наклоном над столом под углом 50—60 градусов сопряжена со значительной статической нагрузкой, она увеличивает энергетические затраты, требует усиленной работы сердца, изменяет характер дыхания.

Если ребенку все время напминают «сиди прямо», то через 20—25 минут он начнет жаловаться: «болит шея... заболела спина». И это не капризы: просто надо поменять позу.

Для занятий дома лучше всего подойдет специальная парта или учебный стол с изменяющейся высотой. Высота стола устанавливается по росту ребенка (при этих измерениях ребенок не должен снимать обувь). Высота над полом края стола, обращенного к ребенку, для детей ростом 110—119, 120—129, 130—139, 140—149 сантиметров соответственно — 52, 57, 62, 67, а высота стула над полом — 32, 35, 38, 41 сантиметр.

Если родители замечают, что школьник приближает книгу к глазам или низко опускает голову к тетради, то необходимо срочно обратиться с ним к главному врачу. Если он выпишет очки для работы или постоянного пользования или даст какие-то иные рекомендации, следовать им надо неукоснительно — иначе расстройство зрения неизбежно будет прогрессировать.

Для гигиены зрения имеет существенное значение расстояние от глаз до верхней и нижней строки на странице книги и тетради. Разное расстояние от этих строк при горизонтальном расположении кни-

Задание взрослым: обдумайте мысли В. А. Сухомлинского

ги утомляет глаз, так как он вынужден приспособляться, менять форму хрусталика, чтобы ясно различать текст. Наклон крышки стола, который предусматривается в конструкции специальной ученической парты или стола, облегчает работу зрения. Если же для занятий приспособляется обычный стол, то хорошо изготовить деревянную подставку с наклонной доской (под углом 12—15 градусов). Такая подставка облегчает работу глаз при рассматривании, рисовании, чтении и обеспечивает правильную посадку, что весьма важно для формирования осанки.

Для детей, имеющих стойкие нарушения осанки и сколиоз, рабочее место необходимо организовать в соответствии с рекомендациями врача.

Физиологами установлена связь между степенью развития тонких движений пальцев рук и созреванием центральной нервной системы, в первую очередь ускорением развития речи. Развитию тонких движений пальцев рук способствуют специальные упражнения (сгибание и разгибание пальцев), рисование, лепка, вырезание, наклеивание.

При обучении детей в семье различным трудовым навыкам следует помнить о том, что процесс окостенения фаланг пальцев у них не закончен, мелкие мышцы кистей рук далеко не развиты, а точная координация движения недостаточно выражена. Детям младшего школьного возраста трудно производить мелкие точные движения. Поэтому при оборудовании рабочего уголка ребенка родители должны приобрести соответствующий особенностям возраста инструментарий.

О. Лосева,
научный сотрудник
Института физиологии
детей и подростков
АПН СССР

У учителя, умеющего *воспитывать знаниями*, эти знания, приобретаемые учениками, выступают как инструмент, с помощью которого ученики сознательно осуществляют новые шаги в познании мира.

Перегрузка — понятие относительное. Материал непосилен в том случае, когда ученик не может осмыслить его по своим возрастным особенностям. Объем усваиваемого материала, посильного для данного возраста, может быть самым различным в зависимости от интеллектуальной жизни коллектива и личности. Даже самый незначительный скромный объем знаний становится для учеников непосильным, если беден, узок фон интеллектуальной жизни, на котором проходит учение.

Перегрузка же получается там, где умственный труд имеет односторонний характер: ученик только заучивает. Устранение перегрузки зависит не от механического уменьшения круга знаний, предусмотренных программой, а от содержания, характера интеллектуальной жизни ученика, от богатства интеллектуального фона, на котором проходит учение. Прежде чем услышать на уроке физики объяснение материала о строении атома, наш ученик уже начался увлекательных, интересных статей и заметок об элементарных частицах; пусть многое в этих статьях ему еще непонятно, это не ослабляет, а, напротив, усиливает его интерес к материалу, который изучается им на уроках.

Безделье на уроках, отсутствие умственного труда там, где он должен быть, — главная причина отсутствия свободного времени.

Все споры и размышления о том, как сделать обучение воспитывающим, будут беспредметными, пока в жи-

ни подростка самообразование не наберет необходимого веса. Без самообразования, без напряжения умственных и волевых сил для познания и самопознания образование, обучение не могут стать воспитывающими. Жизнь современного человека немыслима без того постоянного духовного общения с книгой, которое вдохновляется гордым человеческим стремлением возвеличить самого себя.

Умственный труд детей отличается от умственного труда взрослого человека. Для ребенка конечная цель овладения знаниями не может быть главным стимулом его умственных усилий, как у взрослого. Источник желания учиться — в самом характере детского умственного труда, в эмоциональной окраске мысли, в интеллектуальных переживаниях. Если этот источник иссякает, никакими приемами не заставишь ребенка сидеть за книгой.

Учеников, особенно в подростковом и юношеском возрасте, несколько не волнуют такие убедительные, с точки зрения учителя, доводы, как «надо учиться хорошо, надо выполнять свой ученический долг, ваш труд — это учение» и т. п. Подростки и юноши обо всем стремятся иметь свою, личную точку зрения, все взвесить и осмыслить.

К любому убеждению, а тем более к убеждению, что учиться надо хорошо, учащихся нужно подводить изподводь.

Сильное воздействие оказывает не прямое, а косвенное убеждение, когда личность педагога как бы отходит на задний план.

Ученик должен осмысливать приобретаемые знания как результат своего умственного труда...

Чем больше школьники овладевали навыками умственного труда, тем меньше выражали они *нежелание учиться*. За 12 лет мы столкнулись только с одним учеником, который злостно, преднамеренно не хотел выполнять заданий. У всех остальных нежелание трудиться было следствием неумения работать.

Нет и не может быть детей, которые бы не хотели учиться с самого начала учения. Неумение трудиться порождает нежелание, нежелание — лень. Каждое новое звено в этой цепи пороков становится все крепче и разрывать его все труднее. Главное средство предупреждения этих пороков — учить воспитанников самостоятельно трудиться в младшем возрасте.

Все наши замыслы, все поиски и построения превращаются в прах, если нет у ученика желания учиться. А оно приходит только с успехом в учении. Получается как будто бы парадокс: для того, чтобы ребенок успевал, хорошо учился, надо, чтобы он не отставал, учился хорошо. Но в этом кажущемся парадоксе и заключена вся сложность педагогического дела. Интерес к учению есть только там, где есть вдохновение, рождающееся от успеха; усидчивость я бы назвал вдохновением, помноженным на уверенность ребенка в том, что он достигнет успеха.

Учение может стать для детей интересным, увлекательным делом, если оно озаряется ярким светом мысли, чувств, творчества, красоты, игры. Моя забота об успехах в учебе начиналась с заботы о том, как питается и спит ребенок, каково его самочувствие, как он играет, сколько часов в течение дня бывает на свежем воздухе, какую книжку читает и какую сказку слушает, что рисует и как выражает в рисунке свои мысли и чувства, какие чувства пробуждают в его душе музыка природы и музыкальные мелодии, созданные народом и композиторами, какой любимый труд есть у ребенка, насколько чутко воспринимает радости и невзгоды людей, что он создал для других и какие чувства пережил в связи с этим.

Я всегда с большой тревогой думал о психозе погони за отличными отметками, — этот психоз рождается в семье и захватывает педагогов, ложится тяжелым бременем на юные души школьников, калечит их. У ребенка нет в данное время таких способностей, чтобы учиться на отлично, а родители требуют от него только пятерок, в крайнем случае мирятся с четверками, и несчастный школьник, получая тройки, чувствует себя чуть ли не преступником.

Напрасный, безрезультатный труд и для взрослого становится постылым, отупляющим, бессмысленным, а ведь мы же имеем дело с детьми. Если ребенок не видит успехов в своем труде, огонек жажды знаний гаснет, в детском сердце образуется льдинка, которую не растопить никакими стараниями до тех пор, пока огонек опять не загорится (а зажечь его вторично — ой как трудно!); ребенок теряет веру в свои силы, застегивается, образно говоря, на все пуговицы, становится настороженным, ошетинивается, отвечает дерзостью на советы и замечания учителя. Или еще хуже: чувство собственного достоинства у него притупляется, он свыкается с мыслью, что ни к чему не имеет способностей. Сердце охватывает гнев и возмущение, когда видишь такого равнодушного, безропотного ребенка, готового терпеливо слушать хоть целый час назидания учителя, абсолютно безразличного к словам товарищей: ты отстающий, ты останешься на второй год... Что может быть безразвестнее, чем подавить в человеке его чувство собственного достоинства!

Дети должны жить в мире красоты, игры, сказки, музыки, рисунка, фантазии, творчества. Этот мир должен окружать ребенка и тогда, когда мы хотим научить его читать и писать. Да, от того, как будет чувствовать себя ребенок, поднимаясь на первую ступеньку лестницы познания, что он будет переживать, зависит весь его дальнейший путь к знаниям. Просто страшно подумать, что эта ступенька становится для многих ма-

лышей камнем преткновения. Приглядитесь к жизни школы, и вы увидите, что именно в период обучения грамоте многие дети теряют веру в свои силы. Давайте же подниматься, дорогие коллеги, на эту ступеньку так, чтобы дети не чувствовали усталости. Чтобы каждый шаг к знаниям был гордым взлетом птицы, а не усталой ходьбой обесилевшего путника, изнемогающего под непосильной ношей за спиной.

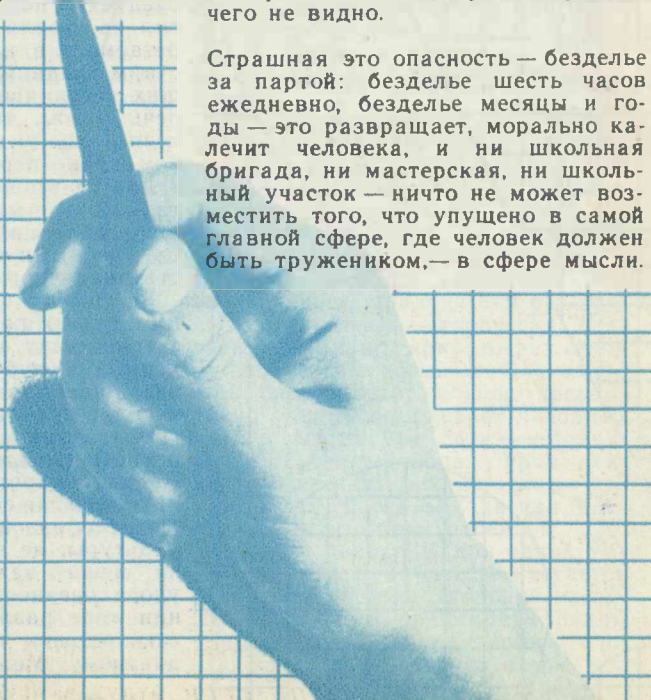
Процесс обучения письму и чтению будет легким при условии, если грамота станет для детей ярким, захватывающим куском жизни, наполненным живыми образами, звуками, мелодиями. То, что ребенок обязан запомнить, прежде всего должно быть интересным. Обучение грамоте надо тесно связывать с рисованием.

...Никогда умственные усилия не должны направляться *только* на закрепление в памяти, на заучивание. Прекращается осмысливание — прекращается и умственный труд, начинается отупляющая зубрежка.

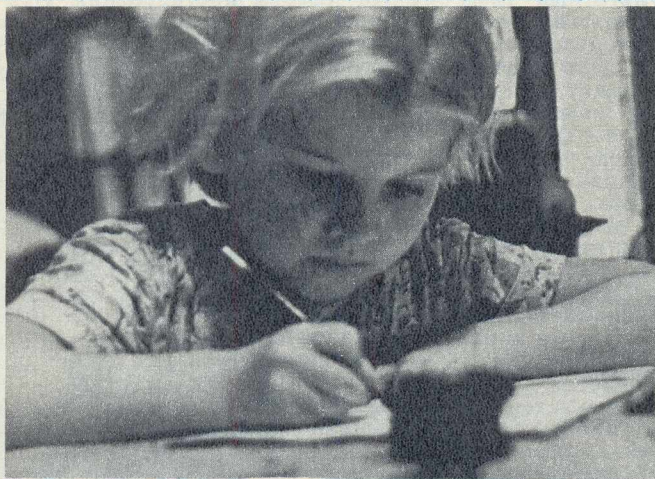
Зубрежка пагубно отражается на моральном облике воспитанника. Выполняя изо дня в день в течение многих лет эту тяжелую, но бессмысленную работу, ученик получает неправильное представление об умственном труде вообще, ненавидит учение. В конце концов он перестает трудиться.

Без высокой культуры чтения нет ни школы, ни подлинного умственного труда. Плохое чтение — как замазанное грязью окошко, через которое ничего не видно.

Страшная это опасность — безделье за партой: безделье шесть часов ежедневно, безделье месяцы и годы — это развращает, морально калечит человека, и ни школьная бригада, ни мастерская, ни школьный участок — ничто не может возместить того, что упущено в самой главной сфере, где человек должен быть тружеником, — в сфере мысли.

К читателям

Сегодня мы попытались рассказать вам, зачем существуют домашние задания, сколько и кому задают, что происходит в те часы, которые школьник проводит за рабочим столом, какие трудности здесь его ждут и чем мы можем облегчить их. Не упустим еще одного: домашняя часть ученья не кончается в ту минуту, когда закрыта последняя тетрадка. Книга и экран телевизора, творения техники, наполняющие сегодняшний мир и опыт собственных рук и ума, приобретаемый в любимых занятиях, все это — повседневные учителя наших детей. Их уроки — ежедневны и ежечасны; но следует подумать и о том, чтобы они не стояли в стороне от приобретаемого в классе, а органически с ним соединялись. В одной из наших сегодняшних публикаций шла речь о том, что ребята далеко не всегда еще умеют полученное на одном уроке переносить и применить в других уроках, в других предметах. Но эту мысль можно понять и шире, обратив ее на отношения между учебными и, так сказать, «собственноручно» добытыми знаниями.

Всегда ли школьник (а рядом с ним и мы) отмечает, как соотносятся между собой только что увиденный «Клуб кинопутешествий» и вчерашнее задание по географии, экскурсия в зоопарк и урок биологии, занятия марками — и познания по истории или той же географии? Радуюсь широте интересов, справедливо полагая ее существенным свойством образованности и духовной культуры, не забудем и о том, что не менее важное их свойство — упорядоченность знаний. В выражении «все разложено по полочкам» есть оттенок пренебрежения к педантизму. Между тем, полочки эти

необходимы в интеллектуальном хозяйстве каждого человека — они дают возможность надежнее и обдуманнее распоряжаться собственными духовными запасами. Эти «полочки» строит школа: именно она дает ребенку систему знаний, указывает их порядок и взаимодействие. Но добавим к школьным приобретениям и домашние: от этого только выиграешь. Знания, отысканные вне урока самостоятельными усилиями и интересами, сделают школьные формулы, правила, законы полнокровнее, живее, ощутимее: а эти формулы и правила, в свою очередь, способны стать подспорьем, ориентиром в ребячьих занятиях и творческих усилиях.

Говорили мы и об инструментах учебного труда. Но инструменты эти — не только ручка, тетрадки да линейка.

Заботливо, с первых лет собираемая ребячья библиотека, где с приходом в школу непременно появляются словари, справочники, Детская энциклопедия; глобус и географические карты, компас и барометр; «сад на окне», инструменты для труда и для простенькой домашней лаборатории — все это вещи, существенно важные для учебной работы, если цель ее родителям видится не в одной отметке, а в обретении знаний и развитии умственных сил.

И, наконец, всегда будем помнить, что работа эта требует не только материального, но и духовного обеспечения. Оно — в уважении к труду школьника, в признании его серьезности, в доброжелательстве и в объединяющем всех в семье, больших и малых, чувстве ответственности, ибо труд их, каким бы он ни был — за станком, за партой — это главное, чем дорог человек среди людей.

Воспитывать одарённых!

Вспоминаю шутивное стихотворение Е. Евтушенко:

«Требуя с грузчика, с доктора,
С того, кто мне шьет пальто,
Все нужно делать здорово,
Это неважно — что.
Ничто не должно быть посред-
ственно,

От зданий и до калаш.
Посредственность неестественна,
Как неестественна ложь.
Сами себе велите
Славу свою добыть,
Стыдно не быть великими.
Каждый им должен быть».

Шутки всё... Разве могут все быть одаренными? Слово само говорит, что это дар, подарок судьбы, природы... И среди ученых-психологов давно идут и, наверное, не скоро прекратятся спокойно-ожесточенные споры, сколько же «весит» в одаренности природа, а «сколько» воспитание, и что же именно делает человека одаренным.

Не будем ждать окончания этих ученых споров, в которых должна родиться научная истина, и зададим, казалось бы, преждевременный, но все же такой важный вопрос: «Как же воспитать одаренного ребенка?»

Что такое трудо-любие?

Как только речь заходит об одаренности, сразу вспоминаются «вундеркинды», «чудо-дети». Писали о них много и по-разному. Восторженно. Скептически. Удивляясь и разоблачая.

Дети с ранними проявлениями умственной одаренности давно привлекают внимание. Советский психолог Н. С. Лейтес в своей книжке «Об умственной одаренности» описал несколько таких детей.

Все они рано научились читать, легко «перескакивали» из класса в класс. Будучи младшими школьниками, успешно принимают участие в олимпиадах для старшеклассников и т. д. Они очень разные — один с яркими гуманитарными способностями, другой — больше тяготеет к точным наукам, третий любит биоло-

гию. Они разные и по характеру — один веселый и шумный, другой — тихий и задумчивый. У всех обычные семьи, обычное детство...

Исследователь, долгое время наблюдавший этих детей, обнаружил у них одну общую особенность: все они непрерывно нуждались в напряженной умственной работе. Чем труднее, тем увлекательней, чем больше работы, тем лучше.

Один из этих ребят, например, когда не предвиделось никакой интересной умственной работы, пускался в вычисления, переводя длинный ряд чисел из десятичной системы в двоичную, или простые дроби в десятичные с точностью до двадцатого (!) знака.

Эта особенность была названа исследователем «умственной активностью».

Особенность, которую ученый обнаружил у одаренных детей, в еще большей мере есть у выдающихся людей. Известно, что Маркс в период большого душевного напряжения занимался алгеброй, и это переключение давало ему необходимый отдых. Один из лучших своих романов «Айвенго» В. Скотт написал во время мучительной болезни. Работа помогала ему переносить сильнейшие боли.

Дело здесь не просто в умении много трудиться, а в любви к труду. В трудолюбии. Умственный труд — радость и потребность, самый большой источник наслаждения. Это именно тот фундамент, на котором только и будет держаться здание творчества.

С одним из таких «вундеркинов» я познакомилась лет пять назад. Сейчас Женя студент университета, а тогда был восьмиклассником. Слегка заторможенный, с сонным, невыразительным лицом, на котором никто никогда не видел ни следа волнения, растерянности, удивления. Из-за этой неподвижности лица ребята звали его «Фантомасом».

Ребята считали его странным. Я часто бывала на уроках в этом классе и помню характерный эпизод. Учитель математики предложил труднейшую задачу. Решать взялись

немногие («еще не решали таких»). Среди них, конечно, и Женя.

Сосед Жени, Борис, томился от скуки. Взяв карандаш, он стал щекотать им у Женки за шиворотом, на что тот никак не реагировал. Борька оглядывался по сторонам, демонстрируя Женкину увлеченность: «Смотрите, Женя ничего не замечает». Потом он опустил карандаш за шиворот Женке, но тот по-прежнему занимался своей задачей.

В этой же школе, в параллельном классе, учился Сережа К. Заядлый волейболист. Плохого в этом, конечно, ничего нет, но... что же еще? А более — ничего. Классный руководитель отозвался о нем: «Не любит и не умеет думать. Иногда зубрит, тогда получает тройки».

Я наблюдала за Сережей на уроках. Переписывает условие задачи и ждет, когда можно будет переписать решение. То же самое на физике, химии. Оживает на уроках истории и литературы, когда учитель рассказывает что-нибудь интересное. Тянет руку, когда нужно что-нибудь пересказать. Недоуменно притихает, когда вопрос «на понимание».

Женя и Сережа находятся на крайних полюсах «умственной активности». В первом ее не нужно вызывать — она сама непрестанно ищет себе применения, ищет дела. Второй — видит в умственном труде тяжкую повинность.

В чем же здесь причина? Почему же у одних есть такое «трудолюбие», а у других нет? Кто или что этому виной?

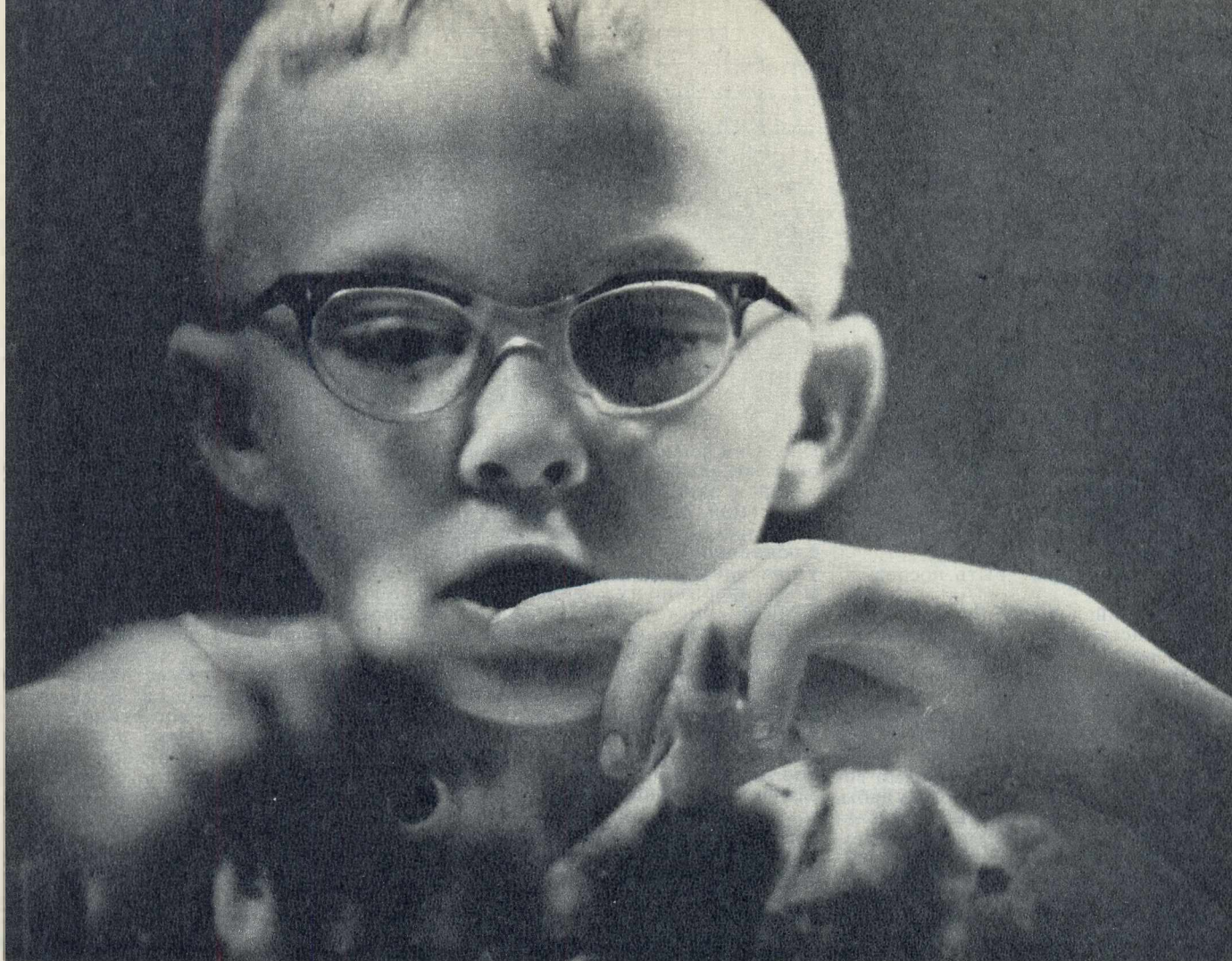
Все мы вышли из детства

Проблему «умственной активности» психологи начали изучать совсем недавно. Но уже известно много интересного. Оказывается, например, что умственная активность второклассников выше, чем у пятиклассников.

Последнее не так уж и неожиданно. Всех детей отличает потребность узнавать новое (каждый трехлетний ребенок — «почемучка»). Малыш буквально одержим творческой работой: новые слова, самые неожиданные идеи непрерывно рождаются у маленького человечка. Маленькие дети, практически без всякого исключения, — творчески одарены, обладают ярко выраженной потребностью в познании. Благодаря этой способности ребенок чрезвычайно быстро овладевает человеческим опытом. Все дети — потенциально одаренные люди, и правы, сами того не зная, восторженные мамы, считая своего Вадика или Максиму талантливым ребенком.

Но дети растут. И для одних умственный труд, творчество остается самой необходимой стороной их существования, и они сиднем сидят, чтобы решить совсем необязательную задачку, прочитать о том, что

заинтересовало. И важен им не успех, не награды (это тоже нужно, но не это главное), а сама эта работа. Работа заполняет всю их жизнь, и они становятся учеными, писателями, конструкторами, рабочими-рационализаторами, «профессорами» станка.

У других же эта радость умственного труда исчезает совершенно, и они привыкают видеть в умственной работе тяжелое и обязательное бремя, нести которое необходимо, чтобы получить пятерку, аттестат, специальность. И став взрослыми, эти бывшие талантливые дети становятся унылыми педагогами, ordinарными инженерами, художниками-ремесленниками.

Работа, умственный труд загоняется у этих людей в жесткие рамки — от и до, — а потом начинается «жизнь»: кино, чтение юмористического журнала и, разумеется, телевизор.

Видя это, я каждый раз снова и снова спрашиваю себя, а может, и не было обыкновенного гениального ребенка? Может, и родился человек умственно пассивным? И каждый

раз убеждаюсь, что это не так, что где-то остается в человеке естественное, нормальное стремление к творчеству, к трудной интеллектуальной работе. Но это стремление подавлено и находит выход в любых, самых неожиданных ситуациях, лишь бы не в основной деятельности, лишь бы не в работе.

Молодой шофер, бросивший, не смотря на все старания родителей, учебу в институте, весь свой обеденный перерыв решает очередной кроссворд из «Огонька». Мальчишка-двоечник, на которого махнули рукой учителя («ничего ему не интересно», «один футбол на уме»), нетерпеливо пытается разгадать хитрую механическую головоломку и просит: «Ты только не подсказывай, я сам».

Но почему же эта общечеловеческая способность к творчеству, ярко проявляющаяся у любого ребенка, так часто утрачивается, искажается у взрослого человека? (Может быть, выдающиеся люди это просто люди, не утратившие этой детской способности и классически «детская» улыбка многих гениальных людей —

не просто литературный штамп?)

И вопрос, который мы поставили в самом начале, — «Как воспитать одаренного ребенка?» — теперь следует поставить иначе: «Как сохранить одаренность ребенка, как помочь ему стать одаренным человеком?»

Аксиомы воспитания

Впрочем, некоторые родители, кажется, уже решили эту проблему и хорошо знают, что нужно: как можно раньше научить ребенка читать, еще в детском саду учить его иностранному языку.

...Я в гостях у Иришкиной мамы, моей давней, еще школьной подруги. Иришке шесть лет. Она сидит за столом и глядит в букварь. Увидев меня, Иришка просительно глядит на маму, но голос мамы строгий: «Мы с тобой не кончили. Кончим эту страницу, пойдешь гулять».

Старательно, стараясь не косить в мою сторону глазами, Иришка тянет: «Мама, Саша, мама мыла Сашу». Отчитав положенное, Иришка

вскочила, но мама ее остановила: «А счѣт!» Иришка складывала, вычитала, снова считала.

Урок кончился. «Терпенье надо, — жалуется Иришкина мама. — Уже год ее учу, а каждый раз усаживаю за стол с трудом, но я все же характер выдерживаю. Видишь, как уже читает?»

«А зачем так строго?» — не понимаю я. Теперь удивляется Иришкина мама: «А если без строгости, то ребенок ничего делать не будет».

Иришка — школьница. Ножки из-под коротенькой юбочки как у кузнечика. Я умиленно гляжу на нее и не могу удержаться от вопроса, который задают ей сейчас все взрослые: «Ну как, Иришка, нравится тебе учиться в школе?» Иришка стеснительно молчит, а мама сокрушается: «Все вроде нормально, сама садится за уроки. Только читать сама не любит, сделает уроки и скорей в куклы играть».

А сейчас Иришка в третьем классе. Учится хорошо, но какое у нее тоскливое лицо, когда она садится за уроки. В школу идет охотно («Там мои подружки Таня, Марина, Оля»), но рассказывать про то, что делала на уроке, не любит. «На уроке мы читали, писали, решали задачку», — скучно говорит Иришка. И вдруг вспоминает и оживляется: «А Сережка баловался и пускал голубей».

Другой случай. У пятилетнего Игоря полный комплект родственников: мама, папа, сестра и бабушка. Но интереснее всего Игорю с папой. Рано утром в воскресенье папа вдруг затормошит весь дом: «Собирайся скорей, Игорь, а то опоздаем». Куда опоздаем? Никто ничего не знает. А потом оказывается, что они пришли в зоопарк. Или на выставку собак. Или в Ботанический сад.

Игорь всегда узнает, когда папа приходит домой с интересной книжкой или игрушкой. Глаза у папы хитрые и радостные. Игорь всегда терпеливо ждет, когда же папа, наконец, раскроет портфель и скажет: «Держи, сын».

Папа научил Игоря читать. Принес букварь и сказал: «Теперь читать будешь ты, а я буду слушать». Буквы Игорь немножко знал («о» — колесо, «м» — ворота и еще другие), но читать не умел. Труднее всего — соединять буквы в слова — «ме-а, ме-а», тянет Игорь. Что же это за слово? Папа молчит и ждет. «Мама», — радостно догадывается Игорь. Так, удивляясь и радуясь, он научился читать.

Игорь любит с папой играть в цифры. «Если каждому солдатику дать по два автомата, сколько автоматов будет во всей роте?» А рота у Игоря известная — пять оловянных солдатиков. Папа никогда не торопит Игоря с ответом, а терпеливо ждет, и радуется больше Игоря, называет его молодцом, если тот сумел сосчитать без ошибки.

Игорь пошел в школу. Нельзя ска-

зать, что ему все там нравится: порой жалуется, что скучно. Но, когда учительница задает в классе интересную трудную задачу, он первый бросается решать ее и, придя домой, обязательно рассказывает про нее отцу.

В четвертом классе Игорь решал задачи за седьмой класс, а книги читал, как это говорят, «запомем» — по физике, астрономии, музыке, и даже почему-то агрономии. Но больше всего любил решать задачи. «Самая интересная задача — это та, которая никак не решается», — это их любимая с папой поговорка.

Очевидно, что в первом случае мама, стремящаяся как можно лучше подготовить дочь к умственному труду, достигла прямо противоположного эффекта: у девочки очень рано появилось чувство обременительности такого труда, его обязательности и скучности.

А вот отец Игоря сумел развить любовь к умственному труду, ощущение радости умственного напряжения.

Из этих примеров можно вывести некоторые общие правила, если хотите, аксиомы воспитания интеллекта. Аксиомы — потому, что это лишь самые общие условия, тогда как сложные ежедневные теоремы воспитания необходимо решать каждый раз самим.

Аксиома первая: воспитывать удовольствие, радость от умственных занятий, развивать «умственный аппетит».

Сейчас во многих семьях уже исчезает дикое, ни с чем не сравнимое мучительство едой, когда в ребенка с угрозами, с заискиванием, впихивают «ну, еще одну ложку». Насильно кормить нельзя, у ребенка должен быть аппетит, он должен сам хотеть есть — эту истину, кажется, уже многие усвоили.

А вот об «умственном аппетите» ребенка заботятся пока куда меньше. Стремясь «наполнить» его знаниями и тем самым подготовить к умственному труду, лишают самого главного — радости этого труда.

Никогда не подсовывайте малышу книжку, когда он явно этого не хочет. Постарайтесь заинтересовать книжкой, задачей (пусть задача будет простейшей, но наглядная, понятная для ребенка).

И до тех пор, пока ребенок не пошел в школу, никакой обязательности занятий, никакого принуждения. Занятия должны быть для ребенка радостью и удовольствием.

Аксиома вторая (собственно, вытекающая из первой). Поначалу как можно меньше наказаний, выговоров, просто неодобрения маленькому ребенку, если он не сумел выучить, запомнить, понять. Зато покажите ему, как вы радуетесь первым его успехам, первым словам, которые он прочитал, первой задачке, которую он решил (правда, не нужно делать из этого и «концертных представлений», которые вос-

торженные родители устраивают из достижений своего ребенка).

Если ваш ребенок уже пошел в школу, не требуйте от него сплошных пятерок. Не наказывайте его за неумение сосредоточиться, неумение самому сесть и выучить таблицу. Когда ребенок сидит за уроками, не одергивайте его бесконечными «не вертись», «сиди прямо». Посмотрите на себя, сколько как будто бы лишних, бессмысленных движений делаете вы, выполняя сложную умственную работу. (Кстати, исследования психологов установили: умственная активность связана с двигательной).

Постарайтесь, чтобы первые школьные месяцы были для вашего ребенка радостью, а не страхом наказания. Невозможно от ребенка потребовать: «Умей и люби учиться». Это нужно воспитывать. Долго, упорно, трудно.

И, наконец, аксиома третья и последняя. Развивая умственный «аппетит» ребенка, позаботьтесь о достаточной и разнообразной умственной пище.

Как часто свои заботы о ребенке любящий папа ограничивает тем, что по пути с работы покупает вместе с вечерней газетой детскую книжку. Или очередной «конструктор» в «Детском мире». Этого, конечно, мало. Пусть это будет и детский театр, куда вы ведете малыша, жертвуя своим воскресеньем, и походы в зоопарк, где у ребенка появились свои любимцы, и, самое главное и самое трудное, это терпеливые и долгие беседы с ребенком, ответы на его бесконечные «почему» и «как». Вместе рисовать и сочинять стихи, вместе слушать детскую передачу. Это все и будет настоящей пищей для ума.

Недоверчивые, возмущенные голоса: «А как же упорство, настойчивость, организованность, умение преодолевать трудности, выполнять скучную, неинтересную работу? Это ведь тоже нужно! Когда же и приучать к этому, если не с детства? Да и для выдающихся людей труд не только радость, но еще и непрерывное самонасилие, самопреодоление. Труд и трудно — слова одного корня...»

Все это верно, и нужно научить ребенка видеть в умственной работе не только радость, но и необходимость. И важно научить в нужный момент заставить себя работать. «Черного труда» в умственной работе, наверное, больше, чем радостей, — это все так. Но это позже, и это особый разговор. Однако прежде, в самом начале, должна быть сохранена светлая радость познания, радость труда. Это тот фундамент, без которого не выдержит ни одно построенное вами здание.

В. Юркевич,
научный сотрудник
института
общей и педагогической психологии
АПН СССР

Семейный роман

— Что за народ в провинции! — удивляется молоденькая, недавно из Москвы, библиотекарьша. — Рассказы брать не желают. Всем роман подавай! Пухлый! Вот вы, Митрич, — чем вам рассказы не нравятся?

— Нравятся, — хитрит Митрич. — А токи рассказы про городскую жизнь, а в романе про нашу.

— Нелепость, Митрич, чушь!

— Лепость!.. — упрямится дед. — В городе, мил-барышня, бессвязно живут: родня отдельно: ён отдельно и даже соседи отдельно. Вот и пишут про каждого свой рассказ. А у нас народ знающий: кто дед был, с кем братовья породнились, в кого детки пошли — личиком и нравом... У нас семью перечислить — уже роман.

Спорят они долго. Дед хитрит, притворяясь полуглухим, когда доводы библиотекарши неопровержимы, и твердит свое: провинция — она и есть живой роман.

Но независимо от того, чем кончится их спор, мы в провинции, любезный читатель. А потому не обратитесь ли и нам к излюбленному здесь жанру старинного романа?

Следуя традициям этого жанра, мы неспешно осматриваем зеленый старорусский городок. Отметим, что из культурных очагов здесь имеется только кинотеатр (один). А чтобы придать повествованию большую панорамность, я огляжу окрестности Богородицка — подумаю, что хорошо бы обозначить яркой меткой местонахождение его. И вспомню: Ясная Поляна. Она относительно недалеко. И прокатится клубок повествования, и нить его, разматываясь, приведет нас к дверям богородицкого книжоторга. И подивитесь, читатель: в небольшом, весь на ладони, городке только за последний год было распродано 11 тысяч томов «Анны Карениной»...

Здесь-то, в связи с Львом Толстым, и впервые появится имя героя романа. Сначала мельком, в местной хронике: «Ученик 9-го класса Сергей Власов занял первое место в областном конкурсе на лучшее сочинение о Ясной Поляне и премирован поездкой в «Орленок». Эта

поездка, заметим себе наперед, во многом решит судьбу нашего героя.

Однако чтобы по-настоящему увидеть, как складывается судьба, надо (так повелевает роман!) вернуться в ту пору, когда ученик Сергей еще не родился, а его отец Алексей Власов еще не женился. Будущая мама Сережи выслушивает объяснения в любви, с досадой глядя в окошко — и Алексей Власов пишет по ночам стихи, горькие и слезные, как лук.

В эту пору Алексей Власов буйно рыжеволос. Отличается странностью — ходит зимой без пальто, поставив себе целью закалиться. Он застенчив до дикости, краснеет легко и маково. Впрочем, там, где дело касается книг, перед нами, скорее, тип застенчивого нахала. Ради редкой книги он способен стучаться в дом незнакомого человека. И напрасно хозяин захочет лечь костями у своей лучшей «невыдаваемой» книги — все бесполезно...

Да, поначалу судьба готовила Алексея Власова в поэты и дала ему в дар мечтательность, тонкий литературный вкус. А потом судьба то ли передумала, то ли решила показать свой коронный номер: мечтатель в объятиях грубой действительности.

В данном случае все определила война: похоронка отца, зарплата уборщицы у матери, младшие разуты-раздеты. И Алексей пошел в кормильцы — в шахту. Там однажды бросился к двум незнакомым шахтерам: «Ребята, послушайте стихи! Любите вы стихи? Зачем работорговать стихи? Да вы послушайте!»

Здесь же в шахте он читал им Блока, Есенина? — свое... Заявляете себе на память узелок, читатель: эта встреча значима в судьбе нашего героя Сережи, потому что один из слушателей, молоденький инженер Ликумович, станет другом его отца, Алексея, на всю жизнь. Лет через пятьдесят местная хроника напишет о Ликумовиче как о декане музыкального факультета Народного университета культуры. И хроникер отметит: вот уже шесть лет, в третью среду каждого месяца — в бурю ли, в дождь, — из Тульской филармонии

выезжает в Богородицк автобусом с оркестрантами и «сбоев» у Ликумовича не бывает.

А в биографию Сережи Ликумович вошел так: два года назад молодежная газета опубликовала диспут о равнодушии и два события противостояли в нем. Первое: концерт Зары Долухановой в Туле прошел при пустом зале. Второе: в Богородицке член комитета комсомола Сергей Власов организовал школьный вечер классической музыки и зал был полон.

Впрочем, не все так прямолинейно; когда, скажем, некий Ликумович посоветовал — Сергей любил музыку. (Кстати, сам Ликумович узнал о вечере, по-моему, уже из газеты...) Тут влияния не случайные, не разовые. И чтобы оценить их, надо знать вот что: хотя отец Сергея так и не получил высшего образования, мальчик родился и вырос в атмосфере подлинной интеллигентности. Он просто жил среди хорошей музыки и книг и вдохнул их в себя незамечаемо, как воздух.

И вот здесь самая пора воссоздать атмосферу романа, а потому зажжем настольную лампу, соберем вокруг нее, как встарь, тех молодых, еще неженатых шахтеров. Как бы вскользь отметим, что на столе бутылка вина, но ее не допьют — ни сейчас, ни потом, они толком не распробуют вина, потому что Ликумович уже купил свои первые пластинки. Он уже громкогласно «презриает» Власова за его потрясающее музыкальное невежество. А маково-рыжий Власов негодует, постанывая: «Блок непонятен?! Чему вас, инженерье, учат? Блок сложен?! Конец света!»

Теперь пора вернуться из прошлого в настоящее. Мы в гостях у Власовых — на столе грибы, бутылка сухого.

— Можно вопрос? — как на уроке, тянет руку Сережа. — Ваш любимый герой?

Отвечаю:

— Дон Кихот.

Сияет:

— И у меня. Все, па, это моя гостя!

— Минуточку, — не сдается отец, — а Блока любите?

...Называем имена — и как назван паролем: ты среди своих. Даже дом, впервые увиденный дом Власовых — давно знакомый. Я знаю эти дома: вещи в них простые, а книги хороши. Однако в нашем доме сейчас суета с откупориванием бутылки, поскольку ни штопора, ни пьющих в доме у них нет.

— А может, Сережа, выпьешь глоток? — наклоняет отец бутылку и наклоняется ниже, чтобы скрыть развеселую ухмылку.

— Зря стараетесь, милостивосударь, — говорит ответная снисходительная улыбка Сережи. — Знаете: не пью-с...

— Подозреваю, Сергей, — не уни-

мается отец, — ты обет дал. Как монах! Трогательно, сударь...

— Глупо: обет! — вспыхивает Сережа. — А по-второму, надо как все? По-обезьянски?!

Ну теперь держись, Сергей! Таков уж характер у отца: что стоит лишь сыну воспарить, демонстрируя окружающим превосходство своих юных розово-голубых надежд, как к его ногам будто швыряют шпагу: защищайся! Два фехтовальщика, два спорщика на дорожке — защищайся, несчастный идеалист! Слюнну-муну твои идеалы, розовый сироп — до побитости! Рубль пара такие идеалы — семечек на сдачу купи. Бейся — или молчи! Не поднимай ношу, какую уронишь...

...Сын выше отца головы на полторы. Тренированной — спортсмен-перворазрядник; он уже в пять утра каким-то йогом стоит на голове, а потом долго и вольно бежит по лугам сквозь рассвет. Но каким же общипанным цыпленком бывает он перед отцом! Ни одного аргумента в запасе — только ярость упрямства: да, да, идеалы! И тогда отец отводит глаза и затягивается сигаретой так сильно, что жжет пальцы. А ты выстоял, мальчик...

— Боюсь я за Сережку, — скажет мне потом отец. — Нежный он для парня. На мотоцикле мчит — скоростью предельная, а у самого глаза нездешние... Трудный у меня сын.

И здесь, читатель, мне бы хотелось рассказать притчу о трудных детях, потому что мы напутали, называя «трудными» тех, с кем как раз до поры было легко. А от легких забот лишь сурепка растет, такое при словье в провинции. Но эти общие рассуждения опять увели бы нас в сторону, а потому скажу прямо — с Сережей было действительно трудно. До одиннадцати лет его лечили от какого-то изъязвляющего кожу диатеза. На лицо мальчика было больно смотреть, и по ночам мать с отцом стерегли, как бы он не расчесал кожу, не остался бы уродом со шрамами... Над матерью в семье до сих пор смеются: из ружья стреляй — спит. Но стоит кому-то невзначай пошуршать пальцем по коже, как она вскинется...

А сын вырос красивым, здоровым, смелым. На входной двери до сих пор след от ножа — это сын бросился защищать от шпаны незнакомую, неизвестную девочку. А отец выскочил на помощь и мчался, теряя тапочки и не чуя, что бежит по снегу босиком...

А в другой раз пьяная компания грязно обругала проходившую мимо женщину. «Сейчас же извинитесь!» — победил Сергей.

— Прибейте тебя кто-нибудь, — плачет мать. — Шел бы мимо.

А он топчется. Большой! В кого вымахал такой большой?

— Да как же, ма? Спускать такие вещи...

— Я почему-то старомодней па-

пы, — скажет мне тихонько Сережа за столом. И спросит шепотом: — А правда папа красивый?

А потом наступит миг тишины: мать, отец, сын переглянутся молчком — и ответ нежности высветлит лица.

Не будем мешать им. Завтра Сережа уедет в Ленинград поступать в университет — и не наглядеться им перед разлукой. А потому я примошусь в уголке, читая то школьное сочинение о Ясной Поляне. Оно запомнилось мне каким-то особенным настроением. Даже вот как: много читано и писано о Поляне. И задан настрой — мы в музее. У Сережи — просто в доме. Даже в чужом, без спросу доме — умер хозяин, распахнулись двери для пришлых. И старая деревянная лестница скрипит, ворчит, протестует против новой для нее неинтимности дома: «Ходят тут всякие...»

А в доме жила большая любящая семья. В семье бывали ссоры. Для посторонних они очевидней, ибо посторонние вхожи в семью лишь в антрактах домашнего счастья. Они не присутствуют при том древнем обряде жизни, когда собираются у настольной лампы мать, отец, дети. Снег шуршит за окном, а кто-то читает вслух...

Но, видимо, в расстановке мебели, в воздухе сохранилась память об этом, потому что такое чувство — у Сережи, — что в осиротевшем доме до сих пор ждут отца. Сидят за столом, вслушиваются. Сейчас застучит протетка по камню двора. Выбежит встречать большая семья, младшие повиснут на шее: как мы ждали тебя, как любим!

...Перечитываю строки, написанные «школьным» почерком, — и понимаю, откуда это настроение. Заново понимаю уже известное: Толстой «семейный», до глубины души «семейный» писатель...

Да, а за «толстовское» сочинение Сережу, как уже говорилось, послали в «Орленок». Там в глухой и туманный день он впервые увидел море и даже не понял поначалу, что уже видит его: «небо началось прямо у моих ног...». Он «заболел» морем.

А зимой отец принес книгу про вымирание рыб и птиц в морях — от нефтяных нечистот, от многого другого, что по беспечности сваливают люди в свою водяную свалку. После этой книги они решили: потратить жизнь на охрану морской природы — это неплохая цена для жизни... Так судьба исподволь подвигала Сережу к выбору профессии, к его отъезду в Ленинград.

Простимся же с ним и с добрым домом Власовых.

Э-э, нет, простимся с нашим героем по всем правилам, принятым в романе, когда современная карета — автобус — увозит героя вдаль, а родня долго машет платками.

Постоим на автобусной остановке. Пока никому из присутствующих неизвестно, что Сережа выдержит конкурс, станет ленинградским студентом. Пока отец, сделавшись вдруг меньше ростом, суетится и оглаживает сына по плечу:

— С людьми осмотрительней! На экзаменах не бойся!

— Странствующие рыцари не ведают страха! — поддразнивает Сергей. — Кстати, па, насчет неосмотрительных, слепых на людей и вообще несчастных идеалистов — помнишь в «Дон-Кихоте»? Как там? Помоему, так: «Дело странствующих рыцарей помогать обездоленным, принимая во внимание не их пороки, а сочувствие их страданиям».

Леокумович тут же припоминает стихи, прекрасные, как напутствие.

Увлечшись, дождался, что автобус уже набит.

Уф! Успели втиснуться... Достанем же, читатель, традиционные платки: до свидания! До свидания.

Р. С. Поставив точку, я могу уже поступить, как тот хитрый дед, который долго превозносил роман над рассказом, а получив три пухлых романа сразу, благодушно возвестил: «А рассказ — это замечательно. В следующий раз возьму».

Так вот, два слова об истинных и неясных до поры целях этого разговора — я давно собираю материал о семьях, где родители жалуются на отсутствие общего языка с детьми: «Им говоришь, а как глухие». Собственно, я уже собрала материал и, публикуя его, хотела сделать единственное — с магнитофонной тупостью цитировать разговоры, обыкновенные в этих семьях: «...значит, Верка сапоги купила, а я иду в бакалейный, спичек купила...» После этого изобилия крохоборческих сведений, подробностей, пересудов щелкает некий переключатель, и «воспитывающая сторона» неживым радиоголосом пробует говорить на нежилые в их доме темы: «Чем бегать, почитай бы. Читать — полезно».

А впрочем, читатель, оставим-ка разговоры о скучном на вечный «следующий раз». Так хочется по-дольше сохранить впечатление о семье, в которой всем интересно друг с другом.

Н. Павлова
г. Богородицк
Тульской области

Полнота — не здоровье

Всегда ли улучшение условий жизни улучшает и здоровье? Этот вопрос может показаться странным: но приглядимся внимательно к тому, что вокруг нас. Эмоционально насыщенная жизнь современного человека, бурная по темпу, с обилием информации нередко порождает чрезмерное напряжение, приводящее к гипертонии и неврозам; развитие транспортных средств и привычка проводить вечер за вечером в кресле у телевизора во многом «обездвиживает»; наконец, недостаток в питании нередко превращается в переизбыток, а оно ведет к нарушению обмена веществ и ожирению. А от ожирения — прямой путь к раннему развитию атеросклероза, заболеваниям сердца, повышению кровяного давления и диабету (сахарной болезни). Итак, «блага цивилизации», действительно направленные на благо человека, увы, несут и побочные воздействия на организм, и отнюдь не безобидные.

Проблема ожирения особенно волнует детских и подростковых врачей. Оно, как показали исследования отечественных и зарубежных ученых, в развитых странах является одной из самых распространенных форм нарушения обмена веществ. Приведем одну лишь цифру: среди школьников Москвы не менее 10 процентов учащихся в каждой школе имеют избыточный вес. Другими словами, это не одна тысяча и даже не десяток тысяч детей.

К большому сожалению, полнота детей и подростков не только не привлекает пристального внимания родителей, но иногда является предметом их гордости. Часто можно слышать, как они с удовлетворением рассказывают о прекрасном аппетите и «упитанности» своего ребенка.

Полный — значит здоровый — глубокое заблуждение. Полный ребенок — это нездоровый ребенок. И речь идет не только о тех случаях, когда полнота бросается в глаза, не только о детях, у которых вес превышает возрастную норму на 50—100 процентов (III—

IV степени ожирения), но и о ребятах с относительно небольшим превышением веса (на 15—25 процентов).

Дети, по самой природе своей, подвижны и активны. Энергетические затраты детского организма зачастую выше, чем у взрослых. И если, несмотря на все это, ребенок начинает полнеть — это прямой признак неблагополучия в его здоровье или образе жизни. Не так давно в одной из школ было родительское собрание, на котором мне пришлось присутствовать. Разговор шел о здоровье детей и, в частности, об избыточном их весе. Многие родители ссылались на перегрузку школьными занятиями, обширность учебной программы, всякого рода дополнительные уроки (музыка, язык) — все это, мол, не оставляет времени для игр, спорта, прогулок.

Да, программа школы усложняется, да, школьные уроки и домашние занятия требуют времени. Но ведь загружены все школьники одинаково, а повышен вес только у 10 процентов из них. Как видно, не в перегрузке и гиподинамии (понижении двигательной активности) причина избыточного веса.

Самая распространенная форма ожирения называется экзогенно-конституционной. Конституционной потому, что она во многом обусловлена «полученным по наследству», от родителей дефектом обмена веществ: экзогенной («экзо» — по-гречески «внешний») из-за того, что нарушения обмена вызываются и поддерживаются внешними факторами, среди которых на первом месте неправильное, нерациональное питание и переизбыток.

Советскими учеными, изучившими вопросы генетики ожирения, установлено, что в семьях, где оба родителя худощавы, ожирение у детей возникает в 8 процентах случаев, при наличии тучности у одного из родителей — в 40 процентах, при ожирении обоих родителей — в 80 процентах. Это свидетельствует о большом значении наследственных факторов. Кажется, о чем

же тут еще говорить? Ведь с «природой» не поспоришь. Но все дело в том, что в условиях правильного режима питания, отдыха, занятий детский организм вполне в силах справиться с наследственно переданным дефектом обмена жиров и углеводов, если обмен этих веществ происходит в границах возможностей организма. А вот если допускаются «перегрузки», если ребенок постоянно переизбыток, неизбежно наступает нарушение обмена. Привычка много есть быстро закрепляется у ребенка. Постоянное переизбыток приводит к нарушению функции пищевого центра мозга и ощущение сытости, регулирующее аппетит, наступает только после обильной еды. Постоянная интенсивная «работа» поджелудочной железы может привести к истощению ее функции и развитию серьезного эндокринного заболевания — известного всем сахарного диабета. В последние годы врачи всего мира рассматривают ожирение как предиабет, то есть состояние организма, способствующее возникновению этой болезни.

Итак, избыточный вес не свойствен здоровому детскому организму и должен вызывать у родителей серьезную озабоченность. Мы не можем здесь давать какие-либо общие рекомендации, направленные на снижение веса. Однако хотим предостеречь родителей от применения разных диет, имеющих в настоящее время хождение в широкой публике, построенных на весьма туманных принципах и имеющих весьма причудливые названия (например, «очковая»).

Советы врача должны быть индивидуализированы и учитывать наследственное предрасположение, характер нарушения обмена, особенности перенесенных заболеваний. А все это выясняется лишь при врачебном осмотре и беседе с родителями. Даже такой общий совет, как ограничение в пище, должен быть в известной степени индивидуализирован. Это касается также занятий физической культурой, характер и интенсивность которых должен определить врач, не ограничивая двигательную активность ребенка и, в то же время, не допуская переутомления.

Л. Тумилович,
доктор медицинских наук

На службе детства

Издательству

«Детская литература» —
сорок лет

Сорок лет назад в жизни Алексея Максимовича Горького наступила пора новых литературных начинаний. Он только что вернулся на Родину после длительного пребывания на Капри и был полон живых идей, стремлений и предложений. Одно из них — создать специализированное издательство — по своим масштабам, пожалуй, наибольшее и наиболее важное. Подумать только: издавать всю литературу специально для детей, то есть для читателей самых разных профилей, возрастов, самых разнообразных интересов: книги художественные для старшего, среднего и младшего возраста, книги научно-популярные по самым различным отраслям знаний, стихи для маленьких, экскурсии в историю географии для средних и старших и, наконец, целые библиотечки — для всех...

Такого широчайшего охвата не знала история издательского дела. Отныне каждая книга, попадавшая в руки пытливейшего из читателей, приходила к нему с маркой нового гиганта. Прежде чем предложить этот эксперимент, Горький обратился к детям через пионерские газеты, чтобы узнать об их интересах: что нужно печатать, что внимательно, что полезно, о чем им хотелось бы прочитать? И ответы на эти вопросы не замедлили посыпаться как из рога изобилия. «Дедушке Горькому» писали с охотой, делись с ним желаниями и мыслями. Так, перед началом деятельности издательства была совершена большая исследовательская работа.

Нельзя сказать, чтобы у нового дела отсутствовали предшественники, чтобы не было традиций издания детской книги в России. Дореволюционная детская библиотека знала имена таких издателей, как Сытин, Вольф, Девриен, Губинский. Издавались книги, рекомендованные министерством народного просвещения, обращенные к ученикам младших классов гимназий, реальных училищ и пансионов благородных девиц.

Но не так уж много книг могло перейти из довольно обширных списков этих издательств в план Детиз-

дата — для юных граждан революционной эпохи. Требовалась новая, небывалая литература.

Здесь необходимо отметить Ленинградскую редакцию детского отделения Госиздата, существовавшую еще до «Детиздата». Ее возглавлял Самуил Яковлевич Маршак. Он поставил перед собой задачу создания «большой литературы для маленьких» и решал ее так, как никто до него. По воспоминаниям современников, работавших с ним, мы знаем, что он дневал и ночевал в редакции. Каждой новой книге, каждому новому проблеску таланта он радовался и спешил на помощь автору, чтобы довести рукопись до совершенства.

В большой статье «Литература — детям», помещенной в газете «Известия», Маршак писал: «Художественные книги не фабрикуются пачками. Для того чтобы они появились, нужно сложное и удачное совпадение темы, автора и материала. А вопросов, требующих книг, великое множество».

Если он встречал в жизни такое совпадение, он был неистов в своем стремлении получить книгу.

Этим принципом руководствовалось и новое издательство. И результаты сразу же были такие, что вышли за рубежи нашей родины. Так, книга М. Ильина «Рассказ о великом плане» стала явлением не только литературным, но и политическим, заняв среди переводной литературы в США первое место, став так называемым бестселлером.

Перед работниками и авторами Детиздата вставали сложнейшие вопросы: какой должна быть детская книга, где границы роста детского читателя, границы его естественного интереса, каково место художника-иллюстратора? Книги Бориса Житкова, М. Ильина, Виталия Бианки, иллюстрированные прекрасными художниками Чарушиным, Конашевым, Курдовым, Лебедевым; книги Шварца, Олейникова, Белых и Пантелеева, С. Григорьева отвечали на эти вопросы. Веселая поэзия Чуковского, Маршака, Михалкова, Барто, Хармса, Введенско-

го и других находила дорогу к сердцам самых маленьких слушателей. Владимир Маяковский сообщил в детской книжке, что «начинается земля, как известно, от Кремля»; он же рассказал самым юным, «что такое хорошо и что такое плохо»...

Таково было начало. Таково же было и продолжение. Гайдар, Касиль, Фраерман, Пришвин, Паустовский, Носов, Сотник, Голявкин, Брежнев...

Нет нужды добавлять к этому списку новые имена: их хорошо знает читатель, жаждущий новых встреч с ними.

К своему сорокалетию издательство «Детская литература» приходит, имея в активе непрерывающийся поток читательских писем и благодарностей.

Но при всей грандиозности проделанной работы перспективы, открывающиеся перед издательством, масштабы его предстоящей деятельности будут еще шире.

Потому что неисчерпаема любознательность юных читателей и вечно наше желание дать каждому ребенку и подростку умные, увлекательные, красивые книги.

И. Рахтанов

Искусство быть собой

Ты помнишь, товарищ... Воспоминания о Михаиле Светлове. Составили Л. Либединская, З. Паперный. Художник В. А. Родченко. М., «Советский писатель», 1973.

Бывают люди талантливые сами по себе, независимо от профессии, — к таким принадлежал Михаил Светлов. Его человеческая слава едва ли не обогнала поэтическую (тоже, впрочем, достаточно громкую), сделав его человеком-легендой. Ему приписывают остроты и поступки, рассказывают о нем истории, вовсе не случавшиеся.

А вот история подлинная, разыгравшаяся в годы войны, прямо на поле боя. После очередного, довольно жестокого обстрела, во время которого люди укрывались в наспех отрытых ямках, Светлова окликнул какой-то боец:

— Майор! А майор!

«Субординация — не мое отличное качество, — замечает, вспоминая этот случай, Светлов. — Я покорно подошел.

— Это правда, что вы написали «Каховку»?

— Правда.

— Как же вас сюда пускают?

Он был готов умереть раньше моей песни. Я был так взволнован, что ушел, не узнав его имени и фамилии. Я потом встречал этого бойца, но в образе других».

Вот как много — уже тогда! — значил Светлов для рядового читателя...

О поэте Светлове написано много, пишется (и напишется) еще больше. Оставим разбор его стихов на долю литературоведов, а сами по толкуем о Светлове-человеке, о том ценном и поучительном, что можно извлечь из опыта его жизни. Тем более воспоминания в сборнике дают для этого пищу богатую и разнообразную.

Уже в больнице, незадолго до смерти, Михаил Аркадьевич познакомился с пожилой женщиной. Они подолгу беседовали, но ей не было известно, кто он. На вопрос, знает ли она поэта Светлова, она ответила: «К черту Светлова, вы интереснее любого поэта!» Эта женщина была знакома с ним всего несколько дней, но всерьез утверждала, что это самый интересный человек из всех, кого она встречала на своем веку...

В чем же секрет светловского обаяния, почему с ним было так интересно самым разным людям, в том числе далеким от литературы? Секрет этот приоткрыл он сам, выходя на вечер, посвященного его 60-летию: «У меня есть одно волшебное качество: я могу прожить без необходимого, но без лишнего я прожить не могу...»

Ну, необходимое — это понятно: это то, без чего не обойтись. Светлов принадлежал к той редкой породе людей, для которых бытовая сторона жизни — не самое важное. Когда он получил новую квартиру, его навестил поэт Я. Хелемский. И вот что увидел: «В комнате стоял матрац на подпорках, рядом старое кресло. Небольшой круглый стол — на нем ворох бумаг и пишущая машинка. На свежем, еще не навоощенном паркете — навалом стопки книг. И надо всем этим возвышался огромный трехстворчатый шкаф, занимавший половину стены.

— Как вам нравится этот шедевр? — спросил Светлов.

Я пожал плечами.

— Дело в том, что деньги, ассигнованные на приобретение мебели, я вручил соседке. Она любезно согласилась раздобыть все необходимое. Оказалось, эта хрупкая женщина страдает гигантоманией. Ее воображение пленил шкаф-дворец, рассчитанный на иллюзиониста, который переодевается каждые тридцать секунд, или на семью, во главе которой стоит мать-героиня. И все деньги моя опекуна ухлопала на это бессмертное творение рижских мастеров.

Светлов распахнул дверцы — шкаф был почти пуст.

— У меня всего один костюм. Когда я надеваю его и ухожу, шкаф скучает. Куда его девать? Мне советуют оставлять квартиру незапертой — может, какой-нибудь рецидивист-недоучка польстится на мой полированный контейнер?..

— Шкаф надо продать, — решительно сказал я.

— Хотел бы я видеть покупателя, который выложит денежки за эту

гробницу фараона! Может быть, предложить ее издательству «Советский писатель» для хранения залежавшихся рукописей? Неплохая идея, а?..»

Правда, это было после новоселья. В дальнейшем светловская квартира кое-чем пополнилась, и все же, думается, даже эта маленькая сценка дает отличное представление о самом характере отношения Светлова к вещам, к собственности. Вот уж кому не грозил микроб мечтанства!

В то же время он действительно не умел жить без «лишнего», как иной малообеспеченный человек, покупающий для своей скромной комнатухи какую-то дорогую вещицу, поразившую его красотой и изяществом.

Однако светловское стремление к «лишнему» надо понимать много шире, нежели просто интерес к необычному.

Как-то Светлов заспорил с другом, известным поэтом Иосифом Уткиным, о том, что такое поэт.

— Поэт — это тот, кому ничего не надо и у кого ничего нельзя отнять, — сказал Уткин.

— Нет, — возразил Светлов, — поэт — это тот, кому нужно все и который сам хочет все отдать!

Его интересовало в мире абсолютно все, но для себя лично было ничего не нужно; у него нельзя было ничего отнять, ибо он и не стремился к приобретениям, — и в то же время он готов был без сожаления отдать все, что знал и умел, все, что ни попадало к нему в руки.

Живя предельно скромно, он очень любил дарить. Причем делал это на редкость непринужденно, без церемоний. А для лифтерш своего дома, помогавших ему по хозяйству, устанавливал веселые приемные дни, приглашая их в гости вместе с детьми и мужьями... (В то же время он и от других ожидал такой же душевной открытости, такого же легкого отношения к собственности. Если кто-то начинал «для приличия» ломаться, отказываться от подарка, Светлов не уговаривал долго, и человек, надеявшийся на уговоры, становился жертвой собственной неискренности...)

Умение войти в круг интересов любого человека, не унижившись перед «сильным» и не возгордившись перед «слабым», снискало Светлову уважение и симпатии. С уборщицей, больничной нянечкой, он разговаривал столь же заинтересованно и непринужденно, как с командующим фронтом, приехавшим, чтобы поздравить автора «Каховки» с днем рождения и с правительственной наградой. (Через полчаса, когда они были уже на «ты», Светлов весело воскликнул, хлопнув его по плечу: «Я тебя еще научу воевать!» И грозный военачальник, который еще в гражданскую командовал батальоном и никому из подчиненных не простил бы и половины этой дер-

зости, взглянув на бесхитростно улыбающегося Светлова, улыбнулся в ответ: «А что? Именно это мне и надо!»)

«Я не знаю лучшего товарища, чем Светлов, — говорит его фронтовой друг, а ныне известный литературовед Борис Бялик. — Он никогда не забывал друзей, если ему было хорошо, и всегда вспоминал о них, если им было плохо». Однажды он пришел в знакомое учреждение с курицей, завернутой в целлофан. «Вот чудак, в издательство с курицей пришел», — не утерпел заметить кто-то. А дело между тем объяснялось просто: когда-то в этом издательстве работала секретарша, которую все любили за ласковый нрав, за доброжелательность. Потом она ушла на пенсию, и ее стали забывать. А Светлов не забыл! Узнав, что теперь здесь работает дочь этой женщины, он всякий раз старался передать через нее какой-нибудь подарок для старой знакомой...

Уже в больнице, за несколько дней до смерти, он сказал сыну:

— У здешней няни есть внук. Ему шесть лет. Возьми его, поезжай с ним в «Детский мир» и купи ему все новое: ботиночки, пальто, костюм. Старухе будет приятно. — И добавил еле слышным от слабости голосом: — Как легко быть Гарун-аль-Рашидом, а мы почему-то это делаем так редко!

«Юмор — первый признак человечности», — метко подметил покойный ленинградский режиссер и художник Николай Акимов. Пример светловского юмора прекрасно подтверждает это определение. Чаще всего его смех был выражением глубокой тактичности и доброты, а порой застенчивости, прикрываемой шуткой. Но во многих случаях светловский смех — средство воспитания.

Вообще-то говоря, в роли «типичного» воспитателя Светлов выступал довольно редко: роли этой он попросту стеснялся. «Только очень невоспитанный человек, — утверждал он, — стремится всегда играть роль воспитателя». Светлов никогда не прибегал к морализированию — даже если ситуация требовала от него прямого внушения. Чаще всего он выходил из этой ситуации с помощью юмора. В статье «Я — за улыбку!» (кстати сказать, впервые опубликованной — лет десять назад — в «Семье и школе») он рассказал эпизод, разыгравшийся у него дома: сын Шурик выпил чернила! И вот, когда домашние растерянно метались по комнате, не зная, что предпринять, Михаил Аркадьевич обошелся одной, совершенно не назидательной фразой: «Если пьешь чернила, надо закусывать промокашкой». И замечание это, как показало дальнейшее, не пропало даром: во-первых, Шурик не пил больше чернил, а во-вторых, он и сам постепенно научился находить в по-

добных положениях «юмористические» решения.

Это «воспитание юмором» (ныне термин почти научный), наверно, самая существенная черта светловского педагогического кредо. С помощью этого, внешне такого несложного, метода он добивался иной раз поразительных результатов.

В Центральном Доме литераторов — поэтический вечер. Ожидается один из модных поэтов, но он, по обыкновению, «задерживается». Любит, как говорится, сорвать аплодисменты одним своим появлением. Вот и сейчас в президиум то и дело летят записки: почему нет их объявленного любимца?

Между тем очередь читать стихи доходит до Светлова. Был он явно не в ударе, читал вяло, восторгов публики не ждал (как и всегда, впрочем). Но вдруг после одного из стихов в зале возникает шум, переходящий чуть ли не в овацию. Светлов сперва даже растерялся, но потом, скосив глаза в сторону президиума, все понял: на сцене появился, оказывается, долгожданный поэтический кумир.

Сделав вид, что ничего не заметил, Михаил Аркадьевич выждал паузу и сказал, лукаво прищурившись:

— Спасибо. Давно я не имел такого успеха.

Зал онемел. Залу стало стыдно. А когда аплодисменты возобновились, они уже были адресованы Светлову. Только Светлову. И даже сам опоздавший — по-видимому, вполне искренне — бил в ладоши вместе со всеми.

Это был отличный урок такта — и для самого «кумира», и для его поклонников...

Книга воспоминаний о Светлове, на первый взгляд далекая от педагогики, на самом деле таит в себе немалый — и редкостный! — педагогический заряд. Она в полный рост рисует человека, воспитывающего окружающих и словом и делом — примером собственной жизни, собственного отношения к миру. Светлов учит замечать огромное — в малом, необычное — в обычном, постоянно сохраняя высокий настрой души.

Но уроки эти нельзя принимать буквально. Ведь не в том дело, чтобы подражать Светлову. Послушаем, что думал на этот счет он сам: «Учитель — по установившейся вулгарной традиции — это человек, которому надо подражать. Я с этим категорически не согласен.

Учитель — это человек, который помог тебе стать самим собой».

Да, как видно, истина в том, чтобы, приняв во внимание опыт жизни замечательной личности, в то же время и самому оставаться личностью, оставаться самим собой. И вот этому-то искусству книга воспоминаний о Светлове действительно учит. И учит прекрасно.

С. Сивоконь

С горячим сердцем легче жить

А. Осецкая. Здравствуй, Евгений! Повесть-сказка. Перевод с польского В. Приходько. Рисунки Л. Мильчина. М., «Детская литература», 1972.

Взрослые люди хорошо знают способность детской фантазии ощущать очеловеченными, живыми вещи, предметы, растения, привязываться к игрушкам, как к живым существам. Эта особенность детской фантазии отличает героев многих сказок, как народных, так и созданных писателями (Колобок, Оловянный солдатик Андерсена, Пиноккио-Буратино в произведениях К. Коллоди и А. Толстого и многие другие).

Таков и герой повести-сказки современной польской писательницы Агнешки Осецкой «Здравствуй, Евгений!» — смешной глиняный утенок, вылепленный и «испеченный» шведской девочкой, дочкой пекаря Агатой, снабженный сердечком от старинного утюга вместо сердца и заживший равным среди детей и тех взрослых, которые не утратили в наш трезвый, практический век способности к выдумке, фантазии, поэзии и доброте.

А. Осецкая впервые предстает перед советскими читателями как детская писательница; до сих пор на русский была переведена только ее пьеса «Вкус черешни», которая с успехом идет на сцене московского театра «Современник». В Польше писательница известна как публицист, драматург, автор песен, сатирических произведений.

Но в этой сказке писательница проявила себя как выдумщица, фантазерка, которой близка и понятна ребячья психология, способность детей видеть необыкновенное в обыкновенном, о чем частенько забывают взрослые, ругающие детей за выдумки, а между тем дети зачастую оказываются правы и, как говорится, «устаи младенца глаголет истина». На этом построен в книге Осецкой забавный рассказ о том, как поляки узнали о существовании Швеции, а шведы — о существовании Польши: их увидели за морем польская девочка и шведский мальчик, тогда как взрослым, занятым повседневными делами, было не до этого: «Когда-то, в давние-давние времена, никто в Польше не знал, где находится Швеция. Но, по правде говоря, мало кто думал о том, существует ли она вообще. Людям было не до того, потому что у них были дела поважнее. Им надо было покрывать на маленьких детей и

поучать больших детей... Словом, дел у людей хватало, и ломать себе голову из-за Швеции у них просто не было времени». И только после того, как папа Моники и папа Ларса отправились на лодке, чтобы проверить ребячью «неправду», и плавали «17 дней, 7 часов и 77 секунд» (опять детская склонность к «точным») и вместе с тем фантастическим числом), люди убедились в реальном существовании Польши и Швеции.

Но эта история относится к «давним-предавшим» временам, а основное действие сказки происходит в наши дни: польская девочка Агнешка, дочь лесничего из Дубов в Пишской пуше (реальные названия), побывала в Швеции у своей тетки, подружилась там с мальчиком Ларсом, сыном рыбака, потом самолетом вернулась в Польшу и привезла с собой на память о Ларсе и Швеции глиняного утенка Евгения. В повести все время подчеркиваются приметы быта нашего века: велосипеды, самолеты, телевизоры, стиральные машины, быстрота передвижения и прочее.

Но книжка А. Осецкой — это повесть-сказка, с присущими именно сказке фантазией, гиперболичностью, приключениями сказочных героев, опасностями и счастливым концом. Реальное и сказочное сосуществуют, как бы отражая восприятие мира ребенком. Так, Пекарь-Самый-Младший из долины Сквозняков, который исправно пек вкусные шведские хлебцы, а за ними каждый понедельник ровно в половине девятого приезжал на велосипеде марки «Балтика», чтобы отвезти их в Упсалу, человек по имени Привожу-Хлеб, — этот пекарь вдруг в один прекрасный день почувствовал, что ему «просто необходимо съездить в Венесуэлу в гости к своему двоюродному дяде». И писательница понимает и одобряет потребность человека в неожиданности, чудачествах, в разрушении обыденности и размеренности жизни, иронизируя над современным «здравым смыслом»: «В наше время, если уславливаешься на полдевятого, предполагается прийти без 5 минут полдевятого! В наше время даже поездка, длинные, как дождевые черви, приходят минута в минуту и точно по расписанию садятся самолеты, порхающие, как ночные бабочки!.. В наше время смело можно назвать сумасшедшим того, кто в будний день отправляется в Венесуэлу навещать двоюродного дядю!»

Утенок Евгений — главный герой книги — «родился» от человеческой доброты: дочь Пекаря подарила его в утешение Привожу-Хлебу, тот подарил его Агнешке, чтобы она утешилась, разлучаясь со своим шведским другом Ларсом, и Евгений стал другом Агнешки, ее родных и друзей. В нем самом есть что-то ребячье: он «рождается», не зная человеческого

языка — ни шведского, ни польского, — и учится говорить; он любознателен и любопытен и открывает для себя мир, людей и животных; он добр и привязчив, он ревнует Агнешку к Ларсу. Он оказывается от важным и верным в дружбе, когда помогает разыскать Агнешку и спасти ее от злых Цапел, которые чуть было не погубили его самого. Он наивен, забавен, мудр, добр, привязчив, этот смешной Женя-Колобок, который как бы объединяет вокруг себя всех хороших, добрых и чудачковатых людей, умеющих фантазировать, — и детей и взрослых. А вот, скажем, жена добряка и фантазера Привожу-Хлеб — Анита не понимает сказки, ей нужен не Евгений, а машина для мытья посуды, о которой она мечтает со дня свадьбы, и отсутствие этой машины не может возместить цветы, которые хочет подарить ей муж...

Через всю книгу проходит важная сейчас мысль о том, что никакие блага цивилизации не должны становиться фетишами, не должны закрывать от людей прелести поэзии, сказки, фантазии, доброты, красоты, и взрослые должны оставаться немного детьми и чудачками: «Я не сомневаюсь, что горячее сердце может пригодиться и птицам, и людям. С горячим сердцем живется интересно и весело, даже если в доме нет телевизора».

*Г. А. Могилевская,
кандидат филологических наук*

Советую: прочтите

*В. Яновский,
научный сотрудник
Института леса и древесины
имени В. Н. Сукачева:*

Много ли мы знаем о пауках? Пожалуй, не очень. Большинство далеких от зоологии людей знают лишь, что они сплетают паутину и что они ядовиты. Однако и то и другое не совсем верно. Не все пауки плетут ловчую сеть, а из 30 000 видов пауков, встречающихся в различных районах земного шара, опасны для человека всего около 25, причем из них у нас в СССР всего два — тарантул и каракурт. Тем не менее многие предрешены против этих членистоногих. Возможно, в этом виновата их «неэстетичная» внешность, не прошли бесследно и религиозные заблуждения. Ведь существовало поверье, что за убийство паука с человека снимается определенное количество грехов. А между тем пауки, как правило, необычайно полезны человеку и нуждаются в его защите. Одним из «оправдательных документов», которые получили пауки в последнее время, является

книга И. Акимущкина «Первопоселенцы суши», вышедшая в издательстве «Мысль».

Достаточно привести несколько фактов из этой книги. Паук-крестовик за сутки ловит иногда по 500 насекомых, но это своего рода рекорд. Однако если один паук в течение суток поймаёт только двух насекомых и если учесть, что на каждом гектаре леса насчитывается около миллиона пауков, легко прикинуть, как много они уничтожают насекомых, причем в основном вредных.

Кроме того, пауки интересны сами по себе. Они первыми заселили Землю (отсюда название книги), и они поистине вездесущи: встречаются в жарких пустынях и в заоблачных высях, на вершине Джомолунгмы, под землей и под водой, а порой и в воздухе. Действительно, существуют пауки-водолазы и пауки-аэронавты, залетающие на высоту до четырех с половиной километров.

Разнообразие видов пауков рождает разнообразие их гнезд. Наряду с обыкновенной, всем известной ловчей сетью крестовика имеются нора (у тарантула) и водолазный колокол (у серебрянки).

Вызывают удивление повадки пауков. Сложность их поведения невольно сравнивается с поведением приматов. Паук первым ввел обычай дарить свадебные подношения; самцы некоторых видов приносят самкам подарок — муху в оригинальной упаковке, а «анифена ударающая» при встрече с невестой «танцует и поет».

Люди еще думают о шапке-невидимке, а паук-аргипа уже разработал своеобразный метод укрытия: сотрясая паутину, он доводит ее колебания до такой частоты, что становится невидимым.

Пауки являют также пример материнства: самки скорее позволяют умертвить себя, чем расстанутся с коконом, наполненным их яйцами. Печально прославленный каракурт — нежная мать, проводящая свои последние дни в неусыпном уходе за потомством, истощающем все ее силы.

В заключение о пауках можно сказать словами, предваряющими книгу: «...Жизнь пауков полна чудес невероятных, как легенда, но удостоверенных, однако, фактами. Разве не стоит паук того, чтобы написать (и прочитать!) о нем книгу?»

г. Красноярск

*А. Осницкий,
кандидат психологических наук:*

В издательстве «Наука» вышла книжка «Мозг, психика, здоровье». Автор ее — И. М. Фейгенберг, профессор, доктор медицинских наук, — доступно и интересно рассказывает о сложной картине работы мозга, о возможных принципах переработки поступающей в мозг информации и излагает свою точку зрения на спо-

собы организации сведений, усваиваемых человеком на протяжении жизненного опыта.

Основная мысль автора очень проста. В мозгу человека постоянно происходит моделирование (воссоздание) окружающего мира с его прошлым, настоящим и будущим. Причем направленность моделирования определяется будущим; прошлое же и настоящее служат лишь материалом, из которого формируются картины будущего. Заглядывание в будущее (автор использует более точный, по его мнению, термин — вероятностное прогнозирование) помогает мозгу человека ориентироваться в постоянно изменяющемся мире.

Нужна и интересна эта книга большому кругу учащихся и взрослых. На ее страницах заинтересованный читатель прочтет о путях совершенствования работы мозга, о постоянном росте возможностей человека в овладении окружающим миром и в управлении работой собственного мозга. Помимо того что книжка сообщает массу интересных сведений о режиме сна человека, о его переживаниях, скорости реакций, памяти и нарушениях работы мозга, она чрезвычайно полезна старшекласснику как образец четкого и логически стройного изложения научного материала.

*М. Сальникова,
преподаватель истории:*

Не могу не поделиться с вами радостью от встречи с замечательной книжкой. Она выпущена кишиневским издательством «Лумина» и называется «Лесной жемчуг». Автор ее, Сергей Койдан, — «любитель природы, умеющий ходить по земле, подмечая ее красоту» (так он рекомендует в аннотации). «Хочется мне, — говорит он, — чтобы все дети земли любили лес, поле, реки и озера, чтобы берегли природу. И чтобы, став взрослыми, они посадили бор, соорудили рукотворное озеро или сделали другое доброе дело».

Дочка-второклассница прочла книгу сразу. А потом я прочла ее шестилетнему сынишке. Эта книга — для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Сколько в ней нежной любви к деревьям, цветам — всему, что рождает земля! Как просто и занимательно, в форме сказки, беседует автор с маленьким человеком!

Дети сумели оценить и прекрасные снимки, которыми сопровождается текст. Они тоже принадлежат автору книги. Здесь и жемчужинки росы на паутине, и первые подснежники, и лес, сквозь ветви которого ложатся на поляну солнечные зайчики...

Книжка будет хорошим помощником воспитателю и дома и в школе.

*г. Майли-Сай
Киргизской ССР*

Недавно выпущено

Беляев И. Табак — враг здоровья. М., «Медицина», 1973. 50 страниц.

Одна из опасных вредных привычек — курение табака, к сожалению, все еще широко распространена. Автор на основе статистических данных убедительно показывает, к чему это приводит. Затрагивает он и вопрос о влиянии табака на детский организм.

Влодавец В. Вулканы земли. М., «Наука», 1973. 168 страниц с иллюстрациями.

Извержение вулканов — одно из грозных явлений природы. Известный ученый-вулканолог рассказывает о строении и образовании вулканов, типах извержений, о гейзерах и горячих источниках, о распространении вулканов на земле; описывает различные случаи вулканической деятельности земли в древности и сейчас.

Гессен А. Рифма, звучная подруга... Этюды о Пушкине. М., «Наука», 1973. 374 страницы с иллюстрациями.

Эта книга построена своеобразно. О чем бы ни повествовал автор — о юношеских годах поэта, его общении с друзьями, о работе над произведениями — всюду текст сопровождается выдержками из стихотворений или писем Пушкина, относящихся к данному периоду.

Дежкин В. и Мараков С. Каланы возвращаются на берег. Издание 2-е, дополненное и переработанное. М., «Мысль», 1973. 221 страница с фотоиллюстрациями.

Возвращаются периодически на берег не только каланы, но и другие полуводные животные: выхухоль, бобр, ондатра, норка, котик и другие. Авторы — биологи-охотоведы — описывают их повадки, историю расселения и промысла этих ценных зверьков.

Изюмский Б. Отчим. Повесть. Ростов, Росиздат, 1973. 160 страниц.

В повести два главных героя: отчим и пасынок. Трудно входить новому человеку в семью, еще труднее, когда в ней настороженный подросток. И сложность не только в том, чтобы мальчику привыкнуть к отчиму, а во всем дальнейшем его воспитании, когда, по словам отчима, «каждый день приносит ребусы».

Кессарийский Э. И мяч, и шайба. Горький, Волго-Вятское книжное издательство, 1973. 104 страницы.

О ребятихах футбольных и хоккейных дворовых командах, участниках соревнований на приз клубов «Кожаный мяч» и «Золотая шайба». В книге есть советы юным хок-

кеистам заслуженного тренера СССР А. В. Тарасова.

Ксенофонт В. А если в семье телевизор... и дети? М., «Знание», 1973. 96 страниц.

Проблема «телевидение и дети» возникает сразу же, как только телевизор входит в быт семьи. И она не сводится только к тому, что дети много времени проводят перед домашним кино. Автор брошюры, сам много работавший на телевидении, всесторонне рассматривает эту проблему, обращая внимание родителей на «силу» и «слабости» телевизора, дает советы, как его правильно использовать, чтобы от стал помощником в воспитании.

Левандовский А. Великие мечтатели. Повести. Рисунки Л. Дурасова. М., «Детская литература», 1973. 240 страниц с иллюстрациями.

В книге три биографические повести о великих мыслителях, социалистах-утопистах начала XIX века: Сен-Симоне, Фурье, Оуэне, которые мечтали о создании справедливого строя, без эксплуатации, нищеты, войн. Вся их жизнь — вдохновенное служение великой идее. Книга рекомендуется детям старшего возраста.

Лучутенко Л. Мечтатели. Рассказы. Одесса, «Маяк», 1973. 107 страниц.

Эта книга о детях, но адресована взрослым. Маленькие герои рассказов показаны в различной семейной обстановке. Чутко реагируя на поведение и поступки старших, они испытывают такую гамму душевных переживаний, о которых и не подозревают взрослые.

Макарьев Л. С утра до вечера в театре. Рассказы режиссера. Рисунки В. Гусева. Издание 2-е, дополненное. Л., «Детская литература», 1973. 96 страниц с иллюстрациями.

Уменьшилось ли воздействие театра в наш век развития массового кино, телевидения? Автор, народный артист РСФСР, затрагивая эти вопросы, живо и занимательно знакомит ребят среднего школьного воз-

раста с особенностью и спецификой театрального искусства.

Пошатаев В. Научно-технический прогресс и молодежь. М., «Педагогика», 1973. 128 страниц.

Эта книга адресована родителям. Автор считает, что знакомство с требованиями, которые предъявляет научно-технический прогресс к личности человека, поможет в правильном воспитании детей и юношества.

Рассказы о музыке и музыкантах. Популярные очерки. Составитель М. Г. Арановский. Л.—М., «Советский композитор», 1973. 176 страниц с иллюстрациями.

Эти очерки больше похожи на поэтические новеллы — может быть, поэтому, что в них ярко и образно раскрывается творческая жизнь таких композиторов, как М. Глинка, Н. Римский-Корсаков, И. Стравинский, С. Прокофьев, Д. Шостакович и замечательных современных исполнителей С. Рихтера и Е. Мравинского.

Твой друг. Сборник по собаководству. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Составитель К. Глиер. М., ДОСААФ, 1973. 255 страниц с иллюстрациями.

Эта книга шире, чем сборник советов по собаководству. Среди авторов есть врачи, ученые и даже писатели. Наряду со специальными знаниями, советами, разделом «Для вас, ребята» — об уходе за щенком, есть много разнообразных сведений о собаках, интересных для всех, кто любит животных.

Щеглов Е. О больших и маленьких. Альбом юмористических рисунков. М., «Советский художник», 1973.

Главная тема этих рисунков — взаимоотношение взрослых — мамы, папы, дедушки, бабушки с маленьким человеком, начиная с того хлопотливого момента, когда его принесли домой, и кончая проводами в школу. Художник сумел подметить в семейном быту и то, что вызывает улыбку, и то, что звучит укором некоторым родителям.

КНИГИ

Серьёзное детское кино

Девочка — ей двенадцать лет — встала утром с постели и пошла в уборную. Ничего особенного, конечно, только обычно там запираются, а тут за ней последовала кинокамера. Потом нам показали это на экране. Был ли кто-нибудь скандализован — не знаю: зал молча ожидал, что будет дальше. А дальше она вышла из уборной, пошла в ванную и довольно лениво почистила зубы. Потом немного поругалась с отцом и поплелась в школу. И в конце концов этот фильм, «В папином кармане», получил от «Комсомольской правды» приз «Алого паруса» за лучшее изображение внутреннего мира подростка.

На Четвертом международном фестивале детского кино в Москве было показано около семидесяти фильмов, и я мог бы для начала своего отчета выбрать что-нибудь более романтическое и обаятельное. В зале Дворца пионеров на Ленинских горах прошли за эти две недели и Том Сойер, и Синдбад-мореход, и капитан Немо, и пираты, и индейцы; дошкольники, как всегда, играли; школьники, как всегда, открывали мир и обдумывали жизнь (Советский Союз был очень успешно представлен известной картиной А. Митты «Точка, точка, запятая...»); мультфильмы были полны ярких красок и многозначительных аллегорий, — какой бы тон мы не взяли, нам есть на что опереться. Ну хорошо, этот детский фильм показал внутренний мир подростка — но зачем же было так натуралистично показывать «внешний» мир... Неужто не нашли ничего лучше?

Дело в том, что в этом фильме ничего «лучше» и не искали. Название фильма основано на поговорке, что все желания ребенка — в кармане его отца, и разбиралась, во-первых, связь «внутреннего мира» с окружающей действительностью (связь «желания» с «карманом»), со всей средой обитания: во-вторых — отсутствие этой связи, отрыв внутреннего мира от среды; этот быт, этот папа — они хотят завладеть «желаниями» девочки, а оно (желание) не поддается; и в-третьих — каждая подробность, даже самая «низкая»,

важна. В кино «низкие» подробно устранили, конечно, просто, а в жизни вам их никто устранил не будет. Но дело здесь не в художественном приеме. Это скорее педагогическая идея, и фильм этот — зеркало, в котором девочка увидит себя, а ее родители и учителя — себя. Я поэтому с него и начал.

Детское кино (то есть и кино для детей, и кино о детях) было на этом фестивале серьезнее, чем на прошлом, а на прошлом — серьезнее, чем на позапрошлом. «Серьезнее» даже не в смысле «глубже», значительнее, а, так сказать, по выражению лица. Было такое впечатление, что детское кино побоялось отстать от нынешних столь быстро созревающих детей.

Они, естественно, остались детьми, со своими интересами, симпатиями и энтузиазмом. Вряд ли сами они «стали серьезнее», разве что, действительно, по выражению лица. Но стала серьезнее их социальная роль. Раньше они занимали много места в заботах своей семьи и школы, теперь они занимают места в заботах человечества (а это значит, говоря высоким слогом, что пришло время всему миру стать семьей и школой).

Мы еще делаем по инерции ужасно смелые открытия, что ребенок тоже человек и заслуживает уважения, а дети тем временем стали сами такими специалистами

по собственной психологии, что уже можно брать у них интервью. В том же датском фильме девочка Стине что-то там глупо или дерзко ответила учительнице, и когда учительница (владеющая собой, понимающая душу ребенка, умеющая прощать и все такое прочее) заметила, что непонятно, зачем тогда Стине вообще ходит в школу, девочка сообщила ей — отчасти равнодушно, отчасти и назидательно:

— Я ребенок.

— Но ты понимаешь, — продолжала учительница, — что я не хочу больше терпеть такое поведение.

— А что вы делаете? — спросила Стине не только без вызова, но и без особого любопытства, поскольку ей известно, что всеобщее обучение — то есть всеобщее пребывание в школе — до таких-то лет предусмотрено законом.

В этом фильме, кстати, сценарий определял развитие сюжета лишь в самых общих чертах, и девочка Стине, которая играла девочку Стине, имела от режиссера только одно задание: вести себя как угодно и говорить то, что ей хочется, как подсказывает ситуация. Вот она и поговорила.

Так что прежде чем решать, что этим детям полезно в кино, а что вредно, детскому кино нужно добиться, чтобы его вообще слушали, а не шли туда, куда дети до стольких-то не допускаются.

И поэтому на фестивале было много фильмов, в которых детские проблемы обсуждались на самом высшем уровне. Раньше кино приманивало детей тем, что оно больше них знает о повадках тигров, и бабочек, теперь оно приманивает тем, что больше знает о них самих, о их тайных желаниях и о их родителях. Тут, наверное, есть такое соображение: развлекательных фильмов, доступных детям, много вокруг и без специального детского кино, ему остается лишь повторять в упрощенном виде «взрослые» сюжеты: но если двое мальчишек наказаны за кражу, то некоторые подробности их сговора, их позиции (и моральной, и кто где стоял), и, наконец, справедливость самого наказания (кого «ни за что», а кому «так и надо») взрослым могут быть интересны, потому что они не знают (или забыли), как это бывает на самом деле. Детям все это гораздо ближе, чего они, может быть, и сами не знают, и это кино про кражу и суд покажется им скучным и «тяжелым», но вот тут-то мы и окажемся умнее этих детей — покажем им то, что они поймут и усвоят не как кино (потому что «хорошее кино» должно быть «не такое»), а как случай, в котором нет ничего особенного: дети, как и некоторые другие кинозрители, бывают похожи на Макара Девушкина из повести Достоевского «Бедные люди», который не понял и даже осудил «Шинель» Гоголя.

потому что там как раз про него и было написано.

Однако такое «тяжелое» детское кино полно жгучего интереса (не говоря уж о пользе) и для взрослых, поскольку возвращает их в детство не игриво и пасторально, а трезво и временами жестоко.

...Строгая женщина в черной мантии — судья по делам несовершеннолетних — допрашивает Януша Маека и Романа Добоша. В зале суда много мест, но публики мало. Только мать Маека и адвокат, который должен, по-видимому, защищать обоих мальчиков, но вырывается в основном Маека. Больше никто не пришел. Роман все время беспокойно оглядывается, ждет маму, а ее все нет. А допрос идет. Из вопросов и ответов вырисовывается такая картина: Маек, отличник не только в школе, но и в суде — так хорошо он знает свои права и обязанности, так четко излагает ход событий, — мирно развлекался, собирая разные коллекции, интересуясь техникой (в том числе автомобилями, и как раз расследуется кража автомобильных щеточек — «дворников», надо установить меру вины каждого мальчика), а Добош только тем и занимался, что совершал недозволенные поступки, иногда не слушая советов Маека, иногда понимая их неправильно, а иногда вообще ведя себя необъяснимо — во всяком случае, Маек этих поступков Добоша объяснить не может, а сам Добош тоже не может, он все спрашивает, когда придет мама.

Мама появится только к концу разбирательства. Но это неверно, что публики мало. Строгая женщина в черной мантии не знает, что тысячи глаз следят сейчас за происходящим. Януш Насфетер, автор сценария и режиссер польского фильма «Этот жестокий, никчемный парень», открыл нам двери суда и показал события не так, как они выглядят в изложении красноречивого Маека и робющего Добоша, и даже не так, как их увидел бы непосредственный свидетель происшествия (действительно, отвинчивает «дворники» Роман Добош, а Маек стоит в стороне), а по правде. Не слова, а факты. Не факты, а причины. Не причины, а побуждения. В конце концов, он показал нам то, что могла бы увидеть и женщина в мантии, если бы ее интересовала не кража (главное, машина-то принадлежала иностранному дипломату, вот ведь какое отягчающее обстоятельство), а совершившие ее дети.

Нас пустили в зал суда и мы увидели судью.

Мы увидели, что Януш Маек в свои двенадцать лет — расчетливый приобретатель, ни одна мальчишеская проделка не интересует его, так сказать, бескорыстно; он играет, впутывается в приключения и «познает мир» всегда с одним прицелом: что он с этого будет иметь. В семье, конечно, не учат воро-

вать, но говорят только о деньгах, покупках и о выгодных комбинациях. Януш Маек — воспитанный мальчик, это видно по всему, и по его роли в разбираемом деле — тоже. И мы увидели, что Роман Добош — простодушный и одинокий мечтатель, который благодарен Маеку за то, что тот брал его с собой и учил разным разностям. Воспитывали его мало — он живет с матерью, а мать живет с «паном Кшиштофом», и мальчик предоставлен сам себе, — и он слабо знаком со взрослой системой ценностей, он только обожает свою молодую красивую маму и хочет иметь колты из комиссионного магазина, и он хотел бы также скопить денег на собаку. Среди больших и маленьких персонажей фильма он один не разбирается «что почему» — и мы видим, что эта коммерческая неосведомленность как раз и объясняется его воспитанностью.

Плохо, когда родители не уделяют внимания ребенку. Родители Маека уделяют. Дома ему еще достанется, что он попал под суд и связался с этим безнадзорным Добошем.

К приговору подросла и мать Романа. Судья объявляет, что Маек оправдан, а Добош виновен и должен быть отдан под строгий надзор матери. И тогда красивая мама наносит свой удар — не Роману, он так ничего и не понял, он почти не слышал ее слов, а только смотрел на нее, — не Роману, а нам, внимательно следившим за этой сценой.

— Если он виновен, — говорит мама судье, — значит он украл.

Но ведь для таких есть колония, зачем же вы отдаете его мне?

Оторопела даже невозмутимая женщина в мантии.

— Ну да, я родила его... мне было тогда восемнадцать лет!

Ну, и так далее. Роман в колонии, он и там ждет письма от мамы, а получает от Маека. Укрыв винтовку, он убегает с ней в поле. Он стреляет, в предрассветном тумане он с поднятыми руками идет к милицмейской машине, и каркают вороны — они каркали еще в начале фильма.

Это не все, что есть в фильме, и я нарочно не останавливался на его «детских» подробностях — на тех деталях похождения Януша и Романа, которые особенно хорошо понятны детям.

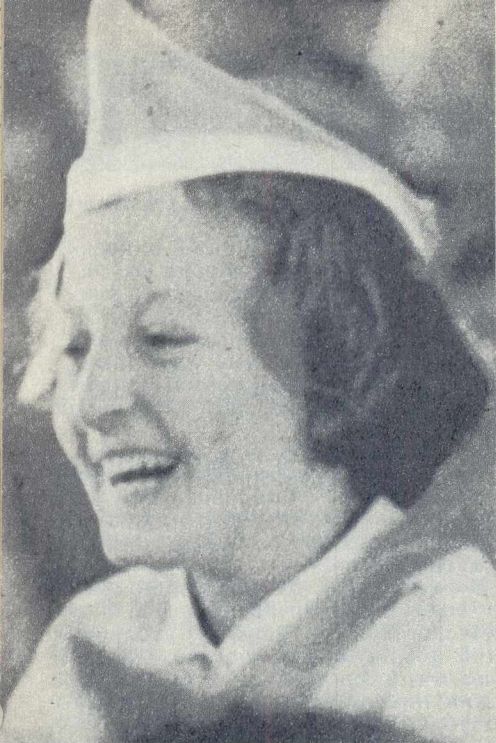
На фестивале детского кино этого года золотую премию получил классический по сюжету итальянский фильм «Приключения Пинокио», а три серебряных — «Этот жестокий, никчемный парень», сложный по форме и трагически-безысходный по содержанию иранский фильм «Путешествие» и проблемный советский «Точка, точка, запятая...», а приз Министерства просвещения СССР — японский фильм «Школа на Грязной реке», где профсоюзный активист ведет с детьми дискуссии о формах и методах преподавания (учит их бороться с казенщиной и сам учится у них коллективизму), причем дети смотрели этот совсем уже не зрелищный фильм с напряженным вниманием и долго потом хлопали. А дети на фестиваль во Дворце пионеров приходили самые разные — билеты продавались при входе, а можно было, что половчее, и так проникнуть. Потому я и ограничиваюсь описанными выше двумя фильмами, а в них — только отдельными моментами сюжета и стили. Дело не в фильмах, а в направлении умов.

И в том, что сегодня в детском кино взрослые и дети встречаются не так, как раньше. Опыт, и в том числе опыт фестиваля, показывает, что дети уже не единицами, а в массе готовы к встрече на более высоком уровне взаимопонимания и негромкого обсуждения всяких нерешенных вопросов. Проблема же в том, как готовы к такой встрече взрослые — тоже в массе или пока еще единицами?

А. Асаркан

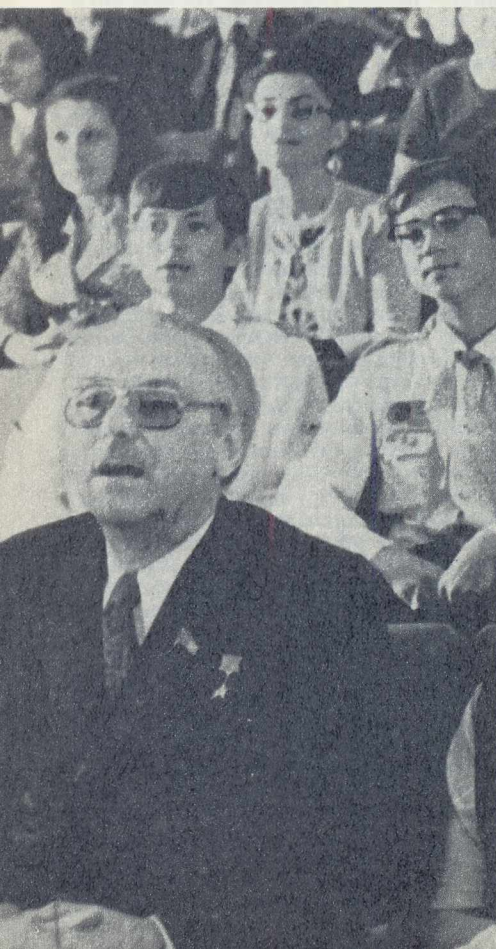
На снимках: председатель детского жюри Галя Быкова (на соседней странице); тоже актрисы — пятилетняя Лулу из Румынии и шестилетняя Есико из Японии... На следующем развороте еще несколько фотографий, сделанных во время фести-

Фильмы оценивало не только «настоящее» жюри во главе с Сергеем Михалковым, но и жюри, состоявшее из самих ребят

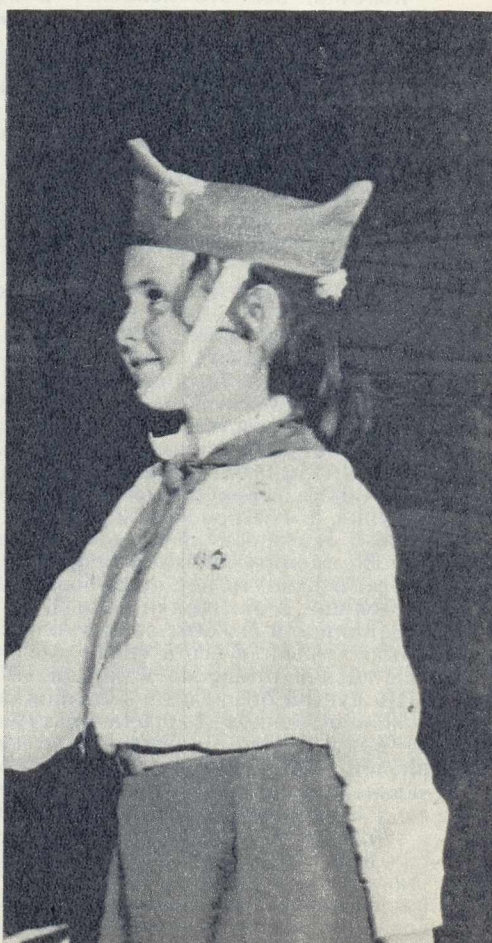
Фото Н. Слезингера

Астрид Линдгрен приехала в подмосковный пионерский лагерь «Зорька» (фото вверху). Фея (а именно феей была Джина Лоллобриджида в фильме «Пиноккио») сошла с экрана...

это поражение — шаг к победе, к той самой победе, о которой сочинил первое в своей жизни стихотворение Ваш сын, Лидия Петровна:

Опять мне не спится.

Мне снится победа —

Ледового поля

Синяя птица.

«В жизни не писал стихов, но про хоккей могу даже стихотворение» — ведь это буквальные строки из его письма. Неужели они только огорчили Вас?

«Конечно, все это неплохо... — пишете Вы. — Но как подумаешь, ради чего все это делается, не знаешь, радоваться или плакать».

И все-таки — ради чего? Ради чего наши ребята готовы по десять раз посмотреть подвиги неувидимых, ради чего играют в разведчиков, мечтают стать космонавтами? Представьте любого мальчишку без всего этого — и мальчишки не будет. Потому что не могут они существовать без увлекательной, полной риска игры, без фантазии.

«Я пришел в хоккей мальчишкой, очарованный этой изумительной игрой. Игра доставляла мне неизъяснимое наслаждение и ощущение полноты жизни». Вот это ощущение в игре «полноты жизни», о котором написал Вячеслав Старшинов, и манит ребят к хоккею.

Хоккей для мальчишек — это «вечный бой», где покой — мера наказания, а вратарь — это тот же пограничник, и поэтому нет ничего удивительного, что он в буденовке с алой звездой, как нарисовал Сережа Кузнецов из Москвы. Ну, а на войне как на войне: шишки и синяки — трофеи боя, свидетельство того, что схватка была по-мужски жаркой. И достойная плата за ту науку побеждать, которую приобретают мальчишки во время ледовых сражений, в которой поражение — всего лишь первая ступенька победы.

Все это придумала не я, Лидия Петровна. Об этом рассказали рисунки ребят. Об этом сочинил стихотворение Ваш сын. И те самые «неинтеллигентные» мальчишки, которые, по-Вашему, только и играют в хоккей. А впрочем, почему только мальчишки? Ведь каждое пятое письмо на конкурс было от девочек. Хоккеисты на их рисунках — нарядные, как бабочки, а моменты острейших схваток у ворот подобны веселому хороводу. Неужели и они станут грубыми и невежественными потому только, что имели несчастье полюбить эту игру?

«Девочкам можно, у девочек это несерьезно», — возразила мне одна из Ваших, Лидия Петровна, союзниц. А у мальчишек серьезно? Вот, оказывается, что Вас пугает. Как бы хоккей не увлек Вашего сына с головой, не сделал его безразличным ко всему, что не касается непосредственно игры.

Когда Миша Жданов из Курганской области занял первое место в районной олимпиаде по физике,

кто-то спросил его: инженером хочешь быть? «Нет, хоккеистом», — ответил Миша. «Я знаю, Вы любите науку, — писал он, обращаясь к Старшинову. — И я ее люблю, потому что хочу быть во всем, как Вы».

Неизвестно, составит ли Миша в будущем славу советского хоккея, но зато уж физика останется точно при нем. И не откроет ли он для себя когда-нибудь куда более трудные, чем хоккейные, законы в науке? Ведь главное качество у него уже есть: хоккей научил его стремиться к победе во что бы то ни стало.

Видите, Лидия Петровна, можно, оказывается, «серьезно» увлекаться хоккеем и в то же время заниматься физикой, писать стихи, рисовать.

Я бы поняла Ваши опасения в том случае, если бы Володя часами сидел у телевизора, а сам не стремился бы взяться за клюшку. Вредно и противостественно в таком возрасте подменять игру в хоккей только волнениями за нее. Но Вас смущает именно его желание играть. И в этом у Вас, Лидия Петровна, увы, немало союзниц. Есть среди них и куда более решительные.

«Сначала мама запирала в гардероб мою клюшку. Но я сделал новую, которую прятал у Витьки в сарае. А потом гетя Вера, предательница, нажаловалась, что я играю. И тогда мама заперла меня в ванной. Я просил, умолял, чтобы в комнате — там хоть из окна видно, как ребята играют. Но она не согласилась. Со злости я разбил зеркало и порезал себе руки» (Игорь Сурин, Ленинградская область).

Согласитесь, не самый удачный путь выбрала мама Игоря, чтобы отвести сына от хоккея. Хотя, наверное, самый простой. Вы поступаете по-другому. Вы хотите, чтобы редакция убедила Вашего сына бросить хоккей. Каким же образом, Лидия Петровна, Вы представляете себе наше вмешательство? «Вова! Не играй в хоккей. Это ужасно!»

Вы думаете, он бы поверил? А если бы поверил? Представьте: он перестанет по утрам делать зарядку, разорвет первое в своей жизни стихотворение и, может быть, даст себе слово никогда не писать. Но зато у него появится больше времени... Только станет ли он свободное время тратить на уроки?

Я думаю, излишне спрашивать, но все-таки: были ли Вы хоть раз на матче, в котором участвовал Ваш сын? Видели ли Вы, как он играет, как ведет себя на поле боя? Ведь каждой матери очень важно знать, каков ее сын в коллективной игре. А на ладони ледового поля человек виден насквозь. Трус, грубиян, эгоист не сможет там сыграть под «отличного парня». Представляете, как много выиграли бы Вы в воспитании Вашего сына, если бы стали его союзницей?

Е. Булгакова,
сотрудница «Пионерской правды»

Ледового поля синяя птица

Не понимаю, откуда это у моего сына? Семья у нас интеллигентная, муж никогда в жизни никакими «хоккейно-футбольными страстями» не увлекался. Телевизор во время матчей не включали. Три дня сын возился — делал клюшку. А недавно, смотрю, сел за стол, целое утро что-то писал. Весь дом на цыпочках ходил: Володя занимается. А он, оказывается, на хоккейный конкурс стихи сочинял.

Вообще-то он у меня физически не очень крепкий, и врач считает, что игра на свежем воздухе ему полезна. Но почему именно хоккей?

Конечно, все это неплохо: Вова каждое утро зарядку с гантелями стал делать (чтобы стать, как Рагулин!), оценку плохую боится получить (из секции выгонят). Но как подумаешь, ради чего все это делается, не знаешь, радоваться или плакать.

Прошу вас, ответьте ему, убедите, чтобы он бросил это ужасное занятие. Хоккей убьет в нем все доброе, нежное, превратит в грубого человека.

Лидия Петровна Ефимова

Чтобы ответить Вам, Лидия Петровна, я читала письма, присланные ребятам на хоккейный конкурс «Пионерской правды».

Конечно, если бы вы вместе со мной разбирали эти письма, если бы смогли побывать во Дворце спорта, где демонстрировались лучшие рисунки, стихи и рассказы ребят, никакого разговора не потребовалось бы. Но давайте все-таки попробуем вместе взглянуть, нет, не на большой, настоящий, а на Вовкин хоккей. Такой, каким он его себе представляет. Каким отразили его в своих рисунках тысячи таких же мальчишек.

На пустом белом поле — одинокая, лежащая ничком фигурка вратаря. Он закрыл лицо руками и, похоже, плачет. Но всмотритесь повнимательней: не с отчаянием побежденно, а с усталостью бойца припал он к земле, чтобы отдохнуть, набраться сил для следующего сражения. Тишина на этом рисунке. Но в нем звучат фанфары боя. Поражение нарисовал Рашит Муратнин из Уфы. Но

Где и как надо ходить

Движение в нашей стране право-стороннее, то есть все его участники — автомобили, пешеходы — должны двигаться по правой стороне проезжей части, тротуара, пешеходной дорожки.

Пешеходы должны ходить по тротуарам или пешеходным дорожкам. А где их нет? Там — по обочине или по краю проезжей части (в один ряд). Но в таком случае они — и это единственное исключение из правил — должны идти по левой стороне навстречу движению транспорта. Почему? Пешеход, движущийся по левой обочине или по левому краю проезжей части, идет навстречу потоку транспорта — ему не надо постоянно оглядываться назад.

Группы детей разрешается водить только по тротуарам и пешеходным дорожкам, а при их отсутствии — по обочине и лишь в светлое время суток.

Для перехода дороги в городах все больше строят подземных переходов, пешеходных мостиков. Если их нет, отмечают (дорожными знаками, разметкой) места перехода.

На дорогах между населенными пунктами, где нет обозначенных переходов, переходить дорогу разрешается под прямым углом и только там, где она хорошо просматривается в обе стороны. Надо учитывать, что на таких участках скорость движения автомобилей редко бывает меньше ста километров в час, а это около 30 метров в секунду. Дорогу в 15 метров шириной пешеход пересекает за 10 секунд. Автомобиль за это время пройдет 300 метров. Это минимально безопасное расстояние. Практически же начинать переход дороги, посмотрев налево, можно тогда, когда слева самое меньшее на полкилометра нет приближающихся автомобилей. Если переход дороги закончить не удалось, то следует остановиться на середине проезжей части, ожидая подходящего момента, и, посмотрев направо, закончить переход. Чрезвычайно опасно заканчивать переход от середины дороги, если вы видите, что к месту вашего перехода приближается обгоняющий других автомобиль во-первых, при обгоне резко повы-

шается скорость, а во-вторых, обгоняющий автомобиль заслоняет собою пешехода. Водитель машины, которую обгоняют, может увидеть вас слишком поздно.

Такое же положение создается при выходе из автобуса. Когда автобус остановится у края тротуара или на обочине, то он заслоняет своим кузовом людей, находящихся на тротуаре, обочине или посадочной площадке, от водителей автомобилей, едущих слева от него по проезжей части. Вот почему обходить стоящий автобус (троллейбус) надо только сзади и ни в коем случае не спереди. По той же причине трамвай надо обходить только спереди. Если его обойти сзади, то для водителя встречного трамвая появление пешехода будет неожиданным.

Много жертв уносит дорожное движение в так называемых сложных дорожных условиях: полотно дороги может быть мокрым после дождя, покрыто снегом, льдом. Во всех этих случаях оно становится скользким. Ясно, что скользкую дорогу переходить сложнее и опаснее. Учтите, что и водителю труднее будет остановить автомобиль, а значит, пропускать мимо себя движущийся автомобиль на близком расстоянии далеко не безопасно.

Во время тумана, снегопада и, само собой разумеется, в темное время суток резко ухудшается видимость. Установлено, что водитель в темноте обнаруживает препятствие на дороге, то есть пешехода, на две десятые секунды позже, чем при дневном освещении. А что такое десятые доли секунды? Это лишние метры, которые проходит автомобиль до того, как водитель начнет тормозить.

Расскажите обо всем этом, пожалуйста, вашим детям, постарайтесь наглядно показать им, почему на дороге надо вести себя так, а не иначе.

А. Гречаевский

Что такое катафот

Ночью (и вообще при плохой видимости) не только «все кошки серы». Серо всё, в том числе и пешеходы.

Пешеход в темной одежде сливается с окружающей местностью и становится видимым для водителя всего за 26 метров. Ношение серой и белой одежды положение существенно не изменяет — расстояние видимости увеличивается соответственно до 31 и 38 метров. Затормозить удастся не всегда...

Как сделать пешехода или велосипедиста хорошо видимыми в условиях плохой освещенности?

Около пятидесяти лет назад были предложены катафоты — стеклянные, а позже пластмассовые, пластинки, хорошо отражающие падающий на них свет. На тыльной стороне пластинки имеет насечку такой же величины и вида, как на подошве галоши. Катафоты не потеряли своего значения и до настоящего времени. По новым Правилам дорожного движения установка их требуется на велосипедах, автомобильных прицепах, гужевых повозках (в общем, на всех транспортных средствах, не имеющих источника электроэнергии).

Но как быть с пешеходом?

Пусть он светится!

Для того чтобы пешеход был хорошо виден на достаточном расстоянии, во Франции практикуется изготовление частей одежды (обшлага рукавов, пояса и пр.) из специальной материи. Эта новая материя способна отражать почти в 200 раз больше падающего на нее света автомобильных фар, чем обычная белая краска. Представляет она собой обыкновенную материю, но при изготовлении в нее вносятся большое количество микроскопических стеклянных шариков, невидимых простым глазом. Пешеход, носящий одежду, отделанную новой материей, становится видимым за 136 метров! Такое расстояние видимости достаточно даже для заснеженных зимних дорог и позволяет водителю своевременно принять меры, обеспечивающие безопасность пешеходов. Эту новую материю с успехом применяют также для отделки детских колясок, крыльев велосипедов, подкладок под колеса автомобилей.

Огден Нэш — популярнейший в США автор юмористических стихов и книг для детей.

Перевод с английского Г. Недрова

Дугл Мак-Дугл

Дугл Мак-Дугл ходит гордо:
Он научился трубить без горна.
Когда он чихает,
Вокруг всё стихает —
Он носом берёт аккорды!

Котятa

Мы любим котят; только жаль, что
ПОТОМ
Каждый котёнок станет
КОТОМ.

Два дурака

Три дня загорали два дурака
И красными стали, как два бурака.
Вчера в полвторого
Их съела корова:
Она приняла их за два бурака.

Л + Л + Л

БАЛ с одним л —
Оркестр и танцы.
БАЛЛ с двумя л
Приносишь в ранце.
Держу пари
На одеяло —
С тремя л
Не бывает БАЛЛЛА.

Свинья

Мы со свиньёй
Ведём себя по-свински:
Она ест отруби,
А мы едим сосиски.
Свинья добра, конечно,
Это верно,
Но даже доброта глупа,
Когда чрезмерна.

Летучие мыши

Летают, летают летучие мыши,
Полёт их бесшумен и голос не слышен.

Они и не птицы, они и не звери:
Их носят по воздуху крылья без перьев.

И крылья трепещут, как чёрные флаги,
И в небе вечером рисуют зигзаги.

Я к этим нептицам, я к этим незверям
Привык относиться с полнейшим доверьем.

Но леди считают, что эти нептицы
Мечтают на голову к ним приземлиться.

Мужья им всю жизнь, умирая от скуки,
Твердят, что неверны подобные слухи.

Но леди, завидя летучую мышку,
Бледнеют и голову прячут под мышку.

Гуппии

У котов — котятa,
У китов — китятa,
Оленёнок — у оленей,
Тюленёнок — у тюленей,
У лягушек — лягушатa
Пучеглазые и глупые,
А у гуппий — крошки гуппии.

Осьминог

Что такое осьминог —
Восемь рук или восемь ног?
Я б на месте осьминога
Называл себя НАСМНОГО.

Термит

На завтрак термит съел кусочек террасы.
К обеду друзей пригласил он массу.
Вот почему наш дядюшка Поль
Провалился вчера на террасе сквозь пол.

Бурундук

Что я пуглив — мои друзья вам подтвердят.
Но бурундук пугливей во сто крат:
Чуть пробежит — замрёт, потом отпрянет —
Совсем как полосы на телеэкране.
Он движется, как тени облаков на склоне,
Как чтение стихов, когда ко сну нас клонит.

Абрикос

Ребята, по-моему, абрикос —
Просто персик, который ещё не дорос.
Кое-кто называет его съедобным;
Лично мне это кажется неправдоподобным.

Непогрешимый Твист

Профессор Твист известен всем учёным:
Не ошибался никогда, нигде, ни в чём он.

И был он послан в джунгли с важным делом,
И с ним невеста ехать захотела.

Профессор Твист купил большую лодку,
Сел сам и усадил свою красотку.

На берегу реки разбили лагерь,
И Твист пошел копать червей в овраге.

Вернувшись к обожаемой невесте,
Профессор не нашел ее на месте.

И проводник сказал ему уныло:
«Бедняжка стала жертвой крокодила».

Профессор Твист не смог сдержать улыбки:
«То аллигатор был. Не делайте ошибки».

Вежливость зрителя

С осени начинаются не только занятия в школе, но и походы в театр, кино, спортивные дворцы. Первое правило вежливости, обязательное для зрителя, напечатано на обратной стороне театрального билета — это напоминание о том, что занавес поднимается точно в назначенное время и, следовательно, необходимо приходить к указанному часу. Но любители опаздывать прекрасно осознают, что спектакль не «уходит» по графику, как поезд или автобус, и, к сожалению, широко пользуются этим обстоятельством. Появление в зале после третьего звонка практикуется и одиночками, и целыми коллективами. Это традиционное, чуть ли не освященное веками нарушение приличий, которым светская молодежь еще щеголяла в начале XIX столетия:

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла, все кипит;
В райке нетерпеливо плещут.
И, взвившись, занавес шумит.

Все хлопает. Онегин входит,
Идет меж кресел по ногам...

Не правда ли, вполне современно? Почти на каждом спектакле или киносеансе приходится сталкиваться с подобной картинкой... Билетеры за всеми уследить не в состоянии.

Обычно опоздавший смущен необходимостью обеспокоить остальных зрителей, но иногда поведение его продолжает детально совпадать с манерой, вызвавшей тонкую улыбку Пушкина:

Все ярусy окинул взором,
Все видел: лицами, убором
Ужасно недоволен он;
С мужчинами со всех сторон
Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеянии взглянул,
Отворочился — и зевнул...

Отвлеченся от того, почему поэт заставляет Онегина поступать именно так, а не иначе. Но вообще весь эпизод появления пресыщенного молодого человека в театре может служить образцом того, как не надо вести себя в общественном месте: тут и подчеркнутое пренебрежение к остальной публике, и бесцеремонное оглядывание присутствующих, и неуместные громкие замечания, и, нако-

нец, последний завершающий жест: Еще амурy, черты, змеи
На сцене скачут и шумят;
Еще усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;
Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать,
хлопать;

Еще снаружи и внутри
Везде блистают фонари,
Еще, прозябнув, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокруг огней,
Бранят господ и бьют в ладони:
А уж Онегин вышел вон...

Нынче, конечно, редко увидишь такое последовательно «светское» поведение, но зато отдельными неловкостями грешат многие. Если они и придут вовремя, то с шумом занимают места, или переговариваются со знакомыми, сидящими через несколько рядов, отчаянно жестикулируют, призывно машут руками, громко смеются... А когда в зале собираются младшеклассники, это почти неизбежный пролог к спектаклю. И даже после того, как взвывается занавес, еще долго стоит затихающий шум — ведь возбужденному сознанию не так просто сразу включиться в действие. А между тем, правила поведения в общественных местах необременительны для ребят любого возраста и достаточно немногосложны:

Проходя на свое место в ряду, обращаются лишь к сидящему с краю — остальные должны привстать без каких-либо просьб и напоминаний.

Первым, непременно повернувшись лицом к сидящим, проходит мужчина (это правило обязательно и в том случае, если он займет более близкое кресло). Меняясь местами, нужно опять-таки повернуться друг к другу.

Знакомых приветствуют кивком головы, улыбкой, руку подают лишь тогда, когда для этого не приходится тянуться.

В антракте можно выйти даже в том случае, если все остальные зрители в вашем ряду продолжают сидеть. Но раз уж остались на месте, не принято вскакивать, окликать приятелей, махать им рукой, чтобы подошли.

Во время спектакля не следует высказывать свое мнение, громко смеяться, шуршать бумажками, разворачивая конфеты.

В кино не принято аплодировать, в концертном зале — рассматривать исполнителей в бинокль.

Крайне невежливо (по отношению и к зрителям, и к актерам) уходить из зала до конца спектакля или устремляться к дверям, едва опустится занавес.

Г. Валлийский

Выставка в Сокольниках

В конце ноября в московском парке «Сокольники» начнет работу международная специализированная выставка «Школьное оборудование — 73». В ней примут участие около 20 стран: Венгрия, ГДР, Польша, Чехословакия, Югославия, Австрия, США, Великобритания, Италия, Франция, ФРГ, Швеция, Япония и другие государства. 200 иностранных фирм и объединений пришлют в нашу столицу новинки.

Устроитель и организатор выставки — Министерство просвещения СССР — представляет советским учителям, сотрудникам научно-педагогических учреждений и работникам органов народного образования возможность познакомиться с новейшими образцами приборов и пособий, аппаратуры, средств обучения и школьного оборудования.

Советская экспозиция на этой выставке самая обширная. Здесь около 14 тысяч экспонатов: школьная мебель различных образцов, наглядные пособия, всевозможные приборы, коллекции, гербарии, уникальные модели, лабораторное оборудование, учебники, учебно-методические пособия для учителей, альбомы и книги для дополнения занятий, разнообразные таблицы, рельефные географические карты...

Все эти экспонаты можно будет увидеть в полностью укомплектованных предметных кабинетах.

Кабинетная система помогает учителю наиболее полно использовать традиционные пособия и новые технические средства для лучшего объяснения материала, вызвать активность и инициативу учащихся, создать различные проблемные ситуации. В кабинете преподаватель может готовиться к урокам, отбирать и хранить необходимые пособия, литературу, работы школьников.

Так, в кабинете начальных классов масса интереснейших таблиц, книг, игрушек и игр, кинофильмов, диафильмов, диапозитивов. Но самое интересное — классная доска, которая, выполняя свои функции, является одновременно с этим и шкафом-хранилищем раздаточного материала, учебных пособий, работ учащихся, киноэкраном, плоскостью для демонстрации магнитных аппликаций, стендом для выставки лучших работ школьников...

В ходе выставки состоится научная конференция стран социалистического содружества, которая обсудит ряд важных проблем, связанных с использованием кабинетной системы и наглядных и технических средств обучения в школе.

А. Костин

Белые и черные

Знаменитому чехословацкому шахматисту Рихарду Рети (в 20-х годах он являлся одним из сильнейших в мире) однажды корреспондент задал вопрос:

— Гроссмейстер, чем, по вашему мнению, слабые игроки отличаются от сильных?

— Там, где для слабого игрока все ясно, для сильного — все тайна! — ответил Рети.

Лицо корреспондента выразило недоумение, и Рети, в свою очередь, спросил:

— Вы, кажется, сомневаетесь?

— Тут что-то не вяжется... Для слабого все ясно там, где для сильного все тайна?!

— Значит, сомневаетесь! Тогда смотрите, — и Рети расставил на доске фигуры. — Здесь ход белых. Какой будет результат?

— Вы шутите, гроссмейстер? У белых всего одна пешка, которую через ход-два побьет черный король, а у черных три, к тому же защищенных! Даже мне абсолютно ясно, что белым надо сдаваться!

— Ваши слова «даже мне» означают, что вы считаете себя игроком слабым?

— Еще бы не слабым. Наислабейшим! Но тут и я ясно вижу, что...

— Один момент! — перебил Рети. — Установим два факта: «вы игрок «слабый» и «вы тут ясно видите». А теперь спросим игрока сильного, — и он, подозвав молодого шахма-

тиста, тоже спросил его о результате.

— Гм... Надо подумать... — сказал тот и погрузился в раздумье.

— Вот видите! — шепнул корреспонденту гроссмейстер. — Ему, оказывается, еще ничего не ясно... Ну что ж, подождем.

Прошло пять минут. Десять. Пятнадцать. Наконец молодой шахматист оторвался от доски:

— Могу сказать. Белые спасаются — добьются ничьей. Вот так, — и он продемонстрировал ходы.

— Вы продолжаете сомневаться? — обратился к корреспонденту довольный Рети.

Тот только рассмеялся и вскинул руки вверх.

Был ли разговор слово в слово таким? Возможно и нет... Но что в приведенном этюде Рихарда Рети белые делают ничью — это уж точно.

Найдете, каким образом?

Домашняя парта

У этой парты нет деревянных боковых стенок, крышку и сиденье стула держат стальные трубки. Их можно согнуть или выпрямить (так же, как у всем привычной раскладушки).

Работать за такой партией очень удобно. Сиденье — полумягкое (с прокладкой из поролона), его можно регулировать по высоте (максимальная высота 40 сантиметров, минимальная — 32 сантиметра). И положение спинки можно менять — поднять или опустить в пределах 8 сантиметров. Крышка парты тоже подгоняется по росту и с помощью специального приспособления устанавливается в наклонном положении.

Покрытие из декоративного пластика делает парту не только красивой, но и гигиеничной. Ее всегда можно отмыть от пыли и грязи.

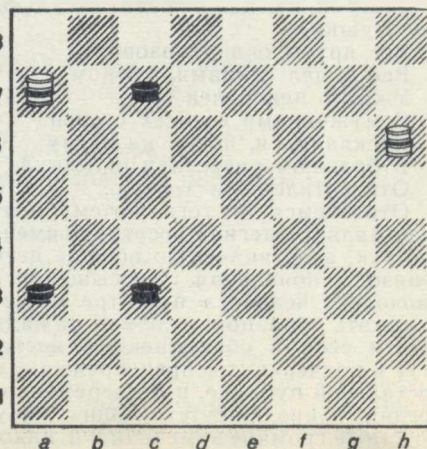
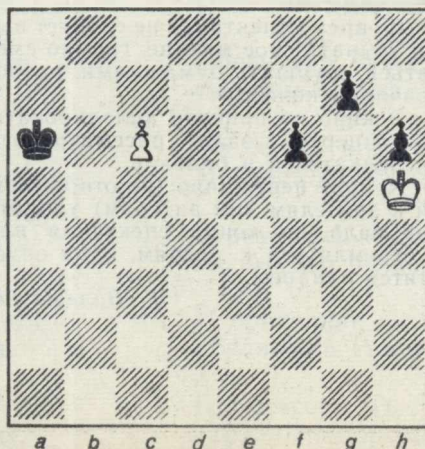
Ученик сел за уроки — и у него все под рукой: пюпитр для книг, на нем же пластмассовые счеты. Предусмотрен и стаканчик (он вставлен в углубление) для карандашей и ручки. А портфель можно повесить на крючок.

Выучены уроки — парту можно сложить, и она никому не будет мешать.

Выпускает домашнюю складную парту (ею можно пользоваться до 5-6-го класса) Первоуральский новотрубный завод. Цена — около 25 рублей.

А любителям шашек предлагается позиция Д. Калинского. У белых две дамки, у черных три простые. Как белые должны сыграть, чтобы не пропустить ни одну из черных простых в дамки и одержать победу?

Ю. Барский,
заслуженный тренер СССР

Стаканчик

Стаканчик делается из квадратного листа (рисунок А) белой писчей или другой (но обязательно проклеенной, глянцевой) бумаги.

Согните квадрат по одной из диагоналей (рисунок Б), а затем поочередно закладывая и сгибайте углы 2 и 4, как показано на рисунках В и Г. При этом верхние кромки загнутых углов должны быть параллельны основанию стаканчика.

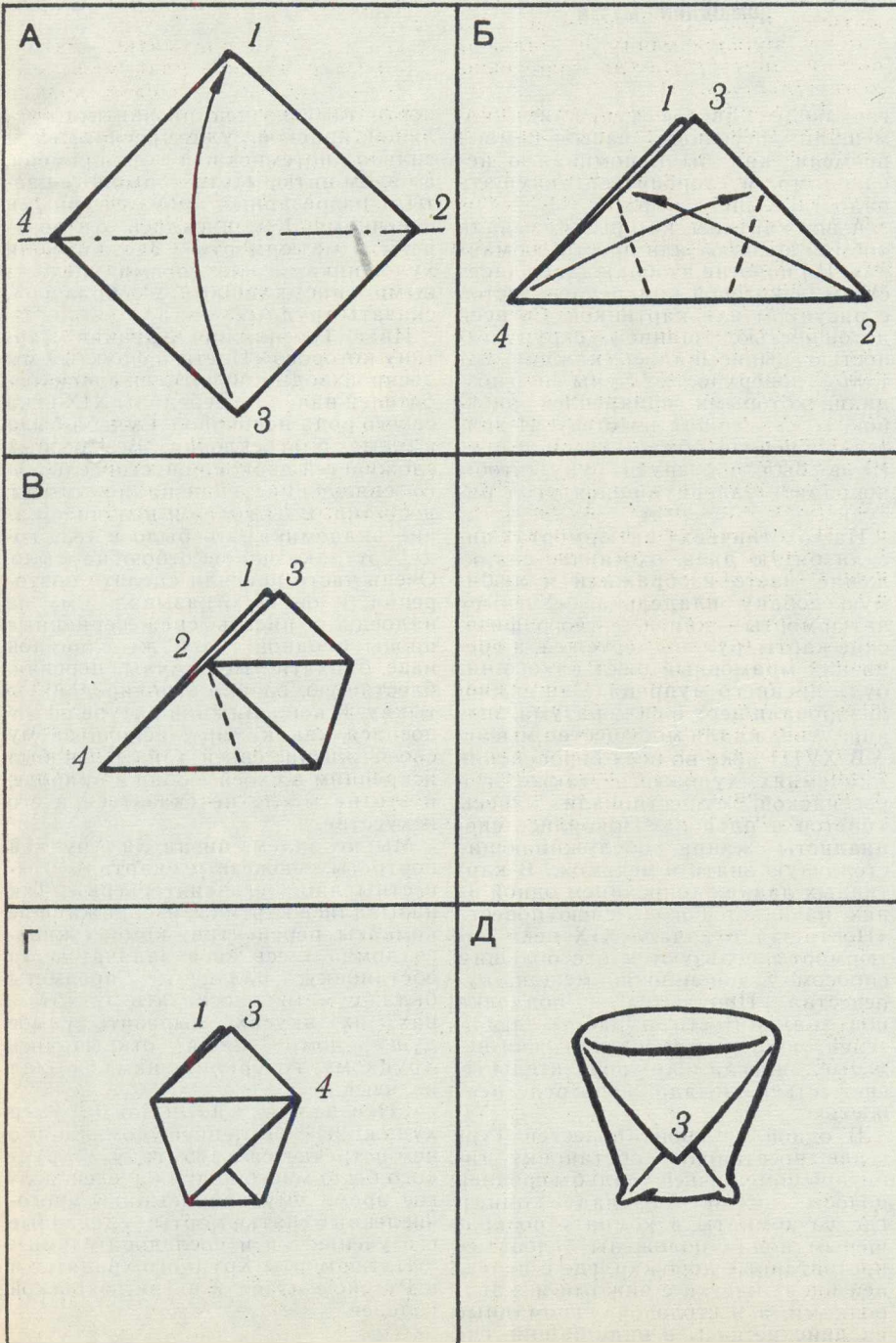
Отогните внизу углы 1 и 3, и стаканчик готов (рисунок Д).

Вода, налитая в такой стакан, сохраняется в нем, не вытекая, более часа.

Сделанный из большого газетного листа, он может заменить в лесу лукошко для грибов или ягод.

А если к стаканчику прикрепить прочную нитку (длиной 60—70 сантиметров), а к свободному ее концу привязать небольшой легкий шарик или просто сухую сосновую шишку, у вас получится веселая игра «Бильбоке»: держа стаканчик в руке, взмахните ею — от этого движения шарик взлетит вверх, а вы попробуйте снова поймать его в стаканчик.

Г. Бедарев

Решение головоломки

Б	Ц	О	Д	Д	В
Ы	Н	Б	О	А	О
К	А	Ь	Н	У	Л

Г	О	Л	К	Н	В
А	Г	Е	У	Е	А
В	Д	Н	Р	В	Ч
А	А	А	А	А	А

В № 9 мы напечатали головоломку с названиями рек. Вот решение ее.

домашний музей

Рассказывают, что в Древней Греции жил художник, который однажды так хорошо изобразил виноград, что птицы слетались к картине, пытаясь клевать спелые гроздья. Изображения фруктов, цветов, различных атрибутов искусства, встречаются на фресках Помпеи, мозаиках Равенны, стилизованные цветочные и фруктовые гирлянды украшают рафаэлевые ложи в Ватикане. Но это или деталь целого или декорация. Главное место в картине или фреске принадлежит человеку, его страстям и поступкам. Предметы лишь сопровождают человека. Только в XVII веке появляется натюрморт как самостоятельный вид искусства. Осмеливаются на такое новшество голландские художники, кто первый — неизвестно. Так много дошло до нас натюрмортов, датированных приблизительно одними годами и созданных разными мастерами, что можно подумать, что первого и не было. Как будто сразу всеми или многими овладела жажда наслаждаться на полотне роскошью простых вещей, показать малый мир, отражающий все законы совершенства и красоты мира большого — могучей природы.

Благоухающие розы с еще не высохшей росой на нежных лепестках, яркие цветы репейника, обсаженные колючками, только что сорванные спелые колосья пшеницы — все вместе как открытая страница великой книги природы. А вот кухонные столы, которые ломаются от громадных туш свежеепотрошенной рыбы, морских крабов, кажется, еще шевелящих клешнями, блестящих раковин устриц, жирных черных морских угрей...

Оказавшись на выставке старинного натюрморта, мы поразились бы как многообразны те мысли и чувства, которые можно выразить, изображая мир неподвижных вещей. Иногда на натюрмортах среди прочих предметов писали череп. Он должен был напоминать о бренности земной жизни, о скоропроходящих радостях и уладах, настраивать владельца картины на философский лад. Иногда среди роскошных бла-

гоухающих цветов художники помещали песочные часы — символ времени, как бы напоминающая о необходимости торопиться вкушать радости земного мира.

А вот картины, которые называли «обман зрения» или просто «обманки». На полотне изображалась часть стены, к которой прикреплен листок с рисунком или картинкой. Со всей дотошностью, тщанием, скрупулезностью выписывалась каждая деталь — поверхность стены и гвоздики, которыми прикреплен рисунок, муха, севшая на стену. И зритель поневоле обманывался и уже готов был протянуть руку, чтобы поправить завернувшийся угол рисунка.

На «охотничьих» натюрмортах писали битую дичь, охотничье снаряжение, часто изображали и любимую собаку владельца. «Ученые» натюрморты — книги, географические карты, рулоны чертежей, а среди них мраморный бюст какого-нибудь древнего мудреца. Они символизировали веру в силу разума, знаний, утверждали могущество мысли.

В XVIII веке во всех европейских Академиях художеств, также и в российской, существовали классы «цветов и плодов». Появились специалисты жанра, обслуживающие столичную знать и вельмож. В картинных лавках (описанием одной из них начинает Гоголь свою повесть «Портрет») в начале XIX века натюрморты пользуются все большим спросом у чиновников, мещан, купечества. Продаются и подделки под знаменитости и работы любителей, иногда ремесленно-нехитрые, иногда же поразительные свежестью взгляда, непосредственностью.

В одной из своих повестей Тургенев восстановил обстановку типичной помещичьей усадьбы средней полосы России. Анфилада комнат, где из комнаты в комнату по крашенным полам положены беловатые протоптанные дорожки, где в передней висят клетки с чижами и жаворонками, а в столовой — громадные английские часы в виде башни, где стены гостиной завешены сплошь

портретами хозяев, писанными масляной краской, уже треснувшей и сильно потемневшей от времени, а рядом натюрморты — пышные цветы и разрезанный арбуз с черными семечками. Кем писались эти портреты и натюрморты? Заезжими ли художниками или своими крепостными, списывавшими с «образцов», сказать трудно...

Иван Трофимович Хруцкий, картину которого «Цветы и фрукты» мы воспроизводим, почитался среди любителей начала и середины XIX века своего рода величиной. Судьба была к нему благосклонна. Без особых сложностей добился он, сын сельского священника, признания, славы, достатка. В 33 года он получил звание академика (это было в 1839 году), от заказчиков отбою не было. Очень часто просили сделать повторения, и он не отказывал. Ему не надоедало писать свежесорванные пионы в одной и той же глиняной вазе, бархатистые румяные персики, блестящую, словно отполированную тыкву. К неподвижной натуре он относился как к миру, исполненному своей жизни, своей тайны. Он был искренним в своей любви к природе, и это не могло не сказаться в его искусстве.

Мы не знаем, писал ли Хруцкий портреты, сюжетные картины, известны лишь его «интерьеры». Так назывались картины, изображавшие комнаты, перспективу комнат жилого дома. Здесь своя задача: через обстановку, различные предметы быта суметь рассказать о хозяевах, их вкусах, выразить самую душу дома. Вещи открывались Хруцкому, говорили с ним, он знал их язык.

...Неизвестно, где и когда умер художник — последнее упоминание о нем встречается в 1855 году. У Хруцкого было много подражателей, долгое время ему приписывали многочисленные натюрморты, сделанные его учениками и последователями.

Натюрморты Хруцкого хранятся и в Русском музее, и в Третьяковской галерее.

Новые мультфильмы

«Айболит и Бармалей»

Режиссер Н. Червинская
Художник-постановщик О. Гвоздева

«Щелкунчик»

Режиссер Б. Степанцев
Художник-постановщик А. Савченко

